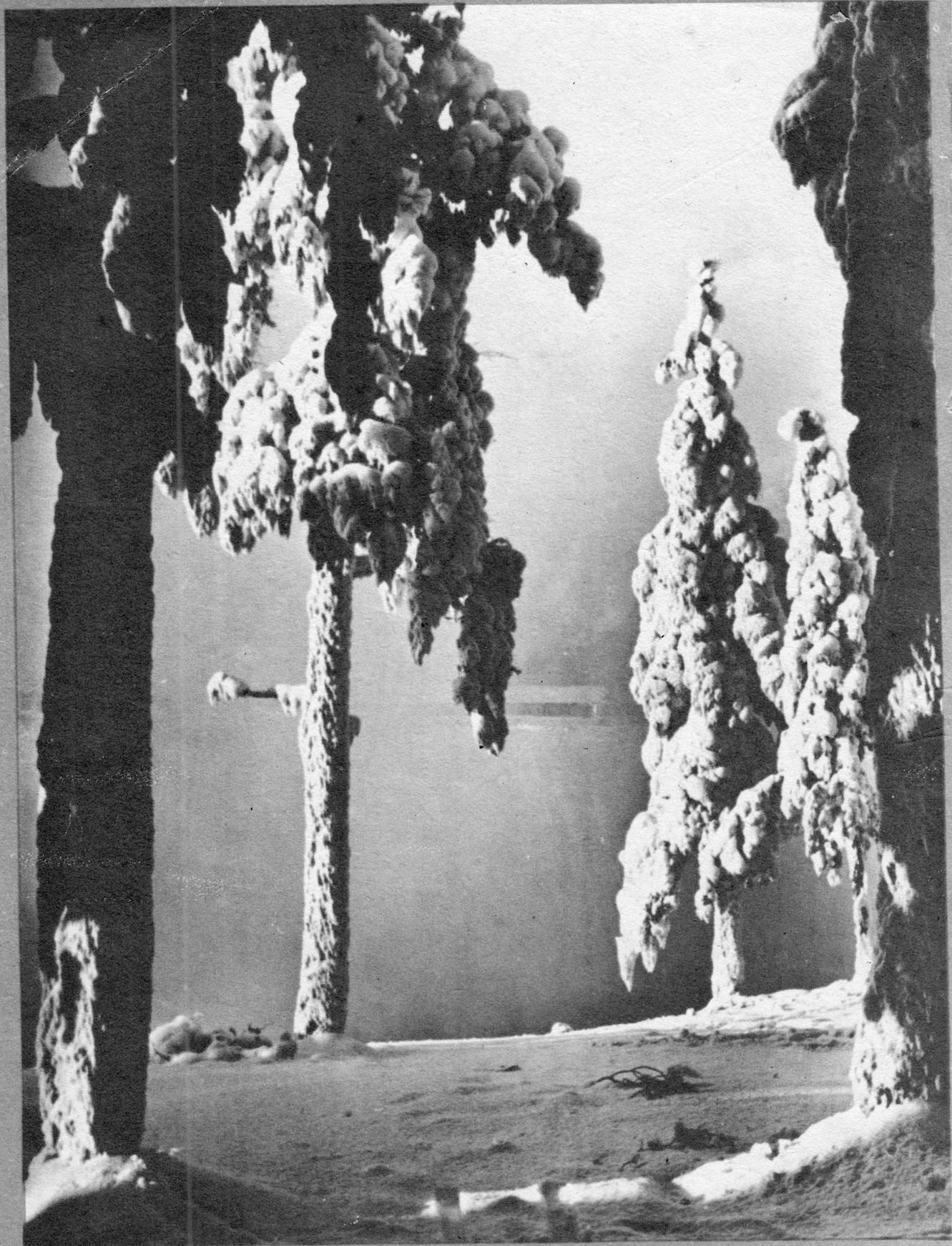

2
1973

У Р А Л Ь С К И Й С Л Е Д О П Ы Т

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

А. ГОРЬКОВ

В НОМЕРЕ:

В. Панкратов. НА ТРАССЕ — НЕПОГОДА	2
А. Чечулин. СТИХИ	8
С. Лясик. Легенда под микроскопом	9
В. Пашин. КОЛУМБЫ ПЯТОГО ОКЕАНА	17
Г. Ошмарин. РАЗВЕ МОЖНО ЗАБЫТЬ...	19
Т. Курашова. За ТРИДЕВЯТЬ ВРЕМЕН	34
В. Альтов. ЗА УРАЛ-РЕКОЙ НА ВСЕ РУКИ	38 42
С. Матюшин. ГЛИНКА. Рассказ	43
А. Походов. ХОТЯ И БЕЗ РЕССОР...	47
А. Матвеев. ПЕРВЫЕ ПРИМЕТЫ	48
И. Росохватский. НЕУДАЧНИКИ. Фантастическая повесть (окон- чание)	50
МОЙ ДРУГ — ФАНТАСТИКА	63
Д. Эйдельман. УКРОЩЕНИЕ АЙСБЕРГОВ СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА	64 67 68
Б. Сергеев. СОКРОВИЩА РУССКОГО ЛЕСА ИЗ КНИГИ ПРИРОДЫ	70 75
П. Казанцев. ОРЛЫ С ЗАСТАВ СЕРЬЕЗНОЕ С КУРЬЕЗНЫМ	79 80

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР,
СВЕРДЛОВСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

ГОД ИЗДАНИЯ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

Средне-Уральское книжное издательство
г. Свердловск

2
1973

У Р А Л Ь С К И Й
С Л Е Д О П Ы Т Ы

НА ТРАССЕ— НЕПОГОДА

Очерк

В. ПАНКРАТОВ

Рисунки Н. Мооса

Машины не возвращались. Часов пять назад начальник мехколонны Челябинского управления треста «Союзпроводмеханизация» Леонид Михайлович Ивлев выслал в тайгу вездеход «Урал». Повел машину молодой шофер Анатолий Кочетков. По расчетам Ивлева, Анатолий должен был уже вернуться и привезти в походный городок людей, которые проработали в тайге целый день под холодным и сырым, пронизывающим до костей ветром.

«Ну вот, дождались погодки»,— подумал Леонид Михайлович.

Он постоял у окна вагончика, вглядываясь в серую темноту осеннего холодного вечера. Там, за окном, валил крупными хлопьями мокрый снег и пронзительно гудел ветер.

В вагончик вошла жена Леонида Михайловича, Галина, заведовавшая походной кухней, и вопросительно глянула на мужа.

— Еще не приехали, пока жду,— ответил он на молчаливый вопрос.

— Может, тягач бы выслал, Леня?

Ивлев поскреб заросший щетиной подбородок — он сам два дня мотался по трассе газопровода от Краснотурьинска до Лобвы и только что вернулся оттуда,— не успел даже побриться.

— Подождем еще часок.

— Я ничего,— сказала Галина.— Только вот ужин... Сколько раз подогривала...

Леонид Михайлович вышел на улицу. Потоптался на шатком крылечке и направился к крайнему вагончику.

— Не спишь, Василий? Как думаешь: не стряслось ли чего? Людей долго нет.

Дернов привстал на скрипучей раскладушке. Час назад он вернулся с другого конца трассы и не успел еще согреться и обсохнуть.

— Случиться не должно бы, Леонид Михайлович. А так, кто его знает, тайга она и есть тайга. Знать, что так выйдет, аккумулятор не снимал бы с тягача. А то поставил вечером под зарядку.

— «Урал», может, заведешь? Ночь на дворе, сколько еще ждать. Босьми с собой Лыскина. Я ему сейчас скажу,— и, не дожидаясь ответа, вышел из вагончика, плотно притворив за собой дверь.

Дернов с минуту посидел, сокрушенно качая головой, почертыхался и стал быстро одеваться.

Сразу же, как только выехали на проселок, началась тайга. Дорога совсем раскисла, валил густой снег, и впереди на десять шагов ничего не было видно.

— Не дорога, а мыло,— ворчал Дернов.

Однако вел он машину как бог — красиво, легко, стремительно. Преодолевая колдобины, вездеход почти не снижал скорости, он словно бы пролетал над ними. Сидевший рядом Николай Лыскин, тоже опытный

шофер, откровенно любовался искусной работой приятеля.

То и дело им попадались встречные машины. Даже ночью монтажники везли трубы в разные концы трассы. Иные грузовики и тягачи стояли на обочине в «карманах». Это трудяги-шоферы, не дотянув до места, кимарили, выбившись из сил.

Дернов и Лыскин были ровесники, обоим по тридцати. Приехали они на Северный Урал из Заполярья, где прокладывали газопровод Ухта — Торжок.

Анатолий Кочетков в сравнении с ними был желторотым мальчишкой, который всего месяца три как работает в мехколонне.

— Куда же он мог запропасться? — терялся в догадках Лыскин.

— Чего гадать-то? — отвечал ему Дернов. — Тайга она и есть тайга. Помнишь, как я ухнул с бульдозером в трясины?

— Ну, как не помнить... Чудом спасся!

— Хорошо — дверцу успел открыть, а так бы — все, поминай, как звали. И не нашли бы.

— Какое там! — махнул рукой Лыскин. — Болото — оно и есть болото.

...До участка, где их ждали строители, Дернов и Лыскин добрались часа через два. Вездеход Кочеткова здесь даже и не появлялся. В болоте по самый бак сидел бензовоз, который возил солянку для экскаваторов и бульдозеров. Люди уже выбились из сил и потеряли всякую надежду его вытащить. Они сидели вокруг костра, мокрые, уставшие и злые.

Лыскин, сидя в кабине вездехода, освещал фарами дорогу, а Дернов потащил буксирный трос к бензовозу. Он был в высоких, по пояс, болотных сапогах и поминутно проваливался в холодную жижу. Наконец машину удалось забуксировать. Другой трос, от лебедки, Дернов привязал к стволу вековой ели, чтобы подстраховать свой вездеход.

— Пошел! — крикнул Лыскин.

Дернов забрался в кабину бензовоза. Натянулся канат, машина вздрогнула, но не сдвинулась с места. Попробовали еще раз — безрезультатно. Лыскин заглушил двигатель и, когда подошел Дернов, мрачно сказал: «Врjúхались!»

Василий осмотрелся. Да, похоже, и в самом деле «врjúхались». В темноте они не заметили, как вездеход въехал в зыбулину, которую успели схватить первые морозы, но, как только колеса пробуксовали, ледяная корка разошлась, и машина села всеми тремя осями, по самый кузов, в трясины.

— Давай, Никола, лебедкой, — скомандовал Дернов.

Он сбросил подбитую мехом штурмовку, достал топор и начал рубить на обочине просеки сушняк. Люди таскали его и бросали под колеса. Они проваливались по колена в болотную жижу, чертыхались и охали, но работу не прекращали. Болото отступало трудно. Моторы захлебывались и глохли, но все же обе машины, сантиметр за сантиметром, двигались вперед. Наконец зыбулина осталась позади.

Была уже полночь. Строители тесно уселись в крытый тентом кузов «Урала». В это время трассу осветили два ослепительных луча фар. Через пару минут подошел тягач, из которого выскочили водитель Александр Парфенов и Леонид Михайлович Ивлев.

— Где Кочетков? — первым делом спросил начальник мехколонны у Дернова и Лыскина.

Те развели руками:

— Не было его тут.

Ивлев не поверил:

— Как не было?.. Куда же он подевался? Ведь не мог он с дороги свернуть. Может, стоял на обочине, ремонтировался, а вы не заметили, проехали мимо?

Дернов с обидой возразил:

— Мы не заметили — ладно. Вы следом ехали — тоже не заметили. Ну, а он-то сам что? Не поверю, чтоб он увидел нас и не вышел на дорогу.

— Ну, а что делать-то? — не отставал от него Ивлев. — Ведь человек пропал!

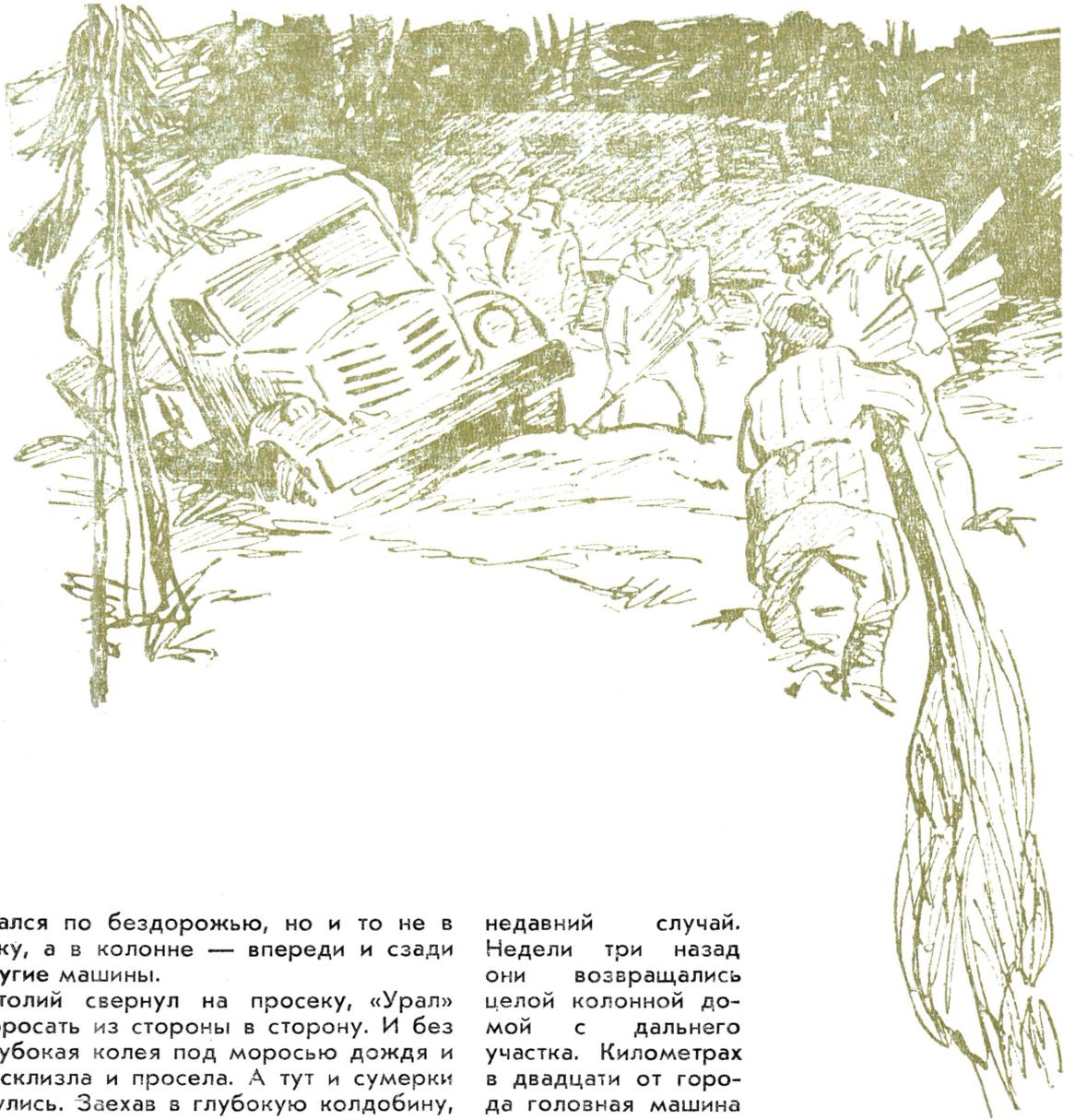
— Утро вечера мудренее, Леонид Михайлович, — рассудил водитель. — Дождемся света и будем искать. Может, следы где увидим.

На том и решили.

До городка добирались долго: машины шли осторожно. Люди плотно прижались друг к другу в кузовах, чтобы сохранить тепло. Дернов сидел рядом с Лыскиным, который вел теперь машину. Его давила дремота. А Ивлев, из кабины другого вездехода, до боли в глазах вглядывался в ночную темень по сторонам дороги. Но лишь сосны вокруг да кедры вели свой бесконечный хоровод, и ни души кругом. Тайга.

* * *

Когда Кочетков выезжал, было еще светло. Ивлев наказал ему нигде не задерживаться, а быстрее забрать людей и доставить в городок. Ехал Анатолий тихо: ему еще не приходилось водить машину по трассе в такую слякоть. Бывало, правда, летом —

пробивался по бездорожью, но и то не в одиночку, а в колонне — впереди и сзади шли другие машины.

Анатолий свернул на просеку, «Урал» стало бросать из стороны в сторону. И без того глубокая колея под моросью дождя и снега осклизла и просела. А тут и сумерки надвинулись. Заехав в глубокую колдобину, машина вдруг дернулась и встала. Кочетков попробовал включить скорость, но в коробке передач лишь заскрежетало, а машина — ни с места.

«Вот наказание-то еще! — подумал Кочетков. — Теперь, видно, загорать до утра придется на дороге».

Он сразу как-то смирился, запахнул плотнее полушубок и закрыл глаза.

За окном кабины выл ветер и бушевала непогода. Скрипели с натугой вековые деревья на обочине просеки, и тонко звенели трубы, вытянувшиеся гигантской змеей вдоль траншеи. Было жутковато одному сидеть в машине среди тайги. Вспомнился

недавний случай. Недели три назад они возвращались целой колонной домой с дальнего участка. Километрах в двадцати от города головная машина остановилась, из кабины выскочил Дернов и закричал: «Братцы, смотрите, что косолапый делает!»

На другой стороне просеки преспокойно ворочал колодины медведь. На гул машин и крики людей он, казалось, не обращал внимания. И только когда ребята засвистели, хозяин тайги бросил свою затею и не спеша скрылся в лесу.

...Анатолий совсем было уже задремал, как вдруг до его слуха сквозь шум ветра донесся гул мотора. Он открыл глаза и увидел

впереди два дрожащих радужно-золотистых шара. Тягач! Анатолий выпрыгнул на дорогу, провалившись по колена в жидкое обжигающе холодное месиво. Замахал руками. Тягач, поравнявшись с вездеходом, остановился. В кузове тягача сидели люди. Водитель высунулся из кабины, окинул застрявший вездеход оценивающим взглядом и без лишних слов принялся за дело: отмотал буксирный трос, дал свободный конец Анатолию и тот подцепил его к своему вездеходу.

Когда вездеход вытащили из колдобины, Анатолий попытался завести двигатель, и опять у него ничего не вышло. Что-то случилось с коробкой передач.

Водитель тягача подошел, чтобы отвязать трос.

— Куда направляешься? — спросил у него Анатолий.

— В Краснотурьинск. Могу до совхоза отбуксировать. Или здесь отремонтировать будешь?

Анатолий был в нерешительности. Ведь там, в Краснотурьинске, его дом. Но на участке его ждали люди. И опять же, если поломка серьезная, то сидеть ему здесь, на дороге, всю ночь. Людям, которые его ждут, от этого легче не будет.

— Ну, думай скорее! — заторопил его водитель тягача.

Анатолий махнул рукой:

— Давай, поехали!

Он вспомнил, что в совхозе у него знакомый сторож. «Оставлю у него машину, а утром пораньше вернусь...»

И вот уже Анатолий в теплой сторожке договаривается с дедом насчет машины. Тот не возражает:

— Оставляй, присмотрю, — но на всякий случай интересуется: — Сам-то ты где будешь, если кто спросит?

— Да кому меня тут спрашивать? — отмахивается Анатолий.

— Дело твое, — сторож не настаивал. — А за машину не беспокойся.

Может быть, оттого, что Анатолий жил не в строительном городке, на кедровой опушке, а каждый день ездил на работу из Краснотурьинска, он трудно вживался в коллектив и чувствовал себя среди товарищей по работе не то что чужим, а вроде бы на особом положении: тех, которые жили в городке, по первому указанию начальства могли в ночь-полночь разбудить, вытащить из теплых постелей и послать с заданием в

тайгу, на трассу. А он этих неудобств не ведал и спал спокойно: кто его станет ночью будить в Краснотурьинске! Отработал смену, а там хоть трава не расти. Конечно, другие водители поглядывали на него косо, и это было неприятно. До того неприятно, что иной раз хотелось все бросить и уйти куда глаза глядят.

Однажды даже произошла настоящая стычка. Было это на дальнем участке, в тайге. У него вышла из строя машина. Водители тягачей и бульдозеристы были заняты на трассе, и Анатолий не спеша ремонтировался. Утром Дернов наказал Кочеткову во что бы то ни стало закончить ремонт к обеду и съездить в городок за соляжкой. Но когда строители вернулись к палаткам, он все еще лежал под машиной и, орудуя гаечным ключом, негромко напевал про море в Гаграх.

— Ах ты!.. — набросился на Кочеткова машинист экскаватора Геннадий Федоров. — У меня машина на последних каплях держится, а он поет! Поглядите на него: ему весело!

— Я тут два дня ремонтируюсь, хоть бы кто помог! — вспылил в свою очередь Анатолий.

— А ты деньги за что получаешь? — зло спросил Федоров.

— Да какие деньги? У вас командировочные, морозные, отдаленные, а у меня?.. Черта с два!..

В разговор вмешался Дернов:

— Ты, Анатолий, пойми одно: из-за твоей нерасторопности машины скоро встанут. А насчет денег зря кричишь. Коэффициент ты получаешь, премию тоже. Да и морозными упрекать людей не стоит: они годами на трассе живут, а у тебя дом под боком.

— Придумали себе амнистию, — не сдавался Кочетков. — Тайга, положение...

— Что ты ему доказываешь, Вася? Он в выходные или гулевые дни хоть раз сядил за баранку? А я и в праздники — пересяду с бульдозера на «Урал» и пилу в Челябину за запчастями.

Лыскин бросил окурки, зло растоптал его каблучком и отвернулся, считая разговор оконченным.

И в этот раз Анатолий был даже рад, что его послали на трассу во внеурочное время. Но кто же виноват, если сломалась машина?

Переночевав дома, Кочетков рано утром приехал в совхоз на попутной машине и сразу занялся ремонтом вездехода.

Поломка оказалась несложной: из одного валика в коробке передач выскользнула шпонка, и часам к десяти Кочетков уже мог ехать.

В городке было почти пусто — все уехали на трассу, только ребятишки играли в снежки, да с веселым лаем металась среди детворы собака. Начальства не было, и Анатолий целый день проболтался без дела. И было у него нехорошо на душе: он уже знал, что его ищут, и не находил себе оправданий. Больше всего его удручала незначительность поломки: кто поверит, что он не мог устранить ее прямо на дороге!..

А вечером состоялось собрание. Леонид Михайлович Ивлев говорил неторопливо, но твердо:

— Большинство из вас строит газопроводы много лет, но я не помню случая, чтобы кто-то из моих ребят оставил товарищей на произвол судьбы. Формально Кочетков прав. Он отработал смену, устал, и никто бы его не упрекнул, если бы он отказался ехать за людьми. Но он поехал, на него надеялись. В конце концов он мог позвонить из совхоза, что сломалась машина. Тогда бы мы не метались по тайге в поисках. Проступок Кочеткова состоит в том, что он не думал о людях, которые на него надеялись.

— Нельзя такое прощать! — подхватил Лыскин. — Не маленький, сам должен понимать... Гнать его — и точка!

— Может, точку еще ставить рано, но сейчас Кочеткову машину доверять нельзя. Пусть в слесарях походит, подумает, — пёребил Лыскина Дернов. — Ну, растерялся человек в трудную минуту. Бывает.

— Вы помните, наверно, Геннадия Кучевского, — продолжал Дернов. — С ним в Заполярье по первости такое же вышло: бросил тягач на трассе и ушел в деревню, а мы семнадцать километров топтали по колёно в воде. А потом я с ним на дальнем участке был и приболел малость — лихорадка была, так он всю свою одежду на меня сложил и спальный мешок отдал, а сам ночь у костра просидел. Кочеткова я не защищаю. Закон трассы для всех один — для сильных и слабых. Но дело-то наше непростое.

— Ты конкретно, Василий Семенович! — вмешался Ивлев.

— А я уже сказал: машину этому парню пока доверять нельзя.

* * *

Прошло около месяца. Каждое утро строители уезжали на трассу, а Анатолий

оставался ремонтировать старый тягач — выбрасывал подносившиеся звенья траков, заменяя их новыми.

В пятницу вечером он заменил последнее звено, проверил двигатель и, поставив аккумулятор, решил завести тягач. Мотор работал ровно, и Кочеткову захотелось попробовать машину на ходу. Он было уже включил скорость, но тут из бойлерной, где поочередно дежурили строители, грея воду для столовой и отопления вагончиков, вышел Лыскин. Кочетков заглушил мотор, и у него неприятно заняло под ложечкой.

Николай сердито уставился на Анатолия и прикрикнул:

— Чего рот разинул! Заводи тягач. Ивлес звонил — велел солярку к Замораевскому болоту везти, — и уже спокойнее добавил: — Сам бы поехал, да бойлерную не на кого оставить.

Кочетков знал, что в последние дни строителей поджимали монтажники и изоляторы. Они уже завезли на участок Замораевки трубы, сварили их и каждый день торопили с подготовкой траншеи. Если не проложить траншею до понедельника, то снова начнутся ругань и недовольство. Поэтому, видимо, экскаваторщики и бульдозеристы решили работать в выходные дни, а горючего для машин не хватило.

— Тягач-то сделал? — спросил Лыскин у Кочеткова.

— Как часы, — ответил Анатолий.

— Добро, заводи — и к складу. Получишь солярку — и мигом на трассу.

— Осторожнее речку переезжай, — сказал Лыскин. — Да ведь ты местный, знаешь, наверное, где перекаты.

— Знаю, — ответил польщенный Анатолий.

Лыскин испытующе посмотрел на него:

— А то останься за меня в бойлерной? Кочетков шмыгнул носом.

— Чего я тут не видал?

...Когда тягач на полном ходу влетел на зеркальную гладь, лед затрещал и прогнулся под гусеницами. Анатолий на какой-то момент растерялся и хотел было уже повернуть назад, но не успел: лед не выдержал-таки и проломился. Тягач сел на дно. В открытый люк плеснула ледяная вода, окатив Анатолия с головой. Он чуть было не выпрыгнул из машины. Все же взял себя в руки, добавил газ, и тягач, круша лед, выбрался на берег. Немного приглушив мотор, Кочетков вылез из люка, чтобы дать воде стечь с комбинезона. Морозный воздух сразу же схватил мокрую одежду, и она загремела. Кочеткова била крупная дрожь, деревенели ноги, но он снова влез в кабину и погнал тягач вперед.

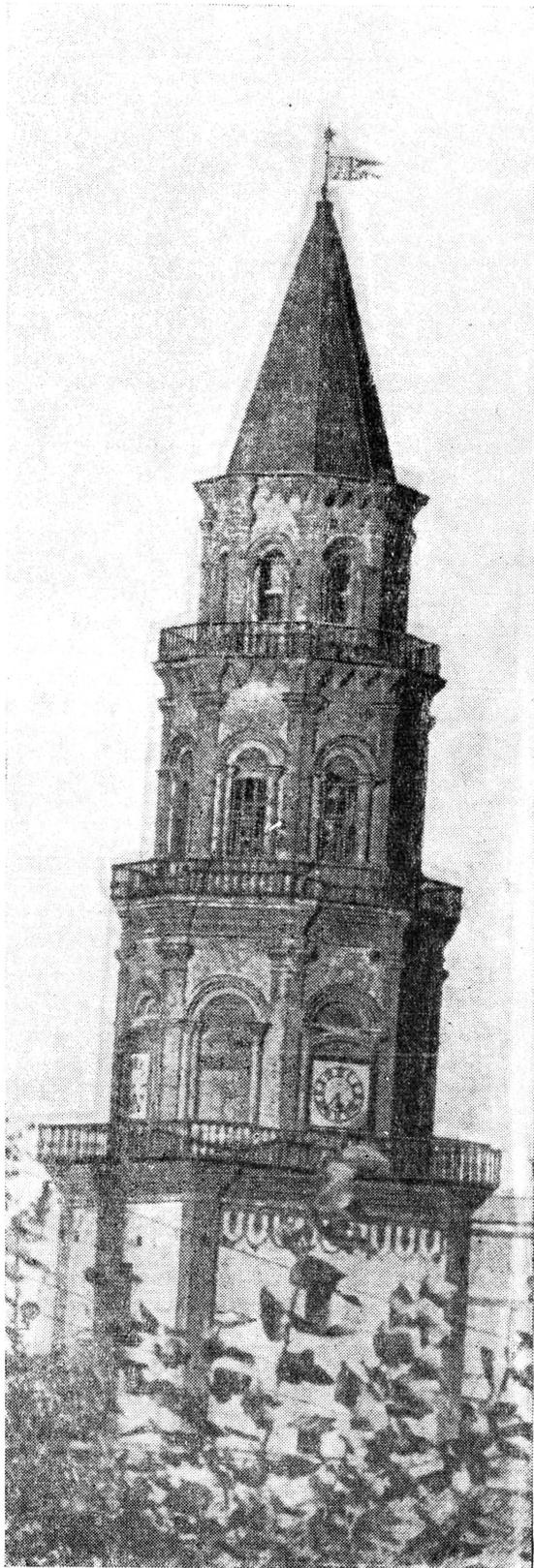
Его на трассе, видимо, еще не ждали. Строители сидели у костра, грелись. Когда Кочетков, развернув машину, попытался вылезти из люка, все, как по команде, вскочили и бросились к нему.

— К костру его, ребята, поближе! — командовал Дернов. — Снимай все с себя!

Анатолию было неловко от всеобщего внимания, но он послушно дал стянуть с себя телогрейку и мокрый комбинезон. Дернов снял с себя носки и портянки: «Надень — они сухие». Кто-то дал Анатолию куртку.

Кочетков натянул сухие брюки, которые снял с себя Федоров, оставшись в одном трико, укрылся чьей-то шубой и протянул посиневшие руки к костру. Вокруг что-то говорили, кто-то сбегал на экскаватор за чайником и пристраивал его к огню, но Кочетков видел все, как в тумане. Мысли сбивались, он машинально отвечал на вопросы и чувствовал, что ему чего-то недостает, кого-то еще здесь нет. Вдруг он вспомнил: Лыскина! И сразу на душе стало спокойно. Анатолий с улыбкой принял протянутую Дерновым кружку с чаем.

Трасса газопровода Игрим — Серов

ЛЕГЕНДА ПОД МИКРОСКОПОМ

С. ЛЯСИК

Старинный уральский городок Невьянск более двух столетий упорно хранит тайны своей наклонной башни. Много легенд ходило, да и сейчас ходит о ней. И построил-то ее Акинфий Демидов будто лишь для того, чтобы затмить славу знаменитой падающей башни в итальянском городе Пизе; и, мол, серебро здесь тайно плавил, а из него монеты чеканил; и темницей-де она служила, где людей в подвалах затапливали, чтоб избавиться от свидетелей; и что даже покосилась-то она якобы от злодеяний демидовских. Много всякого рассказывают...

Однако давно известно, что почти в каждой легенде есть доля правды — «дыма без огня не бывает». Что здесь, в невянской легенде, правда, а что нет? Меня как геолога давно интересовало: правда ли, что в подвалах башни плавил серебро? И — откуда оно там взялось? Дело в том, что в то время, о котором идет речь в легенде (вторая четверть XVIII века), в России серебряные руды добывались только в Забайкалье и плавилась на местных Нерчинских заводах. На Урале таких руд не было!

Вопрос этот, как понятно каждому, краеугольный для всей легенды — на нем она держится. Если окажется, что серебро в подвале башни никогда не плавил, то, значит, и деньги не чеканили, а не чеканили деньги... Ну и так далее. И тогда вся легенда оказалась бы досужим вымыслом.

А если серебро там плавил, то — откуда оно? Надо учесть, что в России на протяжении всего XVIII века добыча золота и серебра частным лицам не разрешалась — это было монополией государства. Как Демидов смог обойти закон?..

И тут на помощь пришли старые документы. Они, в общем-то, известны, но на них стоит посмотреть новым взглядом. И еще помогли достижения современной техники анализа — химического и спектрального.

Коварный подарок

В феврале 1744 года уральский заводчик Акинфий Демидов преподнес императрице Елизавете Петровне серебряный слиток весом 27 фунтов 8 золотников (11 килограммов). Слиток был выплавлен на алтайских заводах Демидова из местных медных руд. Прекрасно зная, что добыча благородных металлов частным владельцам запрещена, заводчик просил императрицу направить на Колывань знающего чиновника для оценки на серебро эксплуатируемых им месторождений. А свои алтайские заводы, на которых появилась возможность выплавлять вместе с медью и серебро, он предложил передать в ведение «высочайшего кабинета».

Этот «верноподданнейший» поступок, суливший немалую прибыль казне, привел сначала императрицу в восторг. Но вскоре он сменился гневом. Прибывший вслед за Акинфием в Петербург штейгер Колыванского завода Филипп Трегер подал «извет» о том, что Демидов ведет тайную добычу серебра и золота. Служа в Колывани у Демидова с 1740 года, Трегер, специалист по серебряным рудам, конечно, хорошо знал об этом. По окончании трехлетнего договора, собираясь уезжать в Петербург, он неосторожно проговорился мастеровым, что донесет о незаконной добыче. Приказчики тотчас же дали знать заводовладельцу в Невьянск. Тогда-то Демидов и решился на хитрый ход: захватив с собою находившегося в Невьянске мастера по плавке серебра Иоганна Юнгганса, он поспешил сам доложить императрице о якобы впервые выплавленном на Алтае серебре. Но умолчал при этом, что попутно получал и золото и что выплавка благородных металлов производилась им тайно уже не первый год.

Хитрый ход не удался. Разоблачение Трегера вызвало неудовольствие царицы. Лишь заступничество благоприятелей в лице барона И. А. Черкасова и других спасло Акинфию от суровых последствий «извета».

В Колывань для проверки «заявки» послали бригадира Бейера. В январе 1745 года он начал плавку медно-серебряной руды, заготовленной ранее демидовскими приказчиками, и менее чем за год завершил порученное ему дело. В декабре Бейер возвратился в Петербург и доставил почти 45 пудов серебра, содержавшего по пробам около 12 фунтов золота.

Коварный «подарок» Демидова обошелся ему недешево: все его алтайские рудники и заводы были отобраны в казну.

Значит, еще в начале 40-х годов XVIII столетия Демидов уже занимался незаконной добычей серебра, а может быть, и золота. А не занимался ли он этим раньше, со времен постройки Колыванского завода (1729 год)?

Для ответа необходимо прежде всего выяснить, знал ли Акинфий Демидов в то время о содержании серебра в алтайских рудах?

Алтайское серебро

Изучавший деятельность Акинфия Демидова на Колывано-Воскресенских заводах горный инженер В. И. Рожков в конце XIX века опубликовал архивные данные, из которых следует, что ураль-

ский заводчик узнал о месторождениях меди и серебра на Алтае от «рудознатного» мастера Каменского завода Федора Инютина.

В 1720 году томский воевода поручил Инютину проверить заявки на медь в Томском и Кузнецком уездах. Однако местные жители, которым было невыгодно открытие рудников, подкупили Инютину, и тот обманул горное начальство, привезя вместо богатых медных руд пустые породы. Когда обман открылся, Инютин почел за лучшее уйти от греха подальше и в начале 1721 года сбежал на Невьянский завод, где и попросил убежища у Демидова.

Проверить на месте сведения, полученные от Инютина, и подать заявку на указанные им месторождения Демидов сразу, конечно, не мог — слишком еще свежа была история с обманом, учиненным посланцем томского воеводы, да и отношения с начальником горных заводов Урала и Сибири В. Н. Татищевым оставляли желать, мягко говоря, много лучшего.

Зато как только Татищев в конце 1723 года отбыл с Урала, Демидов вскоре же послал на Алтай своих рудоискателей.

В Центральном Государственном архиве древних актов в Москве хранится доношение Акинфия Демидова в Берг-коллегию от 19 января 1726 года, где он сообщает, что «для происку медных и протчих руд и осмотру руд и лесов посылал [рудоискателей] с заводов в Сибирь в Томской и другие уезды в 1724 году». Рудоискатели вернулись в сентябре 1725 года и принесли весть об открытии ими богатых медных руд.

Очень, конечно, подозрительно выглядит посылка Демидовым людей на Алтай за медью, когда еще года полтора назад он заявлял новому начальнику Уральских горных заводов генералу Геннину о своем нежелании плавить «добрую» медную руду у себя на Урале. Но здесь многое проясняют документальные материалы, датированные январем — февралем 1726 года (они тоже в Центральном госархиве древних актов).

Вскоре после смерти отца — 17 ноября 1725 года — Акинфий Демидов отправился в Петербург. Здесь 10 января 1726 года он объявил императрице Екатерине Алексеевне алтайские медные руды, обнаруженные в верховьях рек Алея и Чарыша, в районах Бенинской и Змеевой гор, вблизи озера Колывани, в бассейнах речек Муралихи и Таволжанки. Образцы руд передали в Берг-коллегию, откуда они и попали к монетному мастеру И. Шлаттеру для анализа.

Пока руды испытывались, Акинфий Демидов, еще ранее сделав им пробу, подал 19 января доношение в Берг-коллегию с просьбой предоставить право «в Томском и Кузнецком уездах медную нам руду копать и заводы заводить».

К 1 февраля руды были опробованы. Шлаттер в своем заключении отметил, что они содержат от 8 до 53 процентов чистой меди¹. Такая руда обещала богатые прибыли будущему заводовладельцу, и он, естественно, хотел поскорее получить разрешение на строительство заводов.

Но Акинфий Демидов думал о большем. 4 февраля он подал новое прошение, в котором, как бы между прочим, после просьб о запрещении «вин-

¹ В коренных месторождениях содержание меди, свинца и цинка в руде принято выражать в процентах, а золота и серебра — в граммах на тонну руды.

ной и пивной продажи» на намечаемых к строительству алтайских заводах и о взятии в компаньоны генерала Геннина, просил разрешить ему разрабатывать не только медные руды на Алтае, но и серебряные и золотые, «жежели же, где приищутся впрядь».

Резолюцией от 16 февраля строительство медных заводов на Алтае разрешили с условием, что если там обнаружатся золотые или серебряные руды, то образцы их присылать на пробу в Берг-коллегию.

По сути дела это был весьма неопределенный ответ на просьбу, ибо оставалось неясным, кто же — заводчик или казна — будет разрабатывать найденные руды. Но, как бы то ни было, Акинфий Демидов, выслушав 17 февраля решение о строительстве заводов, заверил, что исполнит его и в Берг-коллегию, и в Сибирский Обер-берг-амт «репортовать о всем будет».

Чтобы подтвердить свою исполнительность, он тут же представил на пробу свинцовую руду. Как показал анализ Шлаттера, содержание серебра в ней составило (в переводе на метрические меры) 1250 граммов на тонну, что по тем временам позволяло с выгодой вести разработку.

Но местонахождения руды Демидов не указал. И, конечно, не случайно — тогда нарушились бы все его планы, стало бы под угрозу разрешение на строительство заводов.

Таким образом, еще только добываясь разрешения строить заводы на Алтае, Акинфий Демидов уже знал о наличии серебра в алтайских рудах и имел твердое намерение его добывать.

А добывал ли он его?

Начало «комбината»

Получив разрешение на строительство, Акинфий Демидов направил на Алтай своих приказчиков и мастеровых, которые на речке Локтевке построили небольшой медеплавильный заводик на две печи. Завод был построен до осенних заморозков 1726 года, и первую полученную на нем черновую медь сразу же отправили водным путем для очистки на Невьянский завод.

Однако, проведя первые плавки, Демидов вдруг решил забросить Локтевский рудник и завод и обратился к генералу Геннину с просьбой прислать ему опытного в медном деле мастера для выбора места под новый завод.

Почему бы это? Содержание меди в локтевских рудах даже по тем временам было чрезвычайно высоким — 37,5 процента, вместо обычных 3—5 процентов. Правда, локтевские руды оказались очень трудноплавкими, и это могло послужить официальной причиной отказа от их разработки. Но могла быть и другая причина, о которой заводчик, конечно, умолчал — серебра, как установил впоследствии академик Фальк, было всего ползолотника в пуде отборной руды (130 граммов на тонну).

Итак, новый завод. Где же его поставил Демидов?

Посланные Генниным на Алтай в 1727 году специалисты-плавильщики по медному и серебряному делу — гиттенфервальтер Никифор Клеопин и саксонец Георги, прибыв на место и ознакомившись с положением дел, посоветовали строить новый завод в трех верстах от первого, на реке Белой, впадающей в озеро Кольвань.

Как это видно теперь, через двести с лишним лет, место было выбрано в районе распространения полиметаллических месторождений, содержащих, кроме меди, промышленные концентрации цинка, свинца, серебра и золота. Вот это соответствовало намерениям Акинфия Демидова!

Ожидая крупные доходы, он ведет строительство нового завода, названного Кольванским, форсированными темпами. Однако — вот беда! — не хватает рабочих, они заняты на строительстве Суксунского медеплавильного завода на Урале.

Но вот и Суксунский завод пущен — в январе 1729 года. Кроме того — как по заказу! — 14 мая этого же года пожар уничтожает Выйский медеплавильный завод, оставшийся без сырьевой базы в связи с отработкой богатых руд. Теперь, слава богу, есть кому строить новый завод! Вскоре толпы рабочих с Урала побрели на далекий Алтай. Через несколько месяцев — в сентябре — строительство Кольванского завода закончено, и он пущен в действие. Караваны с алтайской черновой медью потянулись на Невьянский завод. Началась таинственная деятельность демидовского своеобразного Урало-Алтайского комбината, длительное время смущавшего позднейших исследователей своим «плохим географическим размещением».

«Серебряные» доносы

Отправка черновой меди с Кольванского завода в Невьянск, за 2000 верст, показалась горным чиновникам подозрительной. В связи с этим Берг-коллегия направила в 1732 году на Алтай ревизоров: ассессора В. Райзера и капитана В. Фермора. Но демидовские приказчики представили им такие «счетные книги», что ревизоры, вернувшись осенью в Петербург, могли только сообщить начальству, что «книжки» ведутся здесь «не по правилам», а потому выразили недоверие цифровым показателям работы Кольванского завода. Они же указали и на серебро в разрабатываемых рудах.

Доносители изрядно мешали деятельности Акинфия Демидова как на Урале, так и на Алтае. Не успел он прийти в себя от наезда петербургских ревизоров на Алтай, как в мае 1733 года екатеринбургский фискал, подканцелярист Капустин, подал императрице Анне Иоанновне «извет» о неплатеже в казну налогов с Невьянских заводов и о наличии на алтайских землях Демидова серебряной руды, которую «без указа плавить не велено».

Вслед посыпались новые «изветы». Демидова обвиняли в поднесении взяток государственным деятелям, в снабжении «иноверцев» огнестрельным и холодным оружием и в других злоупотреблениях.

Доносы попадали, как говорится, «в жилу». Именно в это время — в начале 30-х годов XVIII столетия — началось «выколачивание» налогов с заводладельцев, всячески уклонявшихся от платежа пошлин. В августе 1733 года для этого даже была образована специальная комиссия под председательством президента Коммерц-коллегии барона П. П. Шафирова.

Сразу же после создания комиссии на Невьянские заводы направился ревизор — капитан С. Кожухов. Но, как ни тайно готовилась его поездка, Акинфий Демидов, будучи в Петербурге, узнал о ней и срочно направил в Невьянск гонца с наказом спрятать все заводские документы в подвал церкви. Однако ревизорам все же удалось установить,

что выплавка чугуна на заводе оказалась в полтора раза больше, чем было показано в ведомостях Берг-коллегии.

Это в Невьянске. А вот алтайским медеплавильным заводом, на который также указывали доносители, комиссия почему-то не занималась. А между тем, поинтересоваться стоило. Ведь, кроме вполне официальных данных Райзера и Капустина, на Урале начали ходить упорные слухи о тайной выплавке на Невьянском заводе серебра из привозимой с Алтая черновой меди.

И только вновь назначенный начальником горных заводов Урала и Алтая В. Н. Татищев решил потревожить алтайскую вотчину Демидова. В 1736 году он направил на Колыванский завод экспедицию под руководством майора А. Угрюмова, чтобы отобрать завод в казну в связи с подозрениями о выплавке на нем серебряных руд.

При пробной плавке руд, взятых с месторождения на реке Корбалихе, мастера экспедиции установили наличие в них серебра. Хотя Угрюмов и не придумал почему-то этому значения, посчитав, что плавильщик добавил в пробу «могильное чудское серебро или серебряные копейки», тем не менее Татищев добился, чтобы завод был взят в казну. И только благодаря хлопотам высокопоставленных заступников, через несколько месяцев его возвратили обратно владельцу. Видимо, Демидов убедил кого-то «в верхах», что серебра там нет.

Однако даже спустя еще три года, в августе 1739 года, академик И. Г. Гмелин, путешествуя по Сибири, посетил Колыванский завод и в своих путевых записках отметил, что тамошняя руда наряду с медью содержит и серебро.

Словом, серебро в медных рудах, которые плавилась на Колыванском заводе, было — это несомненно. Но извлекали ли его из черновой меди?

Некоторый ответ на этот вопрос дают отдельные подозрительные моменты в деятельности Невьянского и Колыванского заводов.

Руда идет на Урал

Обследовавшие демидовские рудники и завод на Алтае ревизоры В. Райзер и В. Фермер отмечали, что за период с 1729 по 1731 годы там выплавлено 7868 пудов черновой меди, из которой 2552 пуда отправлено водным путем по Иртышу и Тоболю в Невьянск. О переправке черновой меди в Невьянск и очистке ее здесь сообщали и многие другие: генерал де Геннин (в 1735 году), академик И. Г. Гмелин (1739 и 1742-й), а позднее — академик И. П. Фальк (1771 и 1772-й), путешественник Г. Спасский, горный инженер В. И. Рожков и другие должностные лица и исследователи.

Перевозка меди-сырца с Алтая на Урал за 2000 верст выглядит весьма странно. Акинфий Демидов в свое время объяснял это тем, что в районе Колыванского завода нет достаточного количества леса для пережигания на уголь и что там не хватает рабочих для очистки меди на месте.

А так ли это было на самом деле?

Повод для сомнения дает хотя бы уже то, что после того, как алтайские заводы отобрали в казну (1747 год), там с большой выгодой перерабатывали руды на месте и выплавляли чистую медь, серебро

и золото. И местных лесов хватало для получения древесного угля, и лишних затрат на перевозку не было.

Чтобы яснее представить себе странность перевозки черновой меди на такое далекое расстояние, придется взять учебник металлургии и пояснить, что же это такое — черновая медь.

При плавке обожженной руды в плавильных печах получался роштейн, то есть сплав сернистых соединений меди и железа с примесью других металлов. Этот сплав затем обжигали и получали черновую медь — продукт, в котором чистой меди было около 70 процентов.

В свою очередь черновую медь плавил в раздельных или извлекаемых печах, где отделяли железо и выжигали остатки серы. Из этих печей выходила уже красная медь — гаркупфер, в которой чистой меди содержалось уже 95 процентов, но еще оставались свинец, цинк, серебро, золото, никель, кобальт и разные редкие металлы.

Архивные материалы свидетельствуют, что в Невьянск для очистки перевозилась черновая медь, хотя гораздо выгоднее было бы транспортировать красную, не говоря уже о чистой меди.

Чтобы получить черновую медь, в то время требовалось в 11 раз больше древесного угля, чем для ее дальнейшей очистки. Значит, это не такая уж сложная проблема, как представлял Демидов перед казной.

Но, может быть, не хватало мастеровых на Колыванском заводе?

Да, их и в самом деле было там мало. Но вот еще парадокс: для очистки меди на месте рабочих не хватало, а для перевозки ее в Невьянск, на что требовалось (по расчету) почти в 10 раз больше людей, чем для очистки, они находились.

Становится совершенно очевидно, что транспортировка меди в Невьянск для очистки не вызывалась ни недостатком дров, ни отсутствием рабочих.

В чем же тогда дело? С какой целью ее перевозили?

Получается, что на одной только перевозке многих тысяч пудов ненужных примесей, содержащихся в черновой меди, Акинфий Демидов должен был терпеть громадные убытки. А это было не в его натуре. Скорее всего именно эти «ненужные» примеси ему и были необходимы, так как в них-то, кроме всего прочего, имелось серебро и золото.

Невьянская «алхимия»

Отделить золото и серебро от меди в России умели уже в первой четверти XVIII столетия. Поэтому трудно даже представить, чтобы практичный Акинфий Демидов при очистке алтайской меди, богатой примесями благородных металлов, мог допустить, чтобы они шли с отходами сразу в отвалы. Вне всякого сомнения, остаточный сплав (состоявший обычно из свинца, цинка, золота и серебра) подвергался еще и аффинажу, то есть разделению.

В этом Демидову могли (должны были!) оказать помощь иноземные мастера-специалисты по плавке серебра, работавшие на его Колыванском и Невьянском заводах. Не случайно, очисткой меди в Невьянске занимался опытный плавильщик серебра Иоганн Юнгганс — уж он-то вряд ли позволил бы допустить потерю ценных примесей.

А нельзя ли проверить это, взяв на анализ медь, выплавленную на Невьянском заводе? Вот,

например, большой колокол Невьянской башни весом 65 пудов 27 фунтов. В верхней части его рельефно выделяется отлитая надпись: «Сибирь 1732 июня 1 лит сей колокол в Невьянских господина дворянина Акинфия Демидова заводе».

В эти годы Демидов получал медь только в двух местах: на Суксунском заводе (выплавленную из местных медистых песчаников) и на Невьянском заводе (очищая привозимую с Алтая черновую медь). Следовательно, колокол мог быть отлит из продукции одного из этих заводов.

С разрешения Управления культуры Свердловского облисполкома я взял образцы металла с короны колокола и сдал их на химический и спектральный анализы в лаборатории Березовского рудника комбината «Уралзолото» и Уральского геологического управления.

Анализы показали, что в состав металла колокола входит: меди — 76 процентов, олова — 23 и примесей — 1 процент. Хотя 1 процент величина маленькая, для нас важно ее содержание. Примеси, как оказалось, представлены никелем, кобальтом, хромом, цинком, свинцом, серебром, золотом, висмутом, сурьмой и мышьяком. Эти-то элементы-спутники позволили сделать интересные выводы.

То, что в колокольном металле есть висмут, сурьма и мышьяк, явно указывает на «адрес» меди — это отнюдь не продукция Суксунского завода, так как в осадочных медных рудах Западного Приуралья подобные элементы не встречаются совершенно. В то же время они есть в алтайских месторождениях полиметаллических руд, которыми владеет Акинфий Демидов.

Казалось бы, на основании этих данных уже можно сделать вывод. Но не будем торопиться, вспомним, что колокол отлит из сплава меди и олова. И если олово было недостаточно хорошо очищено, то многие примеси могли оказаться и в полученной бронзе. Тогда рассмотрим еще один довод.

В западноуральских медных рудах, в отличие от алтайских, содержатся значительные (до нескольких процентов) примеси ванадия, стронция, марганца. Однако в бронзе колокола их нет.

Теперь уже ясно: большой колокол Невьянской башни отлит из алтайской меди.

Анализ колокольного металла позволил сделать еще один интересный и важный вывод — от каких примесей очищалась алтайская медь на Невьянском заводе. Для этого стоит сопоставить содержание отдельных примесей в необработанных рудах и колокольном металле.

Для полиметаллических руд Алтая характерно было повышенное содержание таких полезных ископаемых, как свинец и цинк (соответственно до 10 и 12 процентов в руде), золото и серебро (до 500 и 6000 граммов на тонну руды). В бронзе же колокола эти элементы составляют только десятые доли процента (свинец и цинк), сотые (серебро) или десятитысячные (золото)¹. Куда же они девались?

Ответ напрашивается один: использованная для отливки колокола алтайская медь была очищена от примесей благородных и цветных металлов.

О стремлении к тщательной очистке меди на Невьянском заводе свидетельствует хранящееся в Центральном Государственном архиве древних актов письмо Акинфия Демидова, посланное им 12 марта 1733 года из Петербурга приказчику Нижнетагиль-

ского завода Стефану Егорову (в Невьянске в это время хозяйничали ревизоры): «Колывано-Воскресенскую черную медь очисти всю, а Яков Сидоров (приказчик.— С. Л.) пишет, что-де та медь не совершенно очищена, будто она в дело посуды не идет, кроме колокольного литья. И для бога смотри за гармахером, чтоб она шла в действие, чтоб нам от того не нажить худые славы».

Комментарии к этому письму излишни, если учесть, что по сравнению с посудой для колокольного литья требовалась медь особой чистоты. Опасение же «нажить худые славы» вызывалось скорее всего боязнью, чтобы ревизоры не обнаружили золота и серебра в плохо очищенной меди.

Но если алтайскую медь очищали от примесей в медных цехах Невьянского завода открыто, то где производилась заключительная — уже тайная! — операция по окончательной очистке серебра и золота от свинца и цинка и само отделение серебра от золота? Легенды указывают на подземелья Невьянской башни.

Как это проверить?

Система подземелий

Выплавка серебра и золота — процесс не простой. И если это делали «под башней», то в районе ее должна быть целая система подземных помещений, в которых можно было бы разместить и плавильные горны, и людей, и топливо, и продукты питания, и сырье для плавки и многое другое, без чего не смог бы действовать, не получая огласки, секретный цех Демидова. Вопрос о подземельях до сих пор остается открытым, хотя известно довольно много свидетельств о подземных помещениях под башней, под бывшей заводской конторой и «господским домом», расположенными недалеко от «звонницы».

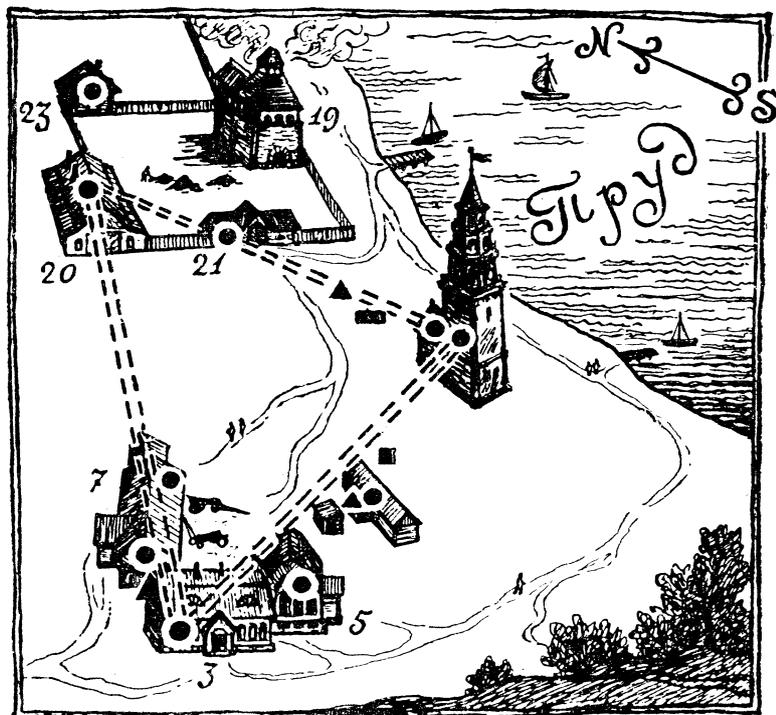
Наиболее ранние официальные сведения о подвалах под башней содержатся в рукописной «Книге мемориальной о заводском производстве», завершенной в 1770 году невянским приказчиком Григорием Махотиным (она хранится в Государственном архиве Свердловской области). Описывая заводские строения, Махотин сообщает: «под тою башнею полат, в низу складенных, 2» и дальше упоминает еще «полатку» под крыльцом башни.

В книжечке В. Г. Федорова «Тайны Невьянской башни» (1961 год) приводится прошение участника волнений рабочих людей на Невьянском заводе в 1824—1825 годах, «бунтовщика» П. Е. Меньшакова, жаловавшегося на помещение его «под строжайший караул в... ужасную полатку под башнею».

Да и невянские старожилы видели в 1930-х годах в полу первого этажа башни четырехугольный люк с чугунной крышкой. По их мнению, он прикрывал один из входов в подвалы.

В рукописи Г. Махотина, кроме того, упоминается, что под каменной заводской конторой, стоявшей в 20—40 метрах севернее «господского дома», были погребя, видимые размеры которых составляли 16,8×8,4 метра. А под расположенной несколько восточнее кладовой — подвал, где в конце XVIII столетия была людская. Далее на восток к кладовой примыкала конюшня, за ней следовал каретный сарай, опять с погребом. В этой же рукописи говорится, что юго-восточнее «господского дома», в 20—35 метрах от него, располагался «рубленный из бревен амбар о двух жильях для съестных домовых припасов..; от того амбара погребя: 1-й де-

¹ Здесь соответственно 500 и 2,5 грамма серебра и золота на тонну металла.

Расположение подземелий:

● — по архивным данным, ▲ — по исследованиям наших современников, ■ — по рассказам старожилов, ■ — место обнаружения деревянной трубы.

Обозначение строений:

3 — заводская контора, 5 — дом господский, 7 — конюшня, 19 — доменный корпус, 20 — меднокотельная фабрика, под ней две палатки для жилья работникам.

Рисунок и нумерация (номера объектов приведены не все) даны в соответствии с чертежом, составленным в конце 18 века.

ревянной, да в 3-х покоях каменные со сводами с одним выходом... При оных погребях весовая тяга с весовыми принадлежностями».

О подземельях в районе «господского дома» известно не только из архивных документов. На протяжении последних сорока лет в них бывали и наши современники.

Так, в конце 1950-х годов В. Г. Федоров вместе с невьянским старожилом А. И. Горбуновым осмотрели три подвала под «господским домом» и установили, что по своему характеру и орнаменту чугунных дверных проемов они во многом сходны с устройством помещений Невьянской башни.

Журналист Л. М. Мамонов в течение трех месяцев 1963 года проводил небольшие раскопки и изучал подземные помещения в районе «господского дома». Он подтвердил наличие трех подвалов, связанных между собою проходами и сложенных «пудовыми» кирпичами. Нашел он и вход в подвалы — он начинался, по его мнению, в одной из комнат демидовского дома.

Но особый интерес вызывает обнаруженная им в южной стенке третьего подвала каменная кладка подземного хода, уходящего в сторону загадочной башни. К сожалению, таинственный ход дальше проследить не удалось.

Краевед А. И. Горбунов рассказывал, что в 1930-х годах ему удалось побывать в подземельях за третьим подвалом. Здесь в одном из них он видел нары из полусгнившего дерева, человеческий скелет, две небольшие плавильные печи в углу, двухпудовую железную гирию с надписью «2П». А дальше путь А. И. Горбунову преградила дверь, закрытая на тяжелый замок.

В каких же подземельях побывали в разное

время А. И. Горбунов, В. Г. Федоров и Л. М. Мамонов?

Судя по «Книге мемориальной», три каменных подвала со сводами и «весовая тяга при оных» располагались не прямо под «господским домом», а под отстоявшим от него несколько юго-восточнее амбаром. В таком случае следует считать, что наши современники побывали в подземельях именно в районе амбара, находившегося на одной линии между «господским домом» и часовой башней. А наличие в третьем подвале хода в сторону башни может служить указанием на то, что она сообщалась с «господским домом» подземным переходом.

И если теперь нанести имеющиеся данные о подвалах на старый «План железозаготовительного Невьянского завода», можно сделать вывод, что в пределах «господского двора» подземные помещения размещались по двум четко выраженным направлениям: юго-восточному (заводская контора — «господский дом» — амбар для припасов) — в сторону башни, и восточному (заводская контора — кладовая — каретный сарай) — в сторону медной фабрики.

Но в таком случае, если говорить о тайной плавке под землей, подвалы должны были быть и под этой фабрикой!

Действительно, на старом плане находим «палатки» для литья «медных вещей», для приема угля и для «жилья работникам» и под «меднокотельной фабрикой». Они удалены на восток от заводской конторы на 120 метров и на север от башни тоже на 120 метров.

Кроме этих двух направлений, по которым располагались подземелья, намечается еще одно: меридиональное, по которому могла идти подземная

связь между медной фабрикой и башней. В 1962 году геолог В. Н. Малоземов проводил инженерно-геологические изыскания между башней и бывшей медной фабрикой. Две буровые скважины, заложенные им, вскрыли под трехметровой толщиной насыпного материала подземные полости высотой в два метра. Свод и основание их сложены из «древнего» красного кирпича. Здесь же при проведении земляных работ найдена деревянная труба диаметром около полуметра. Составлена она из обтесанных топором лиственничных плах, покрытых изнутри слоем сажи.

А теперь посмотрим, что получается. В расположении подземных помещений выявляется определенная закономерность: они приурочены к вершинам и сторонам более или менее равностороннего треугольника (башня — заводская контора — медная фабрика), каждая сторона которого составляла около 120 метров.

Чем же могла быть вызвана такая странная закономерность в размещении подземелий?

Оказывается (если принять во внимание преимущество вспомогательных построек на старинных заводах), по периметру треугольника располагались подземные и наземные помещения, взаимосвязанные по своему назначению. В самом деле, для работы подземного цеха в подвалах имелись и уголь, и продукты медных плавов, и плавильные печи, и весовые принадлежности, и даже места для проживания рабочих людей. В наземных же постройках хранились съестные и различные хозяйственные припасы, которые можно было неприметно переправлять под землю. Кроме того, из «господского дома» или из заводской конторы можно было незаметно попасть в подземные помещения. А это имело немаловажное значение для присмотра за тайными работами. И, наконец, в часовой башне находилась пробирная лаборатория для скрытного контроля за выплавкой.

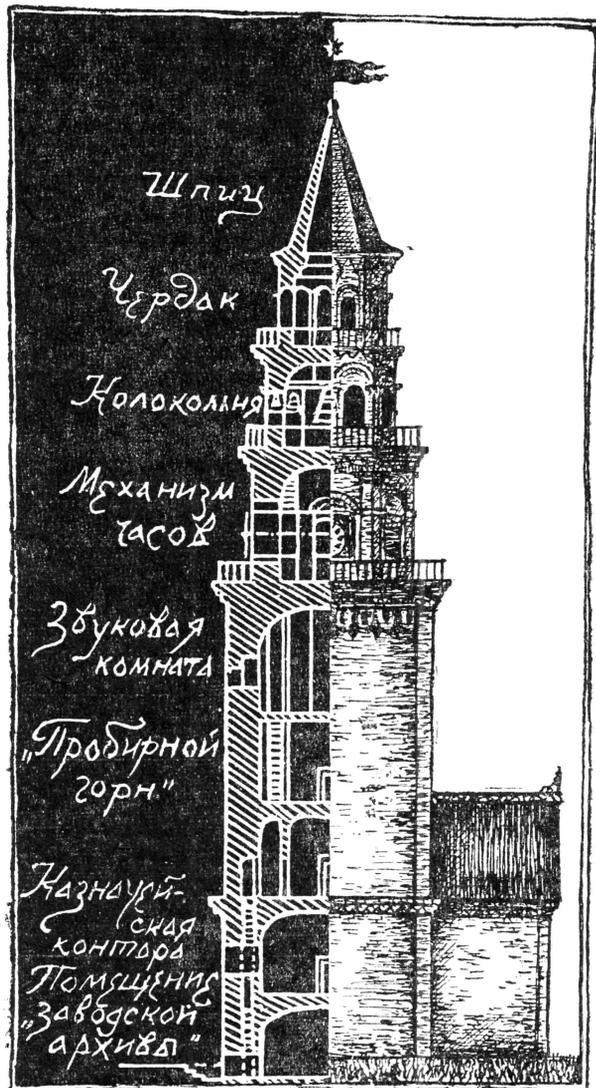
Часовая башня... Ею-то, пожалуй, следует заняться особо.

Сажка отвечает

До нашего времени в шахте для груза часового механизма башни сохранились два дымохода. Оба выведены в восточное окно в помещении четвертого этажа под «звуковой» комнатой и непосредственно над «пробирным горном» — заводской лабораторией, расположенной на третьем этаже башни. Ниже лаборатории, на втором этаже, помещалась казначейская контора, а на первом этаже располагались помещения «заводской архивы». И уже под «заводской архивой», судя по описанию приказчика Махотина, находились «полатки» — подвалы.

Дымоходы меня заинтересовали.

Один из них сложен из светлого розового кирпича, по форме и размерам напоминающего современный, и явно «моложе», чем другой дымоход. К тому же он идет из «пробирного горна» и особенно интересен не представляет — лаборатория на Невьянском заводе в XVIII столетии действовала вполне легально, хотя доступ в нее был крайне ограничен. Это видно из того, что попасть в пробирную со второго этажа можно было только по узкой лестнице, проходящей в толще стены, причем проход закрывался железной дверью с массивной

Разрез башни.

задвижкой. Вход же в верхние этажи вел по заключенной в дощатую трубу деревянной винтовой лестнице, миновавшей третий этаж.

Второй, более старый, дымоход сложен из темно-красного крупного — «пудового» — кирпича, точно такого же, из которого сложены стены башни. В отличие от нового старый дымоход не заканчивается на третьем этаже. Его можно проследить и на восточной стене второго этажа. Там ниже уровня пола казначейской конторы он поворачивает сначала горизонтально, а потом за северной стенкой шахты уходит под прямым углом вниз, скорее всего в подвальные помещения башни.

Так вот, на внутренней стороне кирпичей, вывороченных из старого дымохода, есть слой затвердевшей сажи толщиной до 5 миллиметров. Ясно, что она могла накопиться лишь при проведении каких-то «огненных» работ в подвалах башни.

Какие же такие работы могли вести там? Не может ли ответить на этот вопрос... сажа?

Мне удалось наскоблить образцы сажи из старого дымохода на выходе его в окошке четвертого этажа, на его горизонтальном участке под казначейской конторой и на его вертикальном отрезке, уходящем в подвалы. С этих же кирпичей я взял для сопоставления образцы слоя под нагаром, внутренней (срединной, незагрязненной) части кирпичей, их наружных выветрелых корочек и участков под ними. Кроме того, по такой же методике были отобраны образцы из кирпичей с внутренней стенки низа прямоугольной шахты, со ступеньки казначейской конторы, со стен башни у входной двери и напротив ее, со стены над четвериком (ближе к окошку с выходящей трубой).

Все эти образцы прошли спектральный анализ в лаборатории Уральского геологического управления.

Результаты получились очень интересные.

Во-первых, только в саже (во всех образцах, взятых из разных частей дымохода) содержится серебро в количестве 1—3 граммов на тонну.

Во-вторых, в саже отмечена повышенная концентрация свинца и цинка — во много раз (в 10—30 раз) больше, чем в самих кирпичах дымохода и стен башни.

В-третьих, содержание меди в саже очень велико — такое же, как и в самих кирпичах. В то же время в наружных частях кирпичей из стен башни содержание ее выше в 3—10 раз.

О чем это говорит?

Поскольку в саже есть серебро, свинец и цинк, значит там, откуда ведет дымоход, плавил концентрат, содержащий эти элементы. Не черновую медь — ее очищали не в подвалах башни, а в нескретной надземной медной «фабрике»¹, — а именно серебряный концентрат. Судя по составу последнего, можно сказать уже и так: **здесь выплавляли серебро.**

Для чего его получали, пока можно только предполагать, но ясно, что не для изготовления серебряных ложечек.

Что видно с башни

Но для чего бы там в подвалах ни плавил серебро, а делать это надо было тайно: царские законы на этот счет были строгими. И Демидов, как мы уже видели, предпринимал для сохранения тайны все меры. Похоже, что этой цели служила и сама башня.

С давних пор идут слухи о том, что Невьянская башня — каменное семиэтажное сооружение, состоящее из массивного четверика и трех восьмигранных ярусов с верховиком-шпицем, — имела сто-

¹ Чем и объясняется то, что в наружных кирпичах содержание меди выше, чем в саже — дым от медной «фабрики» оседал на стенах башни.

рожевое назначение. По одним преданиям, с балконов ее демидовские служки доглядывали за Екатеринбургской и Нижнетагильской дорогами, чтобы правительственные ревизоры, которые в те годы навязали часто, не могли застать врасплох рабочих людей, занятых тайными делами — плавкой серебра и чеканкой монет. По другим — на башне несли караул дозорные, следившие за заводскими окрестностями, по которым к заводу можно было скрытно подобраться.

Конечно, для сторожевых целей с гораздо меньшими затратами можно было бы поставить небольшую дозорную вышку на одной из вершин гор рядом с заводом. Но Акинфий Демидов из каких-то соображений предпочел соорудить башню на заводской территории, вблизи западного конца плотины.

Выбор места для башни осложнялся естественной преградой — меридионально вытянутой цепью гор: они мешали наблюдению за восточной частью демидовских владений. Не эта ли причина продиктовала высоту башни, равную 57,6 метра?

Оказывается, да — именно такая высота позволяла с этого места обозревать различные дороги, существовавшие здесь в первой половине XVIII столетия.

Однако с башни совершенно не просматриваются северо-восточный и восточный участки территории между дорогами Тагильской и Аятской и между Аятской и Кунарской. Мало того, даже из окошка в шпиге первый участок не виден. Почему бы это? А может быть, обзор этих участков, требовавший увеличения высоты башни еще на добрый десяток метров, и не представлял особого интереса.

Надо сказать, что место для башни выбрано очень удачно. Если отнести ее к северо-востоку, то есть ближе к горам, или к северу, за тень наиболее высокой горы с востока, то пришлось бы увеличивать высоту прежде всего для наблюдения за Кунарской дорогой, по которой только и могли приехать в Невьянск ревизоры.

* * *

Таким образом, архивные документы, результаты обследования башни и данные химических и спектральных анализов позволяют считать с известным основанием, что на Невьянском заводе Акинфия Демидова в период 1729—1743 годов производилась очистка черновой алтайской меди от свинца, цинка, серебра и золота. Причем отделение серебра (и, по-видимому, золота) от свинца и цинка осуществлялось в подвалах Невьянской башни.

Что башня строилась именно для этой цели, можно судить по тому, что дымоходы из подвалов были заложены сразу при сооружении стен. Отсюда и еще один вывод: когда строили башню, первые Демидовы уже знали о возможности добычи серебра и золота из алтайских (а может быть, и уральских?) руд.

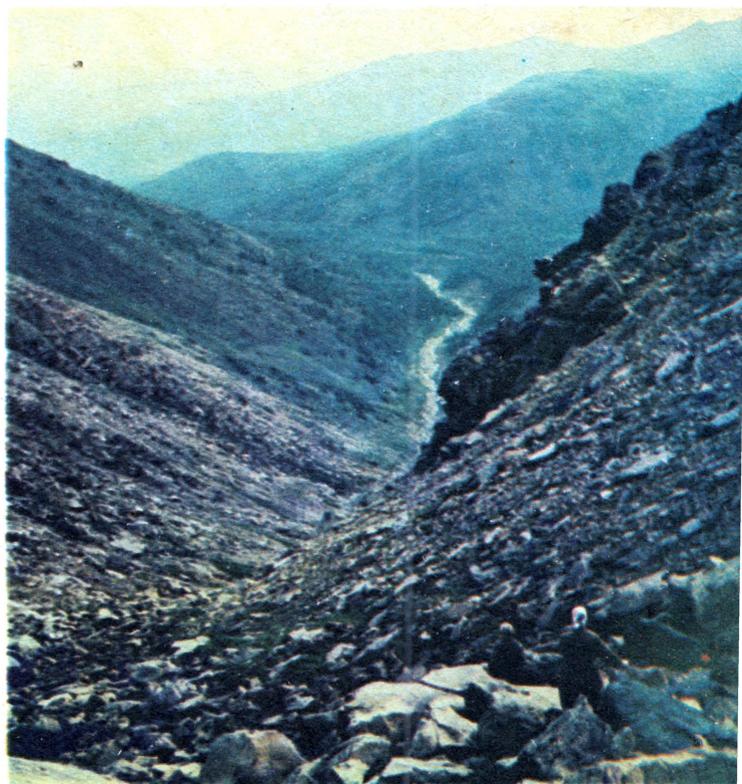
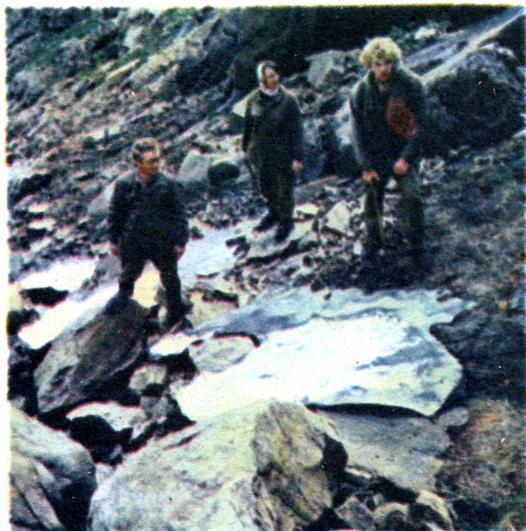
Какая-то часть завесы над давней легендой как будто приподнялась. Но только часть. Следопытам истории предстоит разрешить еще немало вопросов о тайнах Невьянской башни.

Где рождаются горные реки? Как правило, в ледниках. Но на Северном Урале настоящих ледников нет. Лишь снежники. И здешние реки рождаются в небе. Горы правят облаками, встают стеной, удерживают их. И облака отдают воду горам. Но не дождем, а мельчайшими капельками. Под слоем мха, незаметные для глаз, бегут ручейки. И вот уже маленькая речка сердито полирует камни, прорезав такое ущелье, что диву даешься!

Вот так и родилась речка Полдневая, разрезавшая горы Иювской пропастью. Ей дают силы маленькие ручейки, бегущие с вершины Конжаковского камня.

*А. Нагибин.
Фото автора.*

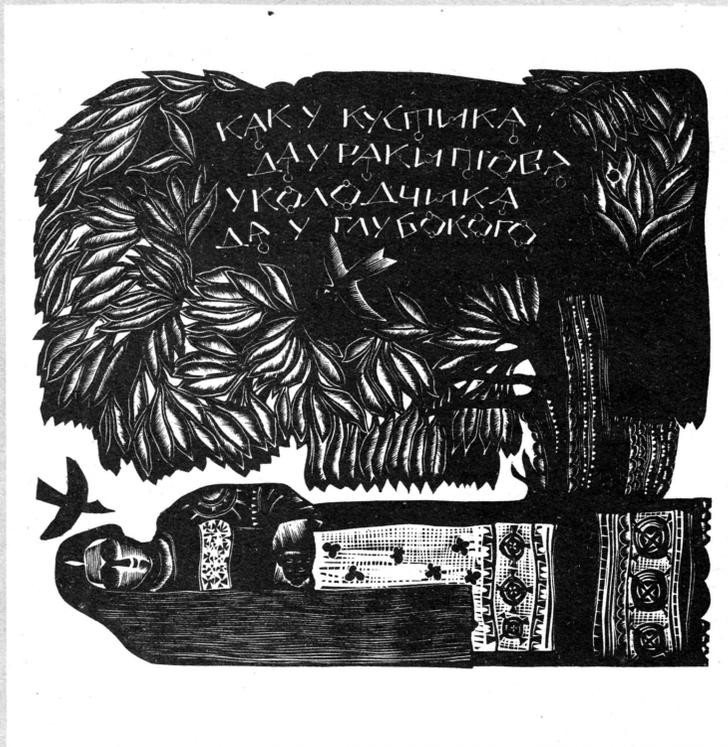
ВОЛОГОДСКИЕ МОТИВЫ

Гравюры
на дереве
художников

Г. и Н. БУРМАГИНЫХ

КОЛУМБЫ ПЯТОГО ОКЕАНА

Третий час летит самолет над океаном. Правда, самого океана не видно: его застилают грязно-серые пуховики облаков. Только изредка, когда выдаются «окна», летчики видят внизу темную поверхность воды, испещренную белыми полосками бурунов. Где-то слева, километрах в двухстах, южный берег Аляски. А курс самолета «Страна Советов» — строго на восток, к тихоокеанскому побережью Северной Америки.

До сих пор экипажу, кажется, везло. Большая часть пути уже позади. Если бы не случилась задержка в Хабаровске со сменой колес на поплавки, сейчас самолет наверняка был бы уже в Нью-Йорке. Правда, срок упустили, но беда не велика, главное — упустили погоду. Еще недавно по всей трассе от Петропавловска-Камчатского до Сан-Франциско синоптики гарантировали сносную погоду. А сейчас атмосферные условия до того изменились, что хоть возвращайся и плыви до Ситла пароходом.

В самом деле, не успели после семичасового перелета через Берингово море приземлиться на первом американском острове Атту, как метеослужба Алеутских островов сообщила: с юга идет тайфун. Команда советского парохода «Красный выпел», при-

бывшая сюда специально для встречи, в один голос заявила: «Надо переждать». Экипаж был за то, чтобы продолжать полет немедленно — убежать от тайфуна к западным берегам Америки. Особенно горячился бортмеха-

ник Дима Фуфаев. Он оперировал неотразимыми фактами.

— Ведь недаром же, братцы, существует поговорка: «Ждать у моря погоды». Это ж гиблое дело: на море порядок хуже, чем в авиации. Этак мы и к Новому году до Нью-Йорка не доберемся. Подумаешь, тайфун! Мы же будем лететь над ним. А нырнем в океан, так ведь и при полнейшем штиле

все равно будет крышка. Так что мое мнение — в путь, и никаких дискуссий.

До материка, точнее, до места очередного приземления — аэродрома Ситха, по подсчетам штурмана Бориса Стерлигова, еще четыре часа лету. Если, конечно, ничего не случится.

— Ну, кажется, от тайфуна мы ускользнули! — кричит командир экипажа Семен Шестаков второму пилоту Болотову. — Давай, Филипп, бери штурвал.

Ровно гудят моторы. Машина будто неподвижно висит в воздухе. Шестаков откидывается на спинку сиденья, закрывает глаза. Голос второго пилота выводит Семена из сладкой дремоты.

— Командир! В системе левого мотора падает давление масла.

— Что ты сказал? — мгновенно выпрямляется Шестаков.

Филипп Болотов кивает на манометр:

— Смотри.

Стрелка прибора на два деления отошла от черты. Командир легонько стучит пальцем по стеклу — стрелка продолжает медленно двигаться к началу шкалы.

— Дима! — кричит командир в переговорную трубку.

Но Фуфаев уже стоит за спиной Шестакова и тоже с тревогой смотрит на манометр.

— Прибавь оборотов, — просит он второго пилота.

Филипп Болотов нажимает на сектор газа. Стрелка дергается вправо, но тутчас дает обратный ход.

— Это мотор, — вздыхает борт-механик. — Надо выключить левый двигатель, иначе заклинит.

О возможности пожара он не говорит — это ясно всем и без слов. Шестаков опускает рычажок тумблера зажигания левого мотора. От встречного потока воздуха винт еще продолжает крутиться, но самолет уже теряет скорость. А это неизменно влечет за собой и потерю высоты.

— Что будем делать? — командир глядявается в лица товарищей.

Лететь семьсот километров над океаном на одном моторе — риск необычайно велик. Поворачивать назад — рисковать еще больше: там уже, наверное, бушует тайфун. Есть еще один вариант — сойти с трассы и взять курс на север, к берегу Аляски. Двести километров — не семьсот: больше шансов на благополучный исход.

— Так что будем делать? — обращается к экипажу командир.

Все трое в один голос отвечают: — Вперед.

Шестаков кивает головой. Четыре пары глаз впилась в высотомер. Да что там смотреть: чуда не произойдет — уже потеряны сто, двести метров высоты. Не в силах один мотор удержать тяжелую машину на полутора тысячах метрах. Но надо сделать все возможное, чтобы дотянуть до Ситха.

— Фуфаев! — командует Шестаков. — Открывай люк — и все барахло за борт!

— Есть, командир!

Летят сменные шасси, стойки, стремянка, чехлы. За ними следуют мешок с аварийным пайком, тяжелые сумки с инструментом, запчасти. Салон становится пуст. Фуфаев задраивает люк и спешит

к приборной доске. Высотомер замер на цифре 1000. Надрывно гудит правый мотор, сектор газа у самого ограничителя — почти взлетный режим. Долго ли протянет двигатель на форсаже? Этого никто из экипажа не знает, даже сам Фуфаев — король авиационной техники.

— А что если малость сбросить обороты? — предлагает командиру Филипп Болотов. — Пойдем с небольшим снижением, зато сэкономим мотор: он еще нам пригодится на посадке.

Предложение принято. За час полета потеряно двести метров, а пройдено 130 километров. Стерлигов делает расчеты и объявляет:

— Если так будет и дальше, то к Ситхе подойдем на высоте 300 метров.

— Приемлемо, — кивает головой Шестаков.

К сожалению, расчеты штурмана не подтвердились на практике. Чем ниже опускался самолет, тем труднее было им управлять. Высота упала до трехсот метров, самолет вышел из облаков, а берега все еще не было видно. «Чем же еще облегчить машину?.. Бензин! Надо опорожнить бензобаки. Оставить минимум, а остальное — в океан».

— Фуфаев, — кричит командир, — сливай горючее!

— Есть, командир!

Теперь самолет даже чуточку сумел набрать высоту. Через четверть часа на горизонте появилась прибрежная полоса. А еще через полчаса самолет сделал разворот над аэродромом и благополучно приземлился.

Вот как описывает очевидец встречу наших летчиков в Сан-Франциско:

«Как только аэроплан спустился, толпа встречающих запела «Интернационал» и тысячеустым «ура!» встретила молодых. У всех были красные ленты с надписью, приветствующей совет-

ских летчиков». Члены Общества дружбы с СССР организовали в Нью-Йорке грандиозный митинг на главном стадионе города. Несмотря на то, что за вход взималась довольно высокая плата, все 45 тысяч мест были заняты. На вырученные деньги Общество закупило 25 тракторов и 4 автомашины и отправило в СССР, а квитанция на получение груза торжественно была вручена членам экипажа «Страна Советов».

Это произошло осенью 1929 года во время первого перелета Москва — Нью-Йорк, организованного Осоавиахимом. Перелет был для тех лет поистине ошеломляющим. Шутка ли, всего пять лет прошло с момента появления в стране гражданской авиации, и уже такой успех!

Отдохнуть после напряженного перелета Филипп Болотов приехал на родную землю Прикамья, в деревню Тупики. Но вместо безмятежной рыбалки на Каме и охоты в оханских лесах ему предстояла жизнь не менее беспокойная, чем во время полета. Он выступал на митингах, встречался с земляками. А по вечерам не было отбоя от приглашений односельчан. Каждый житель деревни Тупики, а там большинство Болотовых — родственников и однофамильцев, считал своим долгом зазвать в дом дорогого гостя.

* * *

Недавно я побывал в школе, где учился Филипп Ефимович Болотов. Сельские ребята не забыли своего знатного земляка. В музее есть стенд, посвященный подвигу отважной четверки. Юные следопыты собрали немало любопытных экспонатов, связанных с жизнью Болотова. Разыскали они и бывшего штурмана, ныне генерала в отставке Бориса Васильевича Стерлигова, который многое рассказал ребятам о своем друге и сослуживце.

В. ПАШИН

Георгий ОШМАРИН

РАЗВЕ МОЖНО ЗАБЫТЬ...

Георгий Георгиевич Ошмарин в настоящее время живет в Белярском районе Свердловской области. Персональный пенсионер, почетный гражданин деревни Гилево. Он рассказывает...

Я проснулся от громкого плача. В маленькой избе озорно хозяйничало апрельское солнце. Почему же люди, собравшиеся в комнате, не радуются ему, почему так громко плачет мама?

— Мама, мама! — закричал я.

Мать взяла меня на руки и еще сильнее запричитала.

Я понял: случилось что-то страшное. В углу на скамейке лежал отец. Большие руки сложены на груди. Почему он не встанет, не подкидывает меня под потолок, весело приговаривая:

— Вот, мать, и помощничек встал.

Я подбежал к отцу, затормошил:

— Батя, батя!

Отец лежал молча. Я понял, что он никогда уже не проснется, и это именно то страшное, что пришло в наш дом солнечным апрельским утром. Умер отец, умер кормилец, опора семьи, оставив пятерых малолетних детей.

Троих забрал к себе двоюродный брат отца, дома остались я и сестренка Маша. Мать поступила на суконную фабрику. Уходила рано, приходила поздно. Что-что, а от излишней родительской опеки мы не страдали — весь день был в нашем полном распоряжении.

Огромный мир детства часто связывается с какими-то отдельными впечатления-

ми, наиболее памятными, наиболее близкими. У сельских ребятишек детство чаще всего связано с природой. У одних это маленькая речка, где ты впервые поймал прожорливого окуня и горделиво нес его в банке (как обидели тебя слова матери «Куда ж одного-то, отдай его кошке», и ты в гордом одиночестве выхлебал чашку тощей ухи, даже не взглянув на тарелку наваристого супа); у других это лес, летом теплый, манящий солнечными полянками, укромными грибными местечками, гроздьями черники, от которой чернеют зубы и язык, зимой — холодный и все-таки прекрасный: уходящими в даль сосняка ровными ниточками лыжни, ослепительным блестящим-фейерверком снежного наста. У каждого есть своя речка, лес, пустырь или двор многоэтажного дома — истоки детства. Счастлив человек, чьи истоки были светлыми, незамутненными!

Я помню свое детство таким...

Мы бредем с сестренкой по пыльной деревенской улице. В руках — маленькая корзинка. Чтобы не задавали лишних вопросов, чтобы сразу видели — мы идем по миру. Кто подаст горбушку хлеба, кто кусок пирога, кто картошку. Горбушка в руках — мы кланяемся, картошка — мы кланяемся. Мы кланяемся, кланяемся, кланяемся... Помню, однажды мы заигрались и оставили корзиночку на завалинке. Спохватились, когда услышали шум. Возле дома толпились овцы. Испугался нашего крика баран, рывком поднял голсу, а на рогах у него корзинка. Наверное, со стороны это выглядело смешно: несется по улице ошалевший от испуга баран со странным сооружением на голове, за ним двое плачущих детей. Выбежали соседи, поймали барана. Корзиночка — пуста. Поревели-поревели мы с Машей и отправились снова за подаванием.

Окна поповского дома открыты настежь. Сидит на подоконнике поповский сынишка Степка и жует что-то диковинное. Подошли ближе, видим, ягоды. Зеленые еще, неспелые, а ему, видать, нравятся.

— Что, никогда винограда не видели? — весело смеется, прямо заливаясь Степка.

Выбрал из грозди он две гнилые ягодки и кинул в дорожную пыль. Вытер я их о рубашку, дал Маше, съел сам — вкусно! Никогда в жизни не ели мы такой тающей во рту сладкой ягоды. Смотрим не дыша на подоконник, откуда, как с неба, могут упасть волшебные ягоды. Окно с шумом захлопнулось. Чудо, явившись однажды, не захотело повторяться.

Заплакала Маша, тянет за рукав: пошли к тятке. Тихо на кладбище, уютно. Кто сказал, что на кладбище страшно? Нет, мы куда больше боялись живых. Мертвые не прекнут куском хлеба, не кинут вместе с милостыней обидные слова, что им самим жрать нечего. Они молчат. Они, наверное, столько ссорились, кричали при жизни, что сейчас просто радуются тишине.

Взрослые всегда плачут на кладбище. Надо и нам, видно, поплакать, а слез нет.

— Давай подеремся, — предложил я Маше, — тогда и слезы будут.

Хотел легонько стукнуть сестренку, да не рассчитал сил. Упала Маша и заплакала по-настоящему. Жалко мне ее стало, и я не удержался от слез. А потом сели на землю, обнявшись.

Много лет спустя мать рассказала мне, как испугалась она, не найдя нас ни дома, ни у соседей. Уже ночью догадалась она пойти на кладбище. Мы мирно спали на отцовской могиле.

В доме появился отчим. Трезвый — молчаливый и работающий, пьяный — шумный и драчливый. Вся беда в том, что чаще всего Степан, так звали отчима, пребывал в «веселом» состоянии.

В ночь под рождество избушка задрожала от сильного стука. Мы притаились на печи. Мать открыла дверь. Не говоря ни слова, отчим схватил ее за волосы, вырвал большую прядь, повалил на пол и стал топтать ногами. Мы громко закричали от ужаса.

— А, заступники! — взревел Степан.

Под руки ему попался ковшик. Степан кинул его в нас. Маша не успела увернуться, и ковшик рассек ей голову. Сильным рывком отчим сбросил меня за ноги с печи. В одном белье, босые, проваливаясь по колону в сугроб, мы с Машей побежали к соседям.

Все чаще вспыхивала пьяная ругань в нашем доме, и мать, наконец, перебралась к сестре Анне. Ее муж, дядя Миша, долго ворчал, но согласился принять нас. Семья Михаила из семи человек занимала одну комнату, чуть более двадцати квадратных метров. Теперь в ней жили десять человек. Спали на полу, как говорят, вповалку.

Чуть подрос, стал помогать дяде. Подносил кирпичи на строительстве церкви, пас коров, рубил дрова. С завистью смотрел по утрам, как сверстники мои шли в школу. Заикнулся было об этом дяде, но он так посмотрел, что я понял: помощи от него не жди.

Однажды меня оставили дома управлять с хозяйством. Я побежал к школе. Вижу — учительница.

— Марья Андреевна, Марья Андреевна! — кроме имени-отчества ничего и вымолвить не могу.

— Что, Гриша, никак учиться хочешь? — ласково спрашивает меня учительница.

Я молча киваю головой, смотрю, как она достает из сумки тетрадь и что-то записывает.

— Первого приходи в школу, — прощается со мной Марья Андреевна.

Вечером, собравшись с силами, я передаю дяде слова учительницы.

Реакцию дяди невозможно передать на бумаге, большая часть слов относилась к разряду непечатных. Брань я легко перенес, а когда услышал слово «дармоед», не стерпел.

— Как-нибудь прокормлюсь, на шее сидеть не буду! — заревел я и сквозь слезы испуганно повторял: — Раз записали — пойду. Пойду — раз записали.

Наверное, эти слова и поколебали дядю. В те годы крестьянин боялся всякой бумаги, откуда бы она ни исходила. Пугало слово «списки», пугало, что может прийти учительница и ей надо что-то объяснять.

— Черт с тобой, иди, — в сердцах сказал дядя и выдал напоследок самое длинное, какое он знал, ругательство.

Навсегда запомнился этот день — 1 сентября 1907 года. Завтрак мне не полагался, и я зашел по пути в три дома. Три дома — три кусочка хлеба.

Я сижу за школьной партой, а мысли мои далеко-далеко. Где-то там, за темными лесами, синеют загадочные моря. Жизнь там райская. Не надо валенок, шубы, стоит протянуть руку — и на твоей ладони гроздь спелого винограда, вкус которого я помню до сих пор. Дорога в этот залитый солнцем мир начиналась у школьного крыльца, и я слушал учительницу, боясь пропустить хотя бы одно слово.

После школы — обход по деревне с маленьким мешочком. Низко склонив голову, молча выслушиваю попреки:

— У твоего дяди лоб пошире нашего, а прокормить семью не может.

Иногда раздавалось участливое:

— Смотри, ешь сам, а бугаю твоему не давай.

В маленькой деревне секретов не утаишь. Да и какой тут секрет, когда ходишь по деревне с кошелкой. Как-то во время перемены меня окружили мальчишки.

— Нищий, нищий! — кричали они хором.

Слезы хлынули градом, и я кинулся на обидчиков. Единственная рубашка расползлась на мелкие лоскутки. Силы были явно неравными, и я побежал по длинному коридору. В эту минуту выскочила из класса Нюра Соломеина, держа в руках грифельную доску. Я сшиб ее с ног и упал сам. Выбежала на шум учительница, учинила допрос. Я стал оправдываться, но попробуй докажи свою невиновность, когда рубаха порвана в клочья, а от грифельной доски остались одни осколки.

— Становись на колени, — приказала Мария Андреевна.

Целый час простоял я на коленях и первый раз не слушал объяснений учительницы.

Однажды, придя домой, застал местного богатея Александра Степановича Головырина. На столе стояла опорожненная бутылка водки.

— Значит, так, — дядя хлопнул рукой по столу. — Я тебе отдаю Гришку с апреля по октябрь, ты мне — осьминник пшеницы, особо пуд муки, а Гришке справишь сапоги.

Разомлевший от водки, дядя добродушно подмигнул мне. Я понял, что в мое отсутствие произошел какой-то торг.

— А школа? — дрожащим голосом заикнулся я.

— А что жрать будем? — вопросом на вопрос ответил дядя.

Потянулись жестокие дни батрачества.

Помню, после обеда погнал лошадей на луг за речку Рябиновку. Дно у нее топкое, вязкое. Одна из лошадей застряла в няше. Дернулась, упала, снова дернулась и снова упала обессиленная. Дождь шел проливной, холодный. Закоченевшими руками сорвал одежду и стал разгребать вонючую липкую грязь. Когда выбрались на берег, и меня и лошадь била мелкая противная дрожь.

Натянув на себя войлочную попону, улегся, пытаюсь уснуть. Дождь прекратился, но по-прежнему небо хмурилось лохматыми облаками. Изредка налетал шквальный ветер, и на каждый его порыв дробным перестуком отвечали крупные капли дождя, падающие с деревьев. В голову невольно лезли страшные рассказы о волчьих стаях, будоража воображение.

Утром, разбитый бессонной ночью, я въехал во двор Головыриных. Хороший хозяин, внушали мне с детства, должен сначала позаботиться о лошади, а уже потом о себе. Привязываю лошадь к телеге-кор-

мовику, где лежала свежескошенная трава, слышу за спиной шаги. Оглянулся — хозяин. В следующий миг я лежал на спине, сбитый сильным ударом. Последнее, что я почувствовал, — сильные руки, сжимающие мне горло.

Хозяина оттащила его мать, бабушка Анастасия. Оказывается, под травой лежала коса, и лошадь могла порезать морду. Лошадина морда осталась целой и невреди-

мой, а я долго лежал на земле, не в силах подняться.

Дома я заявил, что к Головырину не вернусь. Дяде Мише не хотелось иметь лишнего едока, жаль ему было той пшеницы, что полагалась по договору, словом, его меньше всего волновали мальчишеские переживания. Однако я твердо стоял на своем, и дяде вместе со мной пришлось идти к старосте.

— Бьет, говоришь, Гришку Александр Степанович? — переспросил староста. — За дело, значит. Человека из него хочет сделать.

Я расплакался. Нет, я не был плаксой, руки и ноги мои были в синяках и шишках, я привык к боли физической, а вот душевную переносить не научился. Горше всего, когда видишь несправедливость взрослых, а как с ней бороться — не знаешь. Однако, видно, чем-то тронул мой рассказ старосту, и он велел позвать к себе Головырина. Тот дал слово не пускать больше в ход кулаки.

Хозяин крепился ровно две недели. В тот вечер мы поехали с ночевой в поле. Головырин велел вбить три колышка, чтобы привязать на ночь лошадей. Став на колени, я вбиваю кол в сухую неподатливую землю. Вдруг острая боль пронзила правое ухо, и я свалился от сильного удара.

— Жаловаться, стервец, на меня вздумал! К кому сейчас пойдешь? А? — И он громко рассмеялся.

До самого горизонта простиралось огромное поле. Кругом ни души. Мы вдвоем — я и хозяин.

Урок — жаловаться бесполезно — я усвоил. Только ухо долго еще болело, и сегодняшняя глухота — память о тех далеких днях.

И еще одно воспоминание живо во мне. ...Весь день мы жали серпом пшеницу. Ужинать сели поздно, когда небо расцветилось сочными красками солнечного заката. Я проголодался, как молодой волчонок, и жадно набросился на перловую кашу. Внезапно — оглушающий удар по голове. Я сунулся лицом в тарелку с кашей, разбил чашку с молоком.

— Чем провинился перед тобой Гришка? — вступилась было за меня жена Головырина.

Ответом была забористая брань. Лишь на третий день я узнал причину гнева. Сапоги, купленные мне хозяином, особенно правый, оказались стоптанными, и именно правым он ударил меня.

Вспоминая эти давно ушедшие годы, я никак не могу назвать их светлыми, безоблачными. И все-таки нет-нет да проглядывал на горизонте моего детства солнечный лучик. Редкий и потому особенно радостный. Таким праздником стал для меня экзамен.

Единственным условием, которое я выторговал, поступая работником к Головыриным, было отпустить меня в день экзамена. Больше всего я боялся, как бы не про-

зевать этот день. Это нынешние ученики за полгода вперед знают расписание экзаменов, а тогда все зависело от приезда в школу инспектора.

Занимался я, понятно, урывками. Если на дворе солнечный день — разумеется, хозяин торопит выезжать в поле; ненастье — радуюсь я: можно засесть за учебники.

И вот как-то, придя в поле, хозяйка сказала мужу, что Гришку требуют в школу. Я засобирился, но хозяин окрикнул:

— А кто за тебя полосу доборанивать будет? Дядя?

Нет, ничто не могло испортить мне настроения. Я весело понукал лошадь, и она, словно разделяя мое нетерпение, резво потащила борону по полю.

До школы я бежал. Все пять километров. Бежал ровно, чтобы хватило дыхания. Пыльный, уставший, несмело вошел в класс, стараясь производить как можно меньше шума своими большими, не по ноге, чеботами.

Страх не было, самый большой страх — не успеть на экзамен — прошел. Инспектор задал мне несколько вопросов и, судя по всему, остался доволен ответом. Каждому вручили евангелие, а меня, кроме того, наградили книгой — однотомником стихотворений Никитина.

Какое это было огромное счастье — остаться один на один с книгой! Первой собственной книгой. Я и сейчас, когда мне стукнуло семьдесят пять, помню наизусть многие стихи Никитина.

В город

...Сжата последняя полоса. Дядя Миша погрузил и вывез с полосы снопы — плату за мою работу. Кончилось батрачество. Но и у дяди жилось несладко. От дедушки нам досталась небольшая делянка леса. Каждый день мы валили деревья, пилили и везли продавать в село Маминское. Воз рубленых дров стоил восемьдесят копеек. Скоро и этого заработка не стало — от делянки остались одни пни.

Поздним ноябрьским вечером дядя приказал:

— Собирайся, поедem за дровами.

Я оторопело смотрел на него. Кто-кто, а он-то хорошо знал, что вчера срублено последнее дерево. К тому же ни один хозяин не ездит в лес ночью. Значит — воровать? Эта мысль обожгла меня. Попрошайничать противно, однако часто я не знал

другого способа достать кусок хлеба. Но красть?

Ни ругань, ни побои не подействовали.

— Ладно, — с угрозой произнес дядя. — Запомни только, что с этого дня ты не получишь ни куска хлеба.

Пробил мой час. Надо уходить в город. Я давно готовился к этому, рассчитывая, что только там смогу выбиться в люди. Достал даже паспорт, но все никак не мог решиться. Случай с дровами послужил окончательным толчком. Собрав пожитки, я ушел из дому.

Екатеринбург поразил меня своим многолюдьем. В нашей деревне улицы полнились народом только по большим праздникам. А здесь словно каждый день праздник, хотя, подумал я, какой же это праздник, когда все спешат, толкают друг друга, ругаются. Город поразил и придавил меня. Природа и так не была щедрой, наделяя меня ростом, а здесь я стал еще меньше среди купеческих особняков.

И было странно, что в таком большом городе никто не нуждался в работниках: ни в дворниках, ни в подмастерьях. Пришлось вспомнить старое ремесло.

...С односельчанином Федором Кочневым мы идем по дворам. Он прихрамывает на одну ногу. В деревне хромота не бросалась в глаза, а сейчас видно за версту.

— Братья и сестры! — голос у него хриплый, страдальческий. — Подайте милостыню инвалиду, герою японской войны. В огне не сгорел, в океане японском не утонул, а сейчас мне и сыну (Кочнев выталкивает меня вперед для всеобщего обозрения) с голоду помирать приходится. Не дайте сгинуть православным душам, братья и сестры!..

Пряча в мешок куски хлеба, боюсь поднять глаза: вдруг люди прочтут в них, что Федор такой же герой японской войны, как я его сын.

Жить в конуре и просить подаяния — не такой представлялась в моих мечтах жизнь в большом городе. Собравшись с мужеством, я пошел в редакцию «Уральской жизни», на последней странице которой печатались объявления типа «Ищу работу». Мне повезло. В одном из номеров появилось объявление: «Мальчик, грамотный, ищет место». Вскоре я получил открытку, в которой предлагалось явиться на улицу Никольскую, в контору международного технического общества.

Рано утром в нерешительности остановился у парадного крыльца. Живо предста-

вил картину: щуплый подросток в латаном-перелатаном пальтишке входит в светлые нарядные комнаты... «Выгонят и разговаривать не будут, за воришку примут». Пошел отыскивать черный ход — он оказался темным, замызганным и таким привычно успокаивающим.

— Плата пять рублей в месяц. Спать будешь на кухне, на ящике. Лентяев не держу.

Хозяин говорил отрывисто. Я согласно кивал головой, заранее соглашаясь на все условия.

— Вставай, — чуть свет затормошила горничная тетя Поля. — Идем полы натирать.

Я открыл дверь в гостиную и испуганно попятился. Огромная медведица, разинув пасть, словно поджидала, кто первым попадется ей на завтрак, и этим первым был, видимо, я.

— Ну что ты, глупый, — рассмеялась тетя Поля. — Чучела испугался! Видишь, неживая.

Осторожно подхожу к медведице, несмело провожу рукой по длинной мягкой шерсти и окончательно успокаиваюсь.

Много лет спустя, услышав знаменитую арию Фигаро, я подумал, что в доме Григорьева эту роль в какой-то степени исполнил я. Не столь, понятно, блистательно и в несколько иной ситуации, но уж во всяком случае добросовестно.

— Гришка, почисти обувь!

— Гришка, затопи печь! (В доме было девять печей, и единственное число употреблялось краткости ради.)

— Гришка, по двору пройти нельзя, снегом завалило, разве не видишь?

Помимо множества обязанностей по дому, на моих плечах было ведение складского хозяйства. Надо вовремя упаковать в ящики отбойные молотки, коронки для буровых штанг и отправить их заказчикам. Вечерами мне, Гришке-Фигаро, приходилось сопровождать хозяйскую девочку к учительнице музыки и обратно.

Известие о начавшейся империалистической войне взбудоражило город. С лихим посвистом отправлялись на вокзал новобранцы. В первый день войны по улицам прошла кучка черносотенцев, неся портреты Николая II, крича здравицу в честь «белого царя». Целую неделю не утихали разговоры о Распутине, который проезжал через Екатеринбург из Тобольска в Петроград.

А вечерами в тесной каморке кухарка и горничная, понизив голос, рассказывали

о волнениях, о рабочих маевках. Где-то там нарастала штормовая буря, и отголоски ее доходили до нашего тихого дома.

Вскоре я ушел от Григорьевых. Этому способствовало неожиданное открытие. Складывая однажды пакеты в мешок, чтобы отнести их на почту, я нечаянно уронил один из пакетов на пол. Он был склеен непрочно, и бумажки веером разлетелись по комнате. Собираю их и вдруг на одной вижу свою фамилию. Это был финансовый отчет, а в нем черным по белому написано, что я ежемесячно получаю десять рублей. Вечером, дождавшись хозяина, я попросил прибавки к жалованью. Григорьев отказал. Тогда я показал ему отчет и добавил, что не позволю больше обкрадывать себя.

Вначале Григорьев растерялся, а потом начал кричать, что я неблагодарный. Схватив счета, он лихорадочно бросал костяшки то в одну, то в другую сторону и, наконец, выкинул на стол 37 копеек. Это был, как я понял, окончательный расчет.

Восемнадцать лет меня «забрили» в армию и отправили в 13-й Туркестанский стрелковый полк, который действовал на Кавказском фронте. Там и застала меня весть о Февральской революции.

Рано утром нас выгнала из землянок команда «Строиться!» Построились четырехугольником, в середине — офицеры. Командир пулеметной команды объявил, что царь Николай II отрекся от престола.

В землянке стоит шум. Каждый на свой лад толкует известие. Молодой пулеметчик Яков Якунин неожиданно заревел, причитая:

— Как же мы теперь будем жить без царя-батюшки?

— А как ты жил до сих пор? — спрашиваю я его. — Чем он тебе помогал?

— Не знаю, — отвечает Яков, а сам продолжает реветь.

И смех и грех. А вообще-то, мешанина в солдатских головах была страшная. Газеты на фронт не поступали, офицеры не общались с «серой массой». Что творится в огромном нашем государстве, какие силы управляют страной — никто толком не представлял. Однажды вечером офицеры вдруг устроили банкет. Музыка, танцы, возгласы «Да здравствует Керенский!». Спрашиваем друг друга: кто такой Керенский? Одно было ясно — раз офицеры радуются, нам, солдатам, добра не ждать. Это уж мы усвоили твердо. Медленно, исподволь, подогреваемое бурными событиями, зрело в нас убеждение, что не от царя, не от Керенского, не от господ офицеров надо ждать счастья

в жизни. Окончательное же прозрение пришло позднее.

Красное знамя взвилось над Петроградом, возвещая миру о рождении нового государства — рабочих и крестьян. 13-й Туркестанский полк по приказу Корнилова направлялся на подавление революции. Но к этому времени мы уже не были покорными овечками. Солдаты устроили митинг. Колышутся над головами такие непривычные и такие волнующие лозунги: «Мир — хижинам, война — дворцам!», «Вся власть — Советам!». Несколько офицеров, которые угрозами пытались заставить солдат повиноваться приказу, расстреляли на месте.

После демобилизации я снова в Екатеринбурге. Смутное то было время. Город захватили белочехи. Объявился новый «правитель всея Руси» — адмирал Колчак. Снова на улицах появились золотопогонники. «Верховный правитель» осчастливил своим прибытием Екатеринбург. На всем пути его следования — от вокзала до дома Поклевского-Козелл шпалерами расставлены солдаты. На путях станции Екатеринбург, где я устроился рабочим, находились вагоны-салоны, в которых жили военные, представители дипломатических миссий. В тогдашнем Екатеринбурге можно было встретить английских, французских, японских солдат.

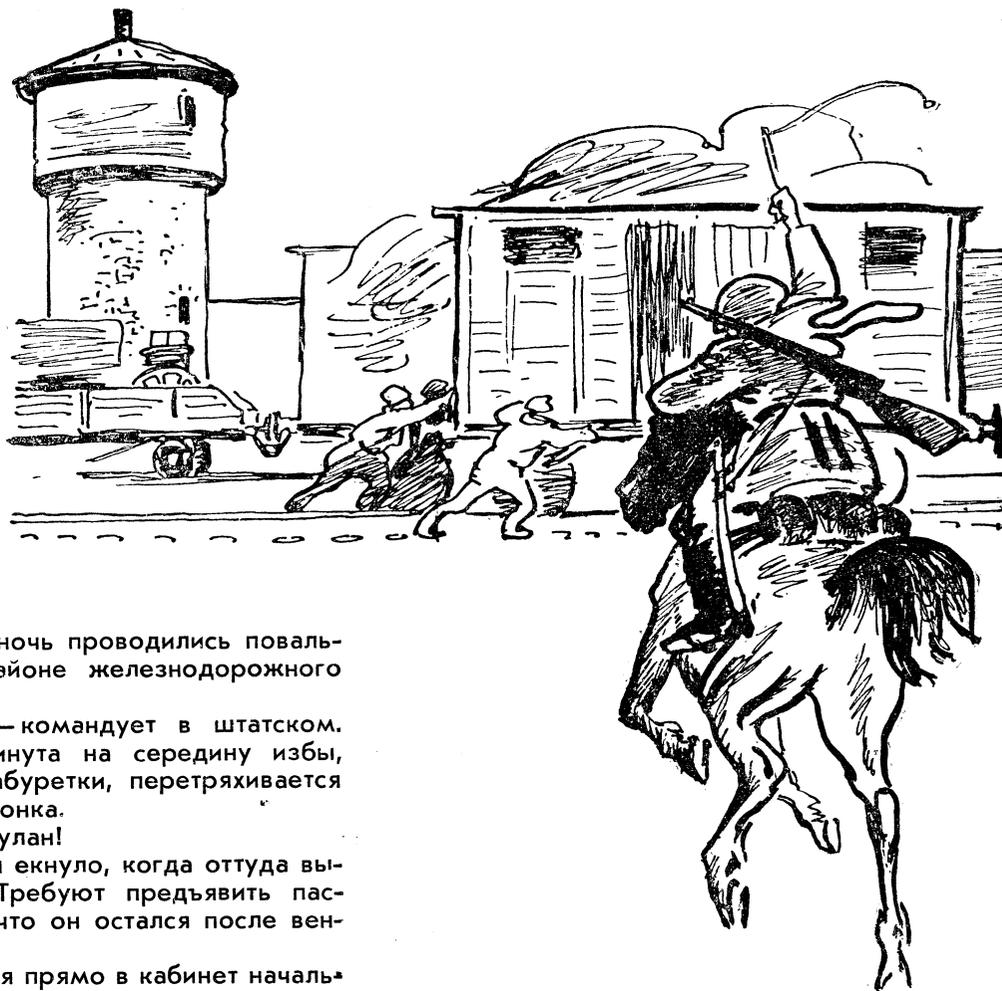
Среди рабочих все упорнее шли разговоры, что надо вооружаться — не за горами время, когда понадобится винтовка. Винтовку приобрел у своего знакомого и я, уплатив за нее сорок рублей «керенками». Мой знакомый жил на станции, в вагоне. Как вынести оружие? Помог случай: мой школьный товарищ Иван Чернышев служил у белочехов. Вдвоем придумали нехитрый ход.

Поздним вечером темными улицами ведет солдат арестованного. Обычная картина. Прохожие сторонятся, патрули равнодушно провожают глазами: еще одного смутьяна зацапали. Только зайдя в дом, мы оба — конвоир Иван Чернышев и я, «задержанный», — радостно улыбнулись: операция удалась.

Вскоре после этого я женился. Сыграли нешумную свадьбу. На третий день после свадьбы ночью раздался сильный стук в дверь и повелительный окрик: «Открывай, милиция!» Входят три человека: милиционер, солдат и еще один — в штатском. По тому, как держался этот штатский, видно, что сотрудник контрразведки.

— Оружие есть? — спрашивают.

— Нет, — отвечаю, а сам думаю: «Неужели кто-то пронюхал?» Лишь потом

узнал, что в эту ночь проводились повальные обыски в районе железнодорожного вокзала.

— Обыскать! — командует в штатском.

Кровать выдвинута на середину избы, летят стулья и табуретки, перетряхивается немудреная одежка.

— Обыскать чулан!

Сердце у меня екнуло, когда оттуда вынесли винтовку. Требуют предъявить паспорт. Объясняю, что он остался после венчания у попа.

Доставили меня прямо в кабинет начальника милиции. Протокол при обыске не составляли, видимо, не до того было.

Поставили винтовку в угол. Начальник милиции тихо, но угрожающе спрашивает: — Ну, милейший, где достал оружие?

Советую не заператься, у нас не до шуток.

Ответить мне не пришлось. В кабинет втолкнули новую группу задержанных. Всех нас до утра отправили в арестантскую.

Утром удалось передать записку жене, которая принесла мне паспорт. И когда два унтер-офицера стали выяснять причину ареста, я сослался на злополучный паспорт, который в момент обыска был у попа.

— Ладно, подожди, разберемся, — сказал старший.

Я с тревогой думал о винтовке, что стояла в углу кабинета начальника милиции. Как быть? Из арестантской вырвался неожиданно: трое задержанных изъявили желание служить в белой армии, и их немедленно направили к воинскому начальнику.

Тотчас присоединился к ним и я, решив, что главное сейчас — выскользнуть, пользуясь неразберихой, из лап милиции и контрразведки. План мой удался. А от мобилизации удалось освободиться как железнодорожному рабочему.

14 июля 1919 года вокзал и прилегающий к нему район были окутаны дымом. Отступая, колчаковцы жгли оставшиеся на путях вагоны. С группой ребят — помню Васю и Колю Николаевых, Славу Чепуштанова — мы кинулись раскатывать и тушить горящие вагоны. Откуда ни возьмись казаки, и ну нас нагайками. Все-таки двенадцать вагонов были спасены. А всего после ухода колчаковских войск осталось лишь тридцать вагонов да небольшой маневровый паровоз «кукушка». Водил его, помню, старенький, скорбившийся машинист по фамилии Лихобаба.

Утром 15 июля 1919 года в Екатеринбург вошли передовые части Красной Армии. С этого дня — и теперь навсегда — повластной хозяйкой города стала Советская власть.

Сотрудник ВЧК

Чекистом я стал, можно сказать, случайно. Вскоре после революции повстречался однажды с ребятами, с которыми вместе

работал на железной дороге и которые были стрелками УТЧК (участковой транспортной чрезвычайной комиссии, а центральный орган, ТОВЧК, расширялся так: транспортный отдел всероссийской чрезвычайной комиссии). Разговорились. Они и предложили:

— Слушай, поступай к нам. Ты железнодорожник, фронтовик, нам такие люди нужны. Дел у нас невпроворот.

Так я стал, как тогда именовали нас, агентом ВЧК.

День и ночь бурлил на вокзале людской круговорот. Война разбросала людей по всей стране, они пробирались в родные края с запада на восток, с востока на запад. Всех тянула к себе, как магнит, стальная нить железнодорожных рельсов. В этом круговороте легко было затеряться бандиту с обрезом, спекулянту, грабителю.

Особенные хлопоты доставляли беспризорники. Лишившись родителей, живя впроголодь, они стали грозой пассажиров. То и дело в толпе слышались крики: «Держи вора!» Отчаянный призыв пострадавшего чаще всего вызывал лишь сочувствие — пассажиры еще плотнее усаживались на чемоданы, крепко прижимая к груди узелки.

Слышу как-то вечером ругань, крики, плач. Подхожу ближе. В центре разъяренной толпы тощий парнишка лет двенадцати. Глазенки затравленные, по щекам текут слезы. Здоровенный детина схватил мальчонку за волосы.

— Ну, ворюга,— с каким-то сладострастием произнес он.— Теперь держись.

Крутанул он парнишку так, что тот не просто заплакал, а криком зашелся от боли и ужаса.

Растолкал я толпу.

— Отпусти ребенка, — приказываю детине.

Тот было на меня, но, глянув на мою форму, остыл и как-то быстро исчез с глаз.

Привел я парня в нашу дежурку, стал расспрашивать:

— Что ты украл?

— Корзинку, — всхлипывает мальчонка.— Думал, в ней хлеб, а там махорка. Пачек тридцать.

Понятно, думаю, почему так мгновенно смылся дядя, знал, что у самого рыльце в пушку.

— С утра ничего не ел, — размазывает слезы парнишка.— И вчера только кусок хлеба достался.

Поговорил я с ним, картина-то в общем грустная. Мать умерла, отец ушел на фронт

и с тех пор от него ни весточки, родственница на порог не пустила. И остался парень один в огромном растревоженном мире. С тех пор днюет и ночует на вокзале. Все-таки среди людей. Где попросит, а где украдет.

Смотрю на него, голодного, пришибленного, и невольно вспомнилось детство. Я-то знаю, каково ложиться на ночь голодным и все время думать о еде. Стараешься переключить мысли на что-нибудь другое, а перед глазами торчит буханка — аппетитная, с румяной корочкой. Просыпаешься, и еще больше есть хочется. Достал из кармана горбушку, свой дневной паек (мы тоже жили нероскошно), отломил половину: ешь. С помощью начальства удалось устроить сироту в детдом. Сколько таких детских судеб прошло через руки моих товарищей. Горе для всех горе, но его черное крыло особенно тяжело задевает ребенка, чаще всего калечит. Попадет пацан в злые руки, усвоит нравы «подпольного мира» и, кто знает, сумеет ли потом себя перебороть. Может, пожалеет, да поздно. И потому, сколько было у нас сил и возможностей, мы старались вовремя уберечь детей от беды, передать их в руки государства.

Лихорадочно бежали сутки за сутками. Изымали оружие у недобитых врагов, помогали мешочникам освобождаться от чрезмерно отягощающего их груза. По молодости совершали и ошибки, тем более, что никаких инструкций в то время не существовало и приходилось действовать по собственному разумению. Помню, однажды при осмотре багажа одного пассажира нашли 15 карандашей. Карандаши были тогда большой редкостью. Советуюсь с другом: спекулянт или не спекулянт, задержать или отпустить? На всякий случай изъяли десять карандашей и составили акт.

Приходилось быть и политбойцом. Прихожу как-то в воскресенье на вокзал. Непривычная тишина нависла над станционными путями, нет пересвиста «кукушек», скрежета тормозов. Дежурный по станции поясняет: «Машинисты и составители поездов забастовали». Вызвали их из дома, устроили общий сбор. Шумят рабочие: семьи голодают, суточного хлебного пайка едва хватает на завтрак.

Что верно, то верно: жили, действительно, впроголодь. Но как доставить изнуренной стране хлеб? Забастовка окончательно подкосила бы снабжение Екатеринбурга и других городов страны: из Сибири как раз двигался в глубь России через нашу станцию

эшелон с хлебом. Больше часа промитинговали, но приняли решение: немедленно выйти на работу, наверстать потерянное и впредь быть верным классовому долгу.

Вскоре меня назначили уполномоченным по дознанию. На мои плечи легла обязанность расследовать хищения на железной дороге. Хищений тогда было много, так как учет и контроль были, мягко говоря, не на высоте. Однажды, например, обнаружили три вагона с оборудованием и продовольствием, которые принадлежали трем аферистам, имевшим при себе фиктивные документы. Таинственным образом исчезали со станции тюки мануфактуры, мешки с мукой и сахаром. Ясно было — действовал не один человек, а целая банда, причем не без помощи железнодорожных рабочих. Иначе откуда грабители могли столь точно знать местонахождение вагонов?

Довольно быстро удалось установить механику преступления. Под видом маневров машинист отводил вагоны на запасные пути, в условное место, где его ждали преступники. По косвенным признакам определили, что шайку возглавляет бывший составитель поездов Николай Кислицын, известный в уголовном мире под кличкой Колька Орел.

В конце августа 1922 года мы получили сообщение, что ночью банда готовится похитить мешки с сахаром. Под моим началом в операции участвовали тридцать курсантов и агенты отдела.

Во второй половине дня к лесу, расположенному недалеко от железной дороги, подъехала подвода, на которой сидели старик и старуха. На повозке сверху лежали косы и грабли, а под брезентом — винтовки. Когда стемнело, по одному незаметно подошли участники операции.

Тихо в лесу, словно нет ни души. Изредка кто-нибудь жалобно вздохнет: «Эх, покурить бы» — и снова тишина. В одиннадцать вечера заметили, что к путям направляются три подводы. Взяли винтовки и осторожно стали подкрадываться к железнодорожному полотну.

Воры, видно, чувствовали себя в полной безопасности: негромко переговариваясь, укладывали мешки на подводы. Пора! В приглушенной тишине команда звучит как выстрел:

— Стой! Ни с места!

Мы бросились к насыпи. Каждая минута промедления могла дорого обойтись. И надо же случиться такому: откуда ни возьмись, выскочил маневровый состав и закрыл от

нас вагон с сахаром. Бандиты воспользовались заминкой и, нахлестывая лошадей, помчались к лесу.

Темнота мешала вести прицельный огонь, стреляли наугад. Бандиты, ведя ответный огонь, скрылись.

— Что будем делать? — спросил начальник отдела, когда доложили ему о неудачно проведенной операции. Я предложил выписать ордер на арест. Другого выхода не было. Ясно, что бандиты на время затихнут или будут действовать предельно осторожно, и кто знает, сколько зла они принесут, будучи на свободе. Начальник дал «добро». Со взводом солдат переплыли Исеть на лодках, чтобы не спугнуть преступников, живших на ВИЗе. Удалось взять восемь человек. При обыске обнаружили кожевенные заготовки, сахар, муку, мануфактуру. Теперь предстояло главное — уличить преступников, определить их вину и, следовательно, меру наказания.

О, этот словесный поединок между преступником и следователем! Медленно-медленно раскручиваешь нить, ведущую кистине. Стоит только чуть-чуть выпустить ее, неосторожным словом дать понять задержанному, что ты ведешь свой поиск порой интуитивно (преступник следов оставлять не любит!), как мгновенно твой собеседник замыкается, а нередко переходит от обороны к атаке.

Несколько отвлекаясь, расскажу, коль скоро речь зашла о словесной «дуэли» между следователем и подозреваемым, любопытную историю.

На счету одной группы было, как нам стало известно, более десяти краж, а подтвердить фактами и документами каждую из них мы не могли. Особенно долго беседовал я с молодым парнем — Васей. Бьюсь с ним день, другой. Парень вроде бы неплохой, чувствуется, что по глупости попал в воровскую компанию, а рассказать ничего не хочет. То ли боится, то ли из чувства ложного товарищества. Беседовали мы с ним, беседовали, а потом я спокойно так говорю:

— Напрасно запираешься, Василий, себе хуже делаешь. Все 15 хищений нам хорошо известны.

Вздрыгнул Василий, посмотрел на меня, вздохнул как-то облегченно и... принялся рассказывать. Устроил ему очную ставку с грузчиком Бузмакиным. Тот подтвердил 14 случаев, а от участия в одном отказался.

— Галоши я не воровал. Вот уж этого не было.

— Как не было? — восторженно воскликнул Бузмакин. — Помнишь, когда мы проезжали мимо котлована, то у тебя еще слетела фуражка? Пришлось тогда возвращаться.

— А-а... — почти обрадованно воскликнул Бузмакин. — Вот теперь, Вася, вспомнил. — И обратился ко мне: — Пиши, следователь. Правильно говорит Вася, подтверждаю.

Конечно, не всегда бывает такое прямое попадание в цель, и метод угадывания вовсе не главный в работе следователя, но когда у тебя в руках основные факты, то так или иначе в том или другом месте порываешь цепь молчания.

Так было и с бандой Кислицына. В орбиту ее действия были вовлечены многие. С каждым пришлось подробно беседовать, чтобы полностью выявить картину преступления.

И вот что оказалось. Грузчик Стенин общался с вагонами с мануфактурой или продовольствием Кислицыну. Тот давал указания дежурному по станции Олимпиеву. Вагон прицепляли к маневровому паровозу и отводили в тупик, обычно ближе к лесу. В случае тревоги преступники имели строжайший приказ пристрелить лошадей, ведь лошадь могла привести чекистов к дому ее владельца. В распоряжении бандитов были наган, маузер, браунинг, обрезы. Более чем достаточно!

Допрос главаря я предполагал провести последним. Но этого не произошло. Недаром Кислицын заслужил кличку Орел.

Арестованные жили в камерах, так сказать, на самообслуживании. В число их обязанностей входила топка печей. Как-то вечером конвоир, как обычно, крикнул: «Есть ли добровольцы?» Вызвались Олимпиев и Кислицын. Кислицын понес дрова на второй этаж, а Олимпиев остался на первом. Естественно, на него и было обращено внимание конвоира. Кислицын, хорошо изучив расположение дома, пробрался книзу через черный ход и выскочил в окно.

Подняли на ноги всех агентов, но безуспешно. Вскоре я получил по почте письмо: «Вы меня хоть и искали, но не нашли, а я вас видел. А сейчас ищите ветра в поле. Не думай, корявая сволочь, что ты жить будешь долго. Скоро увидимся и тогда поговорим».

Показал записку начальству.

— Уезжай с ВИЗа, Ошмарин, — советуют. — Угробят тебя.

Жил я на втором этаже небольшого особняка. Около двух ночи раздастся стук

внизу. Моя мать спала на балконе и первая услышала его. Спрашивает:

— Кто там, кого нужно?

— Ошмарина. Из милиции, — отвечают.

— Сейчас узнаю, дома ли.

Я взял наган и осторожно выглянул в окно. Голоса незнакомые. Люди стоят не против двери, а по бокам тамбура. Быстро прикидываю, что предпринять. Стрелять нельзя — вдруг, действительно, свои. И выйти опасно.

— Скажи, что в командировке, — шепнул я матери.

Много позже узнал, что ночными визитерами были бандиты Ренке и Семенов, к которым примкнул после побега Кислицын.

— Если бы Ошмарин откликнулся, — сознались они на допросе, — мы бы бросили в окно гранату.

А в ближайшем переулке их ждал на извозчике Кислицын.

Заседание Северо-восточного военного транспортного трибунала проходило в здании музыкального училища. Зал заполнили рабочие, в основном железнодорожники.

На председательском месте — Г. Уваров, слесарь по профессии. Образование — один курс городского училища, зато школу революционной закалки прошел самую высшую. До революции, работая на Путиловском заводе, был активным подпольщиком, в семнадцатом сражался на московских баррикадах. Его заместитель — латыш А. Иванс — из семьи потомственных революционеров. Отец — участник первой русской революции, старший брат и сестра погибли в застенках контрразведки. Член суда — Т. Соколов, большевик с 1905 года, железнодорожник, юриспруденцию постиг на собственном опыте — сидел в царских тюрьмах.

Идет рабочий суд — революционный, беспощадный. Бандиты похитили сотни метров мануфактуры, десятки мешков с сахаром, мукой, двести пар ботинок и т. д. Люди пухли от голода, а эти выродки переводили хлеб на самогон.

Кипит зал, бурно реагируя на каждое слово. Некоторые подсудимые явились на заседание с подбитыми глазами, кровоподтеками. Оказалось, их избili соседи по камере.

— У детей, сволочи, хлеб воровали! — крикнул кто-то из заключенных, и это послужило сигналом. Вспыхнула драка, и кто знает, чем бы это все кончилось, если бы не вмешались часовые и не предотвратили самосуд.

Вор и бандит по законам того сурового

времени приравнивался к классовому врагу, ибо он подтачивал саму основу молодой республики — ее экономику. Под одобрение зала главарям банды определена высшая мера наказания — расстрел.

Глубокое уныние царило в камере. Пришло время расплачиваться за содеянное. Чувствуя скорый исход, бандиты решились на отчаянный шаг. В шесть вечера заключенным принесли кипяток. Едва открылась дверь, как четверо преступников смяли надзирателя и бросились к выходу. Смяли и старшего надзирателя, выхватив у него револьвер. На крики и шум прибежала охрана. В завязавшейся перестрелке бандиты были убиты.

Не ушел от возмездия и Колька Орел. Находясь на свободе, он вместе с Ренке и Семеновым совершил семнадцать убийств. Милиция упорно шла по его следу. На станции Егоршино Кислицына опознали, но задержать не успели — он уехал на товарном составе в Алапаевск. По телефону дали указание караулу, охранявшему мост через реку Реж.

Медленно приближается к мосту состав. Начальник караула заметил на тормозной площадке двух мужчин. Впрыгнув в тамбур, он вежливо попросил их сойти с вагона и пройти через мост пешком — так положено по инструкции. Ничего не подозревая, Кислицын и его спутник спустились на землю. Тотчас же последовал приказ:

— Руки вверх! Стреляю без предупреждения!

Подоспели стрелки, при обыске у обоих нашли револьверы.

Уже после приговора Кислицын сделал последнюю попытку уйти на свободу. В сопровождении конвоира он вышел из зала суда на шумную площадь и внезапно кинулся бежать, рассчитывая затеряться в людской сутолоке. Милицционер, не растерявшись, громко крикнул:

— Публика, ложись!

Пуля настигла бандита¹.

* * *

Узкой ниткой тянется Висимский тракт. Еловые лапы клонятся к земле под тяжестью снега. Ветер свирепствует наверху, раскачивая кроны, а здесь, у дороги, тихо.

Дорога длинная, и, чтобы скоротать время, введут неспешный разговор братья Федор и Сидор Челышевы. Выехали засвет-

ло, но припозднились — ну да не впервой им этот путь. Неторопливо, без понукания трусит лошадка.

У поворота из леса выскочили двое. В руках револьверы.

— Вытряхайся!

Что будешь делать ночью с вооруженными грабителями? Молча смотрели братья, как удаляется подвода. Только к утру им удалось добраться до места.

Судя по описанию, на тракте действовали Григорий Смоленцев и Яков Клейн. Угрозыску и чекистам хорошо были известны эти имена. Григорий Смоленцев одно время являлся председателем Нижнесельского волисполкома. Вскоре был замечен в злоупотреблении властью — по подложным документам продавал похищенных лошадей. Почувствовав угрозу разоблачения, сбежал, прихватив с собой чистые, заверенные печатью бланки паспортов. Сегодня Смоленцев, завтра Минеев, послезавтра Векшин — умело скрывал свои следы Григорий.

Его подручного Якова Клейна в уголовном мире знали под кличкой Васька Цыган. Рецидивист, участник ряда вооруженных ограблений.

Папка пухла от новых документов. В марте двадцать второго в деревне Треки Григорий Смоленцев и Дмитрий Мерзляков взломали амбар и увезли тридцать пудов пшеницы, в конце марта похитили тонну проса на станции Екатеринбург. Особенно часто орудовала шайка на станции Кузино.

И вдруг получаем сигнал, что группа Смоленцева скрывается близ Кузино. Сначала было не поверили — обычно преступники орудуют подальше от своих берлог, — но сигнал подтвердился.

Поздно вечером мы приехали в деревню Треки. Сразу — к председателю сельсовета Аристову. Посвятили его в свой план, попросили помощи. Стоит спугнуть одного, вызвать шум, как потом разнесется весть о нашем приезде, и тогда ищи-свищи ветра в поле. Председателя в деревне, естественно, знали, и его появление в домах тревоги не вызывало. Пока шла беседа, мы незаметно подходили к избе, арестовывали преступника и оставляли своего человека, чтобы не вступило в действие «сарафанное радио». Задержали шесть человек, изъяли две винтовки, наган, ящик с патронами.

Банда держала в страхе жителей Треков и села Нижнего. Те, что побогаче, получали иногда записки с требованием положить столько-то денег в условленное место.

¹ История поимки Кислицына и его сообщника Ренке сообщалась в нашем журнале («Уральский следопыт», № 2 за 1971 г.).

Иначе, мол, дом взорвется вместе с хозяином. Взрыв? Просто угроза или действительно бандиты имели взрывчатку? Следы вели к жителю села Нижнего Аристову, однофамильцу председателя сельсовета. Ему, по слухам, передал Смоленцев ящик с динамитом.

Взяв себе в помощь агента Калинина, я поехал в Нижнее. Тщательно обыскали дом, амбар, надворные постройки — ничего не нашли. Бьемся с хозяином час, другой — отрицает. Сдали нервы у моего помощника, выхватил из кобуры наган:

— Не скажешь, где динамит, пристрелю, как собаку.

Побледнел хозяин.

— Стреляй, — говорит. — Все равно ничего не узнаете.

Вызвал я помощника в сени, выговариваю ему.

— А чего он, контра, запирается, — кипит Калинин.

— Да какой же он контра, — отвечаю ему спокойно. — И к банде-то примкнул он случайно, припугнули его крепко. Иди, успокойся, я с ним побеседую.

Сидим, разговариваем. Со стороны посмотреть — встретились два приятеля. Смотрю, оттаял немного мой собеседник. А потом в конце беседы я добавил спокойно, но жестко:

— А сейчас слушай меня внимательно, Аристов. Задержать тебя мы все равно задержим. Три свидетеля подтверждают, что именно у тебя прятал Смоленцев динамит. Устроим очные ставки, снимем официальный допрос — все как полагается. Найдут за это время ребяташки взрывчатку — и взлетит на воздух вместе с ними твоя усадьба. Только на нас тогда не обижайся — ответишь по всей строгости.

— Ладно, — махнул рукой Аристов. — Идем.

На гумне под зародом соломы лежали ящики динамита, бикфордов шнур и детонаторы.

Оставалось, чтобы полностью «закрыть дело», найти последнего участника — Дмитрия Мерзлякова. Всесоюзный розыск ничего не дал. Видимо, преступник воспользовался взятыми у Смоленцева бланками паспортов и сменил фамилию. Рано или поздно, но где-то должен был сыскаться след. Он сыскался в Богословске (ныне Карпинске). Мерзляков под именем Лунегова Максима Ивановича устроился на рудник, женился на дочери попа. И вот я в Богословске.

Стучусь в дом, спрашиваю Максима Мерзляков (я знал его только по фотокарточке, которую носил с собой) сидел за столом, богато заставленном вкусной снедью.

— Здорово, Дмитрий Спиридонович, — говорю.

Он посмотрел на меня пренебрежительно (я был одет в обычное штатское платье) и неохотно протянул руку:

— Что-то не признаю.

И вдруг осекся, в глазах плеснул страх — понял, что его называют настоящим именем.

Я предъявил служебное удостоверение. Мерзляков медленно вышел из-за стола. Теща всполошенно забормотала:

— Какой ты Дмитрий, когда ты Максимка. И не Спиридонович ты, а Иванович.

Молодая жена — в слезы. К ней присоединилась и теща, когда я обнаружил старательно спрятанный «Смит-Вессон» с патронами.

Лет этак через пять иду я пермскими улицами и неожиданно встречаю того самого Мерзлякова. Выжидательно смотрю на него: что скрывать, по-разному относятся к нам те, кому довелось не по своей воле ехать в места отдаленные. Но Дмитрий явно обрадовался встрече. Не ожидая вопросов, стал рассказывать, что срок отбыл добросовестно, работает на мотовилихинском заводе. На прощание крепко пожал руку:

— Спасибо, — говорит. — Сейчас сплю спокойно. А, бывало, раньше ночи проводил с открытыми глазами. Услышу шорох или, не дай бог, стук — в пот бросало.

Радостны такие встречи. Чрезвычайная комиссия была не только карающим мечом. Идеалом для нас, чекистов, был и остается рыцарь революции — Феликс Дзержинский. И мы, рядовые партии, стремились не только наказать, хотя наказание само по себе мера воспитательная, но и вывести человека на правильный путь, выпрямить его душу и характер.

Около пятнадцати лет жизни отдал я нелегкому труду чекиста. Галерея лиц прошла перед моими глазами. Среди них были люди, подобные Мерзлякову, которые навсегда усвоили суровый урок, преподанный им жизнью. Были и такие, которые не гнушались любыми способами обмануть государство, которые избрали спекуляцию, воровство своей основной профессией. Об одном из них, завершая свои воспоминания, я и хочу рассказать.

...Загляделась молоденькая продавщица на посетителя — такого не часто увидишь

в захудалом продовольственном магазине. Высокий, стройный, красивый — щедро одарила природа парня. И одет любо-мило. Ладно сидит на нем кавалерийская форма с двумя кубиками на петлицах. На правом боку, как положено, наган в кобуре, на сапогах шпоры.

— Мне заведующую, — отрывисто бросил военный.

Засуетилась продавщица, повела гостя в тесную комнату, куда обычно вход посторонним запрещен. Очередь, всегда готовая взорваться, когда грозит секундная заминка, на сей раз миролюбиво молчала: сразу видно — дело срочное.

Военный был краток. Он везет команду новобранцев на дальневосточную границу. Нужны продукты: мука, масло, мясо, сахар. На робкое возражение заведующей, что все это дается по карточкам, последовал короткий ответ:

— Знаю. Но это — для армии. Вот расписка, вот деньги.

Щелкнул замок элегантного портфеля, вздрогнула заведующая и побежала отгружать продукты. Откуда ей было знать, что «команду» составляют спекулянты, которые сегодня же продадут на базаре товары по взвинченным ценам, а их «командир» — ловкий аферист Поздеев.

В одно из воскресений пошли с женой в кино. Около кинотеатра мелькнула знакомая фигура в кавалерийской шинели. Поздеев? Да, это он. Здесь арестовать его не удастся. Я мысленно представил картину: некто в штатском подсказывает к командиру Красной Армии, пытается выхватить из кобуры наган. Симпатии публики вряд ли будут на моей стороне, скорее задержат меня.

Шепнув жене, чтобы она подождала у входа, незаметно двинулся за Поздеевым. Как раз навстречу шли начальник одного отдела Толкушкин и уполномоченный Дуриманов. Вполголоса прошу их помочь.

— Да ты что, Ошмарин? — искренне удивился Толкушкин. — Мало тебе бандитов, ты еще за командирами начал гоняться.

Пока растолковал что к чему, Поздеев скрылся в темном переулке. Вернулся я к кинотеатру злой, а тут еще жена, не зная, почему я сбежал, добавила пару резких фраз, ибо в кино мы опоздали.

Через полмесяца мне приказали сопровождать воинский эшелон. Состав запаздывал, и я медленно прогуливался по насыпи. Заметил сидящего на шпалах человека в

командирской шинели. Поздеев! В это время закончили первую смену рабочие расположенного рядом завода. Я подбежал к группе людей, спрашиваю, есть ли среди них коммунисты или комсомольцы. Указали на паренька, секретаря комсомольской организации. Я предъявил ему служебное удостоверение, попросил помощи.

Медленно подхожу к Поздееву. Он отвернулся, видимо, не желая лишний раз попадаться на глаза прохожим. А мне только этого и надо было. Рывком выхватываю наган из его кобуры и на всякий случай вынимаю свой, проверенный. Подбежали рабочие, помогли задержать Поздеева.

...Бегут и бегут годы. Порой сам удивляешься — неужели это все с тобой происходило? Бессонные ночи в засадах, беспорядочная перестрелка, схватка с преступником один на один. А ведь все это действительно было! Были разрушенные железные дороги и страшная вокзальная толчея, проходил по стране беспощадный царь-голод, немало людской накипи выплеснул бурный поток тех далеких лет. Но было и другое, определяющее суровые и прекрасные двадцатые годы. Гремела на улицах «Варшавянка», рабочий город шел после смены на массовый воскресник. Утреннюю тишину будоражили все новые могучие свистки — вступали в строй разрушенные войной заводы. Все было внове — соревнование, слесарь на посту директора завода, колхозы, рабочие театры... Пробуждалась к новой жизни Советская Россия.

Всякий раз, приезжая сейчас в Свердловск, я нахожу все новые черточки в его облике. Разве можно сравнить сегодняшний миллионный город, его могучие предприятия, вузы, театры с тем, каким я помню его в молодости? Бегут по широким улицам школьники — нарядные, веселые. С улыбкой вспоминаю, что я со своими тремя классами считался грамотеем. Спроси любого, что такое чуни, пониток, — удивленно вытаращит глазенки. Вот приходится втолковывать своим внукам, что это была наша повседневная одежда и обувь, рассказывать, какие это были трудные и удивительные двадцатые годы. А рассказывать, моему, стоит. Чтобы верно оценить наше сегодня, надо знать, что было вчера.

Литературная запись С. ФЕДОРОВА

Рисунки Н. Мооса

ЗА ТРИДЕВЯТЬ ВРЕМЕН

Тамара КУРАШОВА

Да, мы ехали во времена, отстоящие от нас на две с лишним тысячи лет, в ту далекую эпоху, которую в учебниках истории помечают так: «до н. э.». Последние столетия до новой эры — вот время «пробывания» одного из отрядов археологической экспедиции Уральского государственного университета имени Горького.

С первых же часов пути ощущение удивительное: современный электровоз, а затем бойкий тепловоз «Амур», приближая нас к месту раскопок, казалось, в то же время и увозил нас из сегодняшнего дня все дальше и дальше. Поздней ночью, когда «Амур», ткнувшись в мягкий прибрежный песок, выбросил трап, я была окончательно убеждена: он доставил нас на порог других времен. И ни яркий сноп мощного прожектора, выхватившего из кромешной тьмы кусок берега, ни одинокий домик наверху, ни торопящиеся на теплоходик суетливые тетки с большими мешками и ящиками, полными яблок (славятся эти места на всю Удмуртию своими яблоками), — ничто не могло поколебать мою уверенность.

Коротко свистнув, «Амур» ушел обратно, а нам предстояло пройти до лагеря еще километров восемь. Для Лидии Ивановны Ашихминой, начальника здешнего отряда, и Леши Ноговицына, студента Ижевского университета, пришедших на пристань встретить нас, этот путь — легкая прогулка: они люди бывалые. А нам, новичкам, он запомнился надолго.

Часа через два, преодолев крутой подъем, мы остановились, с трудом переводя дыхание, у нескольких сонных палаток, каким-то чудом оказавшихся посреди огромной поляны. Где-то внизу текла Кама, гудел лес, тихо спала деревушка с красивым названием Зуевы Ключи. А здесь... Может быть, виноват в этом волшебник лунный свет, неузнаваемо преобразивший палатки, или резкий порыв ветра, налетевший невестя откуда, а может, и звездный полог, опрокинувший на нас свое великолепие. Только вдруг вспомнилась мне машина времени, неперемнная участница многих невероятных историй. Должна она находиться где-то здесь поблизости, чтобы довершить наше путешествие и отвезти нас в чужой и далекий мир, за две или три тысячи лет.

И она появилась. Познакомиться с ней предстояло уже следующим утром. Диковинным изобретением стала самая обыкновенная лопата. Именно этот главный инструмент археологов переносил нас из одного времени в другое, легко минувшая столетия и тысячелетия.

Четкие квадраты раскопок изрезали площадку. Они, как окна, через которые мы заглядывали в глубь — нет, не земли — веков. Каждый слой — целая эпоха. А иногда всего лишь несколько сантиметров отделяет одно тысячелетие от другого. Поэтому снимают слой осторожно, ну все равно как гра-

нильщик с алмазом работает — ничего лишнего ни уберет, ни оставит. При этом не только внимательно разглядываешь почву, но и прислушиваешься: не звякнет ли под острием лопаты керамика, металл или кость.

Вести раскопки — дело сложное и, без преувеличения, творческое. У археологов даже бытует выражение: творить раскоп. А это значит — видеть сквозь землю, уметь быстро ориентироваться в обстановке, чтобы не упустить наметившуюся линию, которая — а вдруг! — обозначит недостающую стену постройки, не проглядеть пятно, которое — кто знает! — не приведет ли к захоронению.

И вот тщательно зачищена поверхность. Теперь скорей смотреть, пока не высохла почва и не исчезли, словно растаяв, следы прошлого. Ага, вот они, темнеющие пятна, здесь и здесь. Непосвященному человеку они ни о чем не говорят. А Лидия Ивановна Ашихмина видит целое поселение: полуземлянки, чуть приподнявшиеся над поверхностью, переходы, соединяющие их. Три с половиной тысячи лет тому назад были построены эти жилища. Рядом еще один след, более поздний — поселение VIII—VII века до нашей эры. Кстати, такого большого поселения этого времени археологам еще не встречалось.

В нескольких метрах отсюда, на другом раскопе, — уже другая эпоха, другие племена, другое городище. Именно городище-крепость, защищенное валом и рвом. В IV—III веке до нашей эры, потес-

Когда-то здесь стояла крепость

ненные с нижней Камы, пришли люди на этот холм.

В древности эти места были густо заселены. Стоянки каменного века, поселения эпохи бронзы, городища начала нашей эры... А по нынешним временам здесь тихо и пустынно. За нашим холмом поднимается еще один, а там вдаль — еще и еще. Правый берег Камы высок и скалист, с реки он — как неприступные стены старых крепостей. Видимо, это было немаловажным обстоятельством для наших предков, когда они выбирали себе места под городища. А для современных жителей здешних краев холмы — помеха. Как их используешь, какую на них технику пустишь?! Тишину нарушают лишь звуки с Камы — то зычно, по-хозяйски прикрикнет на

кого-то самоходная баржа, — а их здесь, что машин на оживленной магистрали, — то веселая мелодия с белоснежного теплохода напоминает о цивилизации XX века.

Местные жители до сих пор зовут холм крепостью. Он и в самом деле похож на сложное фортификационное сооружение, с трех сторон окруженное глубоким оврагом. Специалисты утверждают, что оврагу ни много ни мало пять тысяч лет. В столь солидный возраст веришь безоговорочно, стоит лишь раз побывать на его дне. А бывать там приходится по меньшей мере трижды в день — лучшего места для кухни и столовой не найти.

За две тысячи лет здесь мало что изменилось. Все так же бежит-торопится по дну оврага ручей.

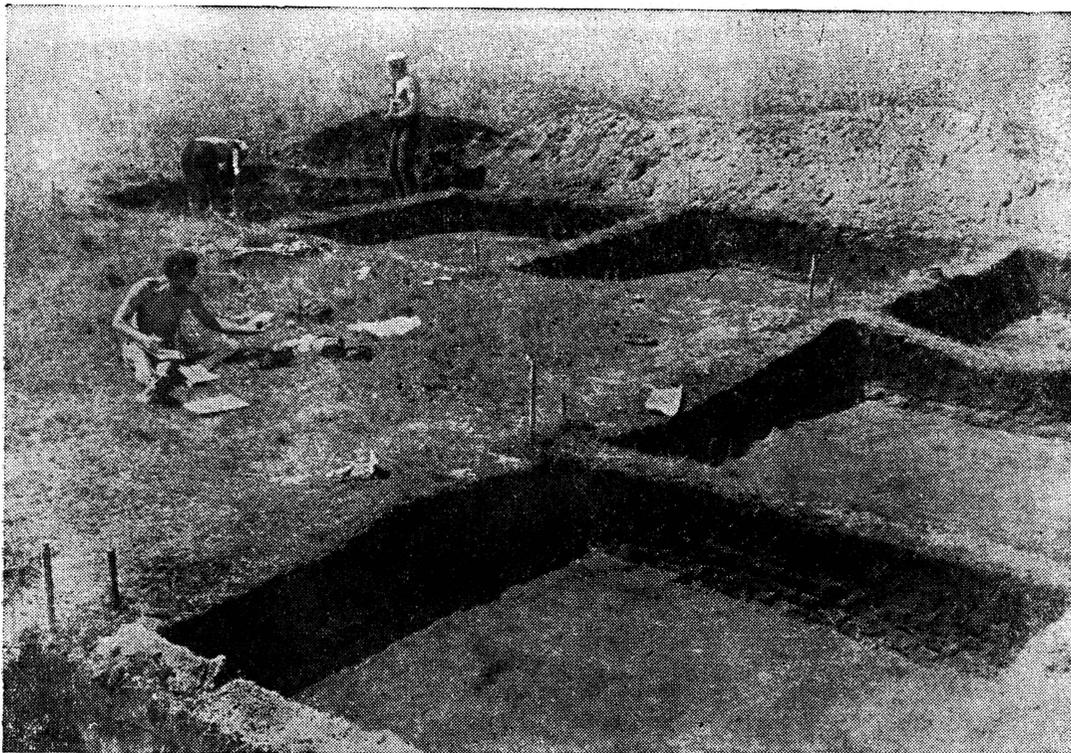
Гремячим его прозвали не зря. Говор Гремячего слышно даже наверху. И та же величавая вершина — Кереметь — Священная гора — поднимается с севера. Разве только вместо одного-единственного дерева на склоне, постоянного приюта для овец в жару и дождь, она вся была покрыта лесом. Да и западная сторона, вдоль которой люди возвели в свое время мощный вал с искусственным ровом, приняла совсем мирный вид. Но и сглаженные временем, заросшие цветами вал и ров до сих пор хорошо заметны.

Все так же ранним летом свежие травы покрывают холм. Но чуть припечет солнце — и выгорает мятлики луговой, острее пахнет полынь, даже тысячелистник теряет свою первозданную белизну. Хорошее место, удобное для жизни и хозяйства. Многие племена выбирали его для своих поселений. Они приходили и уходили. Сегодня мы ищем их следы.

Рабочий день начинается рано. В семь утра все уже на раскопах. После первого дня приходишь к унылому выводу: археология — это тяжелый труд. Пятьдесят минут копать, десять — перерыв. И так до одиннадцати. Если первый час проходит быстро, то остальные кажутся нескончаемыми. А тут еще жара одолевает. Редкие легкие облачка, выплывающие из-за Керемети, как замысловатые кольца дыма из гигантской трубки, почти сразу же тают, слизанные ненасытным солнцем.

Значит, дождя снова не будет. Земля, пересохшая за долгие безоблачные дни, стала настоящим бедствием для археологов. Пыль стоит над раскопами. Пыль скрадывает и те незначительные следы, которые оставило нам прошлое. Суший ад, а не работа. Тем не менее желающих оставить ее и отправиться дежурить на кухню в спастельную тень оврага не было.

Иногда появляются на нашем холме «экскурсанты». Чаще всего

Окна в прошлое

Что вездесущие мальчишки из Зуевых Ключей. Ходят, смотрят, шуряют находки обстоятельно, неторопливо. Объяснения слушают с недоверием, словно мы что-то утаиваем от них. И почти всегда спрашивают: «А золото находили?»

Живет легенда в этих местах, что где-то здесь спрятан двенадцатипудовый золотой идол. Мне так и не удалось выяснить — не родня ли их золотой идол Золотой бабе народов Северного Урала, о которой написано немало исследований? А может, истоки этой легенды уходят в глубокую древность, когда господствовал у здешних народов матриархат, когда женщину почитали, как богиню. Археология на этот счет ответа не дает. Впрочем неразгаданных загадок в археологии еще немало. Ученым не ясно, например, почему в IV—III веках до нашей эры огромная масса людей вдруг обожновала здесь поселение, подобные которому, по размерам, в первобытность встречаются крайне редко. А спустя 200 лет люди ушли и

отсюда, бросив свои удобные дома.

Один из них, длинный сруб из бревен с высокой крышей и двумя очагами посредине, стоял вот тут. Темные пятна в квадрате образуют прямой угол, будто тень от давно исчезнувшего строения на многие сотни лет впечаталась в землю. Рядом жертвенник. Черепа лошадей, медведей, кабанов таинственным овалом окружили кострище. Жертвенник вызвал большой интерес. Даже для Владимира Федоровича Генинга, раскопавшего десятки подобных поселений, такой был неизвестен. «Вероятно, он связан с закладкой жилища», — предполагают археологи.

О находках узнавали мгновенно. Разогнет спину кто-то из копающих, оставит лопату, вертя что-то в руках, ойкнет кто-нибудь из девчонок — и все устремляется туда. Что там? Что подарила нам земля, так долго прятавшая свои тайны?

К находкам, их называют предметами материальной культуры, относятся с уважением. У каждой

свое место с четкой пометкой — раскоп, слой. Девочки из камералки их моют, записывают, упаковывают, чтобы зимой в тиши лабораторий, систематизируя и описывая, подумать, поразмышлять о далеком прошлом. И может быть, подскажут эти остатки прошлой культуры нужное решение, помогут разгадать непонятное...

Как-то молниеносный слух взбудоражил всех: найден ключ. Да, самый настоящий, из металла, с замысловатой бородкой. Ключи и даже что-то похожее на них еще ни разу не находили. Значит, знали все-таки эти народы замки, прятали свои сокровища за крепкими запорами. Каждому хотелось взглянуть на первобытный ключ, потрогать его. Наконец он в руках Владимира Федоровича Генинга. Все напряженно замолчали, приготовясь услышать что-то неожиданное.

— Семнадцатый, а то и восемнадцатый век, — заключил начальник экспедиции.

— Как, почему семнадцатый? — Не хотелось верить, что ключ — почти наш современник и поэтому никакой находкой не является.

— Вон там в свое время стояла усадьба, — пояснил Владимир Федорович. — Следы ее мы обнаружили в прошлый раз.

Найти что-то необычное, что никто никогда до тебя не находил, хотелось всякому. Но каждый день приносил одно и то же. В основном это черепки. Встречались бронзовые и костяные наконечники стрел, детские игрушки, глиняные женские фигурки.

Археологи шутят: мусорная яма истории — наше рабочее место. Зачастую так оно и бывает. Среди черепков, обломков, костей, всего того, что когда-то было выброшено за ненадобностью, а теперь стало свидетельством былого, ищут они то, что легло бы штрихом в рассказ о прошлых народах.

Подарки случайны, разве какой-нибудь древний растеряха преподнесет их. И мечтают археологи о могильнике, в котором нетронутыми лежат и оружие, и утварь, и украшения, или о городище, внезапно застигнутом катастрофой. Совсем неплохо найти что-то похожее на гробницу Тутанхамона или раскопать еще одну Помпею. Но сенсации бывают ой как редко! Хотя, на этом сходятся все археологи, вряд ли даже самые богатые раскопки помогут во всей полноте представить картину жизни и быта народов далекого прошлого. Для этого нужны десятки, сотни поисков и находок, причем самых рядовых, обыденных. Да и наука признает достоверным только то, что повторяется неоднократно, из чего можно вывести закономерность. И только они введут нас в

далекий мир наших предков, расскажут, как они жили, какими были.

— Попробуем представить их, — предложил как-то В. Ф. Генинг. Руководителю уральской археологической экспедиции сделать это нетрудно. Многие годы посвятил он народу, жившему по Каме с III века до н. э. по II век н. э., о нем написан им научный труд. Светловолосы и белокожи, широколицы, они были сильны и выносливы, хотя не отличались высоким ростом. В лаборатории М. М. Герасимова по черепу женщины того времени была выполнена скульптурная реконструкция. Посмотришь на нее — наша современница да и только. Жили они в интересное время, когда из первобытной разрозненности начал складываться народ как единое целое. Смотрите сами: все находки по берегам Камы, относящиеся к этому времени, одинаковы.

Семья у них огромная — человек 25—30. В тесноте жили, но не в обиде. По всей вероятности, это были уживчивые, общительные люди. Занимались скотоводством, земледелием, охотой. Пушнина шла в обмен на различные товары. Они были...

Да, они были прекрасные мастера по металлу, керамике, кожам. И многие украшения, обнаруженные в могильниках, не покажутся старомодными и сегодня. Незатейливы, просты, с четким геометрическим рисунком, но сколько выдумки и умения вложено в эту кажущуюся простоту! Лучшие из них находятся в экспозиции Эрмитажа. А на музыкальных инструментах, сделанных из зуба медведя, можно играть хоть сейчас, если сумеешь, конечно. Язычники, они почитали женщину, ей посвящены многочисленные глиняные фигурки, для нее

создавались великолепные украшения. Для нее выменивались бусы из стекла египетской пасты, голубоватые, непрозрачные, как воды Нила. Изящные подвески в виде фигурок льва, жуков-скарabeeв прибывали со Средиземноморья, из Сирии, золотистые диски и бронзовые пластины с тамгой — из Средней Азии, из Хорезма.

Мы сидели у вечернего догорающего костра. Было темно и тихо. В такую пору самое невероятное представляется вероятным. На какое-то мгновение мы почувствовали себя в гостях у этих талантливых, добрых, интересных людей. Казалось, они были где-то рядом, здесь, — ведь отделяло нас от них лишь неощутимое время. Вон там вместо раскопа стоит их дом и брезжит огонь жертвенника. В его неверных бликах сверкают богато расшитые одежды женщин. Где-то звучит непонятная музыка, может быть, играют на том самом инструменте, сделанном из зуба медведя...

Да, археология, изучая историю материальной культуры, помогает познать и человека.

Археологические раскопки давно стали обычным делом. Каждый год десятки отрядов отправляются то в ближайшие столетия, то в далекие тысячелетия — на поиски прошлого. Наша экспедиция была одна из многих. Сенсационных находок в ней, увы, не было. Но когда поздней ночью все тот же неотомимый «Амур» увозил нас обратно, возвращая в XX век, мне казалось, что там, на высоком мысу Камы, в тихом, будто забытом всеми местечке осталась наша машина времени. Осталась до следующих раскопок.

ЗА УРАЛ-РЕКОЙ

Владимир АЛЬТОВ

Фронт был далеко от Оренбурга. Даже в те тяжелые дни конца 1942 года, когда жестокие бои шли у берегов Волги, под Сталинградом, от линии фронта до Оренбурга по прямой было более восьмисот километров. В небе над этим городом никогда не появлялись злобные силуэты «юнкерсов». Но и здесь, в Оренбуржье, в глубоком тылу, шла тайная война против вражеских лазутчиков — шпионов и диверсантов. Случалось порой и такое, когда дремотную степную тишину раскалывали разрывы гранат, пулеметные очереди...

В Акчелеке, на нефтекачке № 3, заканчивалась очередная вахта. Гулко тарахтел дизель. Мощные насосы подавали нефть из емкостей в «трубу», как называют нефтепровод его хозяева — эксплуатационники. Дежурный механик со слесарями вели профилактический ремонт резервного дизеля.

И вдруг — необычный телефонный звонок из управления нефтепровода Гурьев — Орск: в категорической форме начальнику нефтекачки Пархоменко было велено собрать без промедления все имеющееся в поселке оружие и организовать строгую круглосуточную охрану насосной и резервуарного парка.

В тот весенний вечер была объявлена тревога почти по всей 900-километровой трассе нефтепровода и на железной дороге Орск — Кандгач — Гурьев.

Что же произошло? Зачем понадобилась усиленная охрана магистрали, находящейся за многие сотни километров от линии фронта?

...Дежурные офицеры Гурьевского управления наркомата госбезопасности принимали одно за другим тревожные сообщения:

— В ночь со второго на третье мая в сторону Гурьева пролетел неизвестный самолет.

— Докладывает дежурный Гурьевского аэропорта. В два часа тридцать минут над Гурьевом появился неизвестный самолет. Ушел на большой высоте на запад, в сторону Астрахани.

Жители сел, расположенных на берегах Эмбы, тоже видели какой-то большой самолет, который прошел над степью, у самой кромки горизонта.

Компетентные органы Аэрофлота и Военно-Воздушных Сил дали официальную справку — ни гражданские, ни военные советские самолеты в ту ночь в указанных районах не пролетали.

На рассвете шестого мая на стол начальнику управления Гончарову положили радиотелеграмму: «Неизвестный самолет в четыре часа ночи обстрелял в море, в сорока — пятидесяти километрах от Гурьева, пароходы «Роза Люксембург», «Пролетарская диктатура» и «Калинин». Пули высылаем на экспертизу». Как выяснилось, корабли обстрелял четырехмоторный бомбардировщик.

После первого же сообщения были приняты срочные меры предосторожности. Все важнейшие объекты в окрестных районах были взяты под особое наблюдение.

Прежде чем продолжить рассказ, вспомним одну полузабытую страничку истории.

В суровую зиму 1919 года в только что освобожденном от дутовцев Оренбурге царил топливный голод. Останавливались предприятия, застывали на станционных путях паровозы, нечем было отапливать больницы, госпитали, школы.

Через две недели после установления в городе Советской власти сотрудник губсовнархоза Тауфик Сабитов отправился через захваченные белоказаками станицы в далекий и опасный путь с особым поручением.

А спустя еще полтора месяца в Москву на имя Ленина и наркома путей сообщения Красина была отправлена телеграмма: «В Оренбург караванным порядком доставлена сырая нефть на 37 верблюдах весом 1427 пудов». Как велика была в ту тяжелую пору потребность в топливе, если о таком относительно небольшом количестве нефти докладывали лично Ильичу! Эту нефть скупал в Эмбинском районе и с невероятным риском отправлял за 620 верст «красный коммерсант» Тауфик Сабитов.

1920 год. Освобождены от белогвардейцев Гурьев и Эмба. 25 февраля телеграфисты Самары и Саратова принимают телеграммы, адресованные губкомом партии и губисполкомом: «Постройка желдороги и нефтепровода к Эмбе имеет важнейшее значение. Надо помочь всеми силами и ускорить всячески. Организуйте агитацию, устройте постоянную комиссию помощи, примените трудовую повинность... Исполнение телеграфируйте регулярно. Предсовнаркома Ленин».

Сооружение магистрального трубопровода и строительство в Орске нефтеперерабатывающего завода начались уже в годы первой пятилетки. Тогда не было таких могучих землеройных машин, трубоукладчиков и таких мощных грузовиков, какие работают сейчас на трассах трубопроводов. На всем протяжении 847-километровой магистрали работы велись в основном вручную. Каждый километр уложенных труб был подвигом строителей. На подвозке труб, битума и других материалов как главное транспортное средство использовались верблюды. Грузы возили за сотни километров со станции Уральск. Большая часть трассы проходила по прикаспийской пустыне и безводным солончаковым степям.

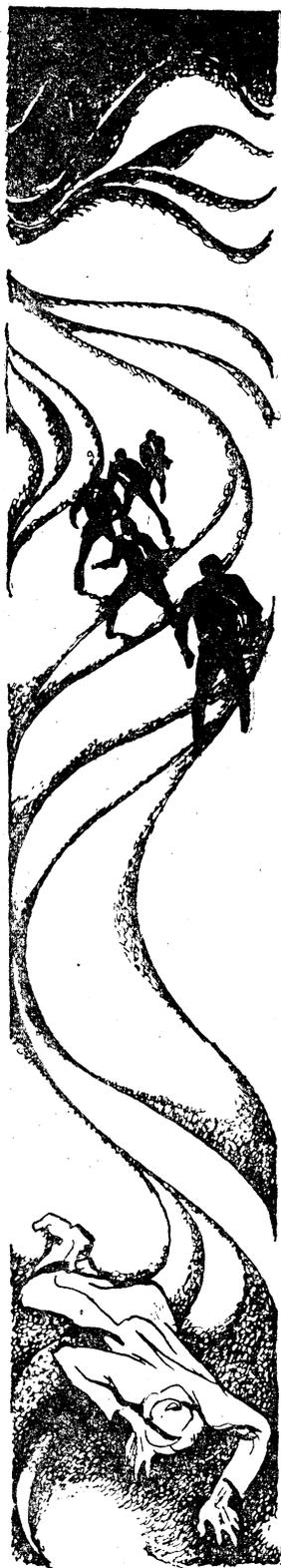
11 октября 1935 года эмбинская нефть с берегов Каспия пришла в Орск. В те самые дни, когда по безлюдным степям строители прокладывали ложе нефтяной реки, на окраине Орска на многометровую высоту поднимались башни крекинг-установок. Строители торопились — стране нужны были нефтепродукты. Тем более, что на Урале, потреблявшем огромное количество горючего, это был первый и единственный в то время завод. 24 декабря 1935 года технологическая установка АВТ-I выдала первую продукцию.

Тогда же стал осуществляться и другой завет Ленина. В годы второй пятилетки от Гурьева была проложена железнодорожная линия, выходящая на магистраль Оренбург — Ташкент. А в сентябре 1939 года строители пришли на трассу дороги Орск — Кандагач. Достраивать ее пришлось уже в первые военные годы. Как выручили нас в годы войны эти магистрали — и подземная, и железнодорожная! В тяжелые для нашей страны дни, когда Баку и Грозный были отрезаны, когда страна испытывала невероятные трудности в снабжении горючим боевой техники, когда составы цистерн шли дальним круглым путем через Среднюю Азию, Казахстан, Оренбуржье, подземная нефтяная река непрерывным потоком давала сырье Орску. Причем по «трубе» и по линии Гурьев — Кандагач — Орск шла не только эмбинская нефть, но и «черное золото» Баку и Грозного. Танкеры доставляли нефть на гурьевский рейд, а отсюда она транспортировалась на Орский и другие заводы.

Недавно опубликованы воспоминания М. И. Кормилицына — крупного инженера, ведавшего в годы войны снабжением Советской Армии горючим. Он пишет, что в дни боев за Сталинград 12 процентов всего горючего, которое потреблял фронт, давали Орск и Уфа.

В райцентр Жилая Коса прискакал гонец из колхоза имени Кирова. Он рассказал чекистам, что на дальней, затерянной в степи животноводческой ферме появились шестеро чужих людей. Казахи по национальности, они были в военной форме Советской Армии, у каждого в руках автомат. Старшего называли капитаном. Неизвестные рассказали колхозникам, что ищут дезертиров, купили на ферме барана и ушли в степь. Старому бригадиру Байжану Атагузиеву показалось подозрительным, что пришельцы дали ему за барана гораздо большую сумму, чем он запросил. И пообещали заплатить еще больше, если он сообщит что-

либо о дезертирах. Когда странные гости удалились, Байжан послал в райцентр расторопного паренька...

Отряд чекистов во главе с офицером Шармаем немедленно выехал в село Уялы, что стоит на правом берегу Эмбы. В район прибыл и начальник управления госбезопасности по Гурьевской области Гончаров, чтобы лично возглавить операцию. На помощь чекистам прилетел самолет. Он неустанно кружил над степью, но осмотр с воздуха ничего не дал.

Вместе с колхозниками чекисты стали прочесывать местность и в нескольких километрах от фермы наткнулись на стоянку, где, видно, совсем недавно отдыхали неизвестные. На земле валялись окурки сигарет и немецкий карандаш. Сомнений не оставалось: к нам в тыл заброшены диверсанты.

— У колодца их надо искать, — подсказал чекистам один из чабанов. — Без воды в наших местах далеко не уйдешь.

В огромном степном районе, где населенные пункты отстоят друг от друга на многие десятки километров, было только два колодца. Возле одного из них нашли консервные банки. А когда стали подходить к другому, на чекистов и чабанов обрушился целый шквал огня. Завязалась перестрелка. Затем на короткое время наступила тишина.

— Предлагаем немедленно сложить оружие! — крикнул Шармай.

В ответ снова загремели выстрелы. Перестрелка продолжалась до темна. А ночью диверсантам удалось незаметно уйти и оторваться от преследователей. Чувствовалось, что ведет их человек, который хорошо ориентируется в здешних местах.

На рассвете снова закружил над степью самолет. Но воздушная разведка и на этот раз ничего не обнаружила. Враги умели маскироваться.

Поздно ночью бандиты ворвались на ферму колхоза имени Кирова. Они жестоко избили Байжана Атагузиева, захватили лошадь и продукты.

— Проведешь нас самой короткой дорогой в горы, — потребовал главарь, тот, которого сообщники теперь, отбросив всякую маскировку, звали почтительно Алиханом.

— Ночью разве найдешь дорогу, — пытался отговориться Байжан, — надо до утра переждать...

Он всеми силами старался оттянуть время, задержать врагов.

Но диверсанты требовали — веди сейчас! Немедленно! Тогда Байжан отвел их совсем недалеко от фермы, в урочище Жана-Секе, в то место, где, по его расчетам, с минуты на минуту должны были появиться чекисты.

— Дальше не пойду, — решительно сказал он Алихану.

— Убью, как собаку! — заорал бандит.

— Убивай, фашист! — крикнул старик и плюнул в лицо Алихану. — Все равно вас найдут, грязные шакалы!

Больше он ничего не успел сказать. Бандит выхватил из кобуры пистолет и расстрелял в Атагузиева целую обойму. Затем он сам повел своих сообщников туда, где, по его предположениям, находились горы.

Группа Шармая шла по следам диверсантов. Оставив на ферме засаду, чекисты пустились в погоню. Утром к группе Шармая присоединились отряды Волкова и актюбинских чекистов под командой Яценко. Потом подоспели еще три группы — Хусаинова, Корнилова и Санталины. Решили с помощью местных жителей тщательно прочесать каждую складку в Ала-Тау: следы вели туда.

И тут возникло совершенно неожиданное препятствие: ливень, пронесшийся над степью, начисто смыл следы. Но весенний ветер быстро подсушил землю. Преследование возобновилось. Километр за километром проходили чекисты, оставляя засады у колодцев и редких населенных пунктов.

...К ферме, откуда бандиты увели Атагузиева, подошли двое в красноармейской форме. Когда выскочившие навстречу из засады чекисты окликнули незнакомцев, те сразу бросили автоматы, подняли руки.

— Бастибаев... Жакипов... — называли они себя. — Мы пришли сдаваться.

Диверсанты рассказали о составе десанта, о том, что его возглавляет изменник Родины, ярый националист Алихан Агаев, награжденный за усердие в борьбе с итальянскими партизанами фашистским орденом. Группа диверсантов, получившая название «Алаш» (по имени националистской подпольной организации, разгромленной когда-то в Казахстане), должна была создать в прикаспийской степи несколько шпионско-диверсионных баз, вести подрывную работу и провести целый ряд диверсий, в том числе взорвать самую мощную нефтекачку, нефтебазу «Ширина», мосты на железной дороге Орск — Кандагач — Гурьев и другие объекты.

К указанным пленными парашютистами пунктам отправились отряды чекистов. В урочище Шили-Сан группы Корнилова и Яценко окружили пятерых диверсантов. Враги сопротивлялись долго. Но силы были неравными, и они в конце концов были схвачены. Главаря среди них не оказалось.

А спустя сутки от начальника третьей нефтекачки Пархоменко к чекистам прискакал один из слесарей с запиской, в которой сообщалось, что в районе нефтекачки появились пятеро диверсантов и что Пархоменко с группой рабочих вступил с ними в бой.

Рабочим удалось удержать диверсантов в степи, не допустить их к важным объектам. В разгар перестрелки подоспели чекисты. Парашютистам предложили сдаться, но они, отстреливаясь, пытались уйти в степь. Это им не удалось. Все пятеро во главе со своим атаманом Агаевым были уничтожены.

Но Бастибаев и Жакипов сообщили, что в группе было пятнадцать человек. Правда, один из них — Куттубаев — был убит Агаевым еще в Бухаресте, перед посадкой в самолет: он позволил себе усомниться в успехе всего предприятия. Значит, четырнадцать парашютистов приземлились в степи за Урал-рекой. Где же еще двое?

Отряды снова ушли на поиск. Через несколько дней в Макатском районе, недалеко от железной дороги, были схвачены и остальные...

На трех базах, которые успели заложить бандиты, чекисты обнаружили пулеметы и автоматы, несколько ящиков боеприпасов, десятки коробок со взрывчаткой и электровзрывательные устройства, около ста пятидесяти зажигательных шашек, три рации, набор различных ядов, зеленые «алашские» знамена, более семисот тысяч рублей советских денег, печати и штампы советских организаций и даже походная типография с набором шрифтов и клише. Кроме того, было заготовлено несколько тысяч антисоветских листовок.

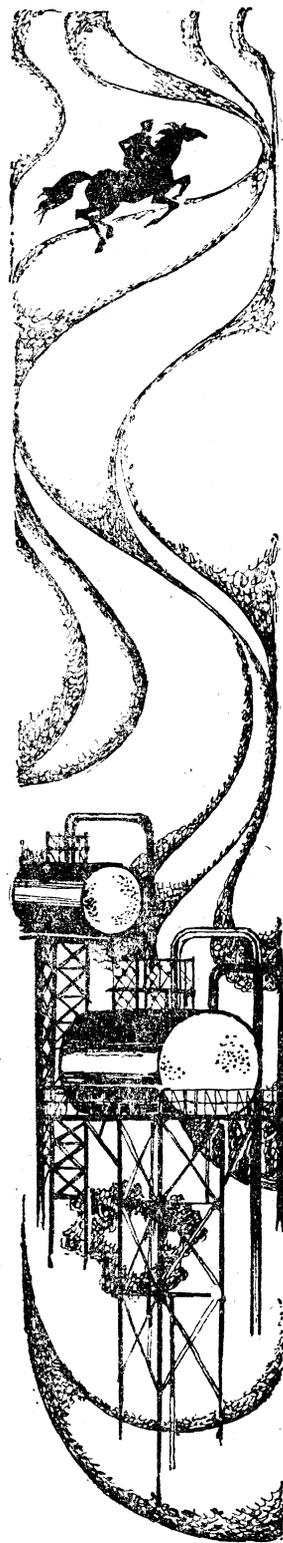
Один из диверсантов, радист Махмудов, рассказал следователю о том, что десант был сброшен двумя группами с четырехмоторного бомбардировщика, совершившего два залета в советский тыл. После приземления передали в Бухарест, в разведывательный центр, первое сообщение: «Обе группы благополучно соединились в районе Саркаска. При посадке поврежден приемник большой рации. Следующий сеанс связи после 25 мая. Иранов». Это была еще одна фамилия Агаева. Она тоже оказалась вымышленной. Как удалось выяснить в ходе следствия, это был уроженец здешних мест, бывший агроном Жилкосинского райземотдела Амирхан Тлеумагамбетов. Еще в дни боев под Москвой он перешел на сторону гитлеровцев и служил им верой и правдой, пока предателя не сразила чекистская пуля.

На одном из допросов радист раскрыл код, пароль, систему шифровки и время выхода в эфир. Этим воспользовались чекисты, решиз провести сеанс «радиосвязи» с вражеским разведывательным центром, на который работала диверсионная группа. Ведь Агаев не раз говорил своим подчиненным, что как только они создадут базы и закрепятся в прикаспийской степи, к ним прилетят новые отряды — основные силы «Алаша». Было очень заманчиво захватить врагов.

Махмудов отстучал свои позывные, передал зашифрованную радиogramму: «Все благополучно. Приемник исправили. Жду обещанного. Иранов». Долгие минуты молчания. Чекисты терпеливо ждали. Наконец сквозь шорохи эфира донеслись сигналы фашистского радицентра. Расшифрованный ответ был коротким: «Посылаем гостей. Разложите костры в квадрате 20—43».

И вот настал час, обусловленный при переговорах. Послышался характерный прерывистый гул немецкого самолета. Тотчас же вспыхнули костры недалеко от теряющейся в песках реки Сагыз. Самолет развернулся, и к земле пошли парашютисты — один, второй, третий... И только? Чекисты были готовы встретить и гораздо большую группу. Враги были схвачены, едва коснулись земли, и даже не пытались оказать сопротивление.

По ту сторону фронта радисты круглые сутки дежурили у раций, пытались связаться с «Алашем». Фашистская разведка с нетерпением ждала сообщений о взрывах страшной силы, которые должны были прогреметь одновременно на трассе нефтепровода, на железной дороге и на других объектах. Но так и не дождалась. Горький опыт с авантюрой «Алаш» ничему не научил фашистов. Три раза еще сбрасывались вражеские десанты в этом районе. Но все они были уничтожены чекистами сразу после приземления.

БРАТЯ «ЮЖИКИ»

Путь к славе у «Южика» был на редкость удачным. За каких-то полгода он стал всемирно знаменитым, получил большую прессу, его портреты печатались во многих газетах и журналах. Такая уж у него была работа — гид выставки детского технического творчества, что была открыта на ВДНХ, — словоохотливый и добрый.

Посетителей он встречал на пороге — вежливо представлялся, приглашал осмотреть экспозицию и сам сопровождал их. На прощание гостю предлагалось открыть золотым ключиком малахитовую шкатулку, которую держал в руках «Южик», и он получал подарок — значок с самоцветом или пластмассовый черепановский паровозик, выбегающий из туннеля самоцветной горки...

Бывает так: один прямо купається в славе, а другой, не менее достойный ее, остается в тени. Пока «Южик» с триум-

фом гастролировал на ВДНХ, затем путешествовал по зарубежным выставкам, всеми забытый старший брат его, тоже «Южик», кстати, выполнял скромную должность кассира на Свердловской детской железной дороге. А он, «Южик-старший», не только не уступает младшему брату, но и превосходит его. Говорит и ходит, продает билеты и шоколадки, горазд на выдумки.

Место рождения роботов «Южиков» — Свердловская детская железная дорога имени Н. Островского. В межсезонье, когда дорога закрыта, ребята и мастера здесь технические диковинки. Пять лет подряд юные техники были участниками ВДНХ, получили не один десяток медалей. И сейчас в депо детской железной дороги кипит работа — ребята делают новые удивительные сюрпризы. Один из них уже готов...

ВЫ ЗНАЕТЕ КАМНИ?

Эта игрушка — волшебная Медная гора, поросшая елочками, усыпанная разноцветными камнями. По бокам — две витрины, в которых выставлено 32 образца уральских самоцветов.

Если вы хотите проверить,

знаете ли уральские камни, получайте задание, разыскивайте на витринах те самоцветы, названия которых значатся на экране, и включайте тумблер. Если вы действительно знаете камни, то об этом вас известит сама игрушка-экзаменатор: по туннелю тотчас промчится тепловоз, а вдобавок из пещеры на полянку вывалится или значок, или полированный камушек, или аэрофлотский леденец...

На свердловской областной выставке детского технического творчества механический экзаменатор «Свердловск» — так он назван в честь 250-летия города на Исети — пользовался неизменным успехом, был отмечен грамотой. Двое создателей оригинальной игрушки — семиклассники Витя Веснин и Гера Никонов — награждены путевками во всесоюзный пионерский лагерь «Артек».

ОГРАНЩИКИ САМОЦВЕТОВ

Вы заметили, что юные умельцы Свердловской детской железной дороги всегда имеют дело с камнями.

И депо, где трудятся ребята, больше напоминает гранильную фабрику, чем механическую мастерскую. Всюду здесь камни — пирит, орлец, лазурит, обсидиан, хризолит, малахит, яшма, флюорит, сиенит, лиственит, мрамор... Тут же и станки для огранки.

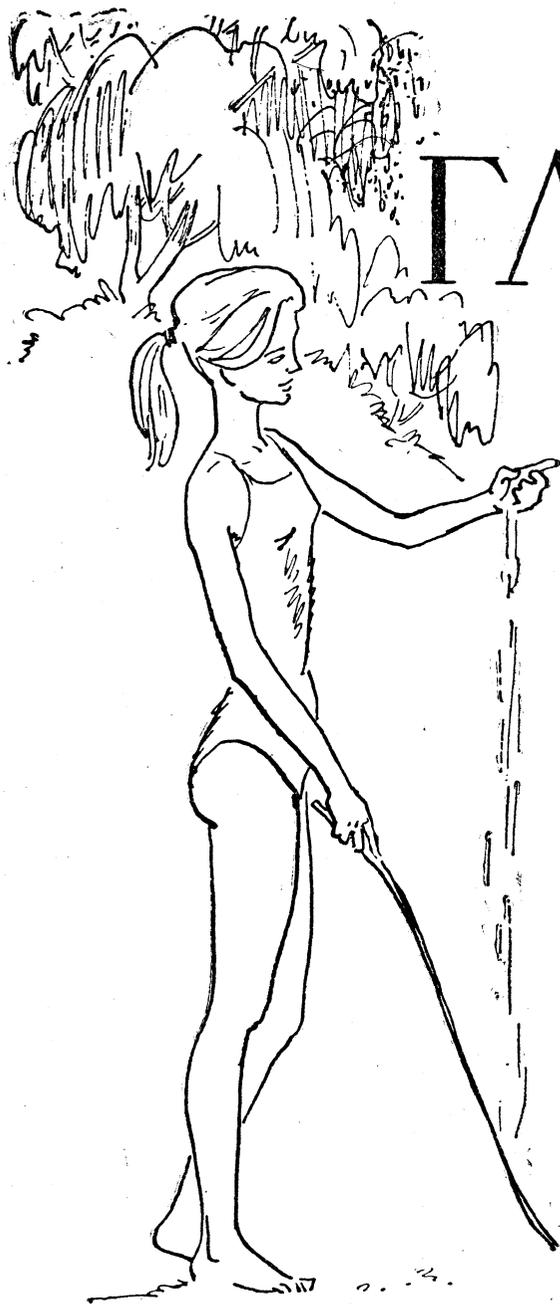
Огранка и шлифовка уральских самоцветов — второе увлечение членов технического кружка при Свердловской детской железной дороге. Этому ремеслу их обучил руководитель кружка Виталий Петрович Перепелкин. И собирают камни ребята сами — ходят в экспедиции в горы, лазают по старым заброшенным шурфам и шахтам. Одни стали заядлыми и умелыми горщиками — искателями и знатоками камней, другие, как, например, восьмиклассницы Оля Меньшенина и Ира Моница, — искусными гранильщиками самоцветов.

Из летних экспедиций ребята привезли уйму образцов. Сейчас они их гранят, делают сувениры, вставки для юбилейных значков, которые будет дарить экзаменатор «Свердловск».

«Южик» дарит сувенир посетителю ВДНХ космонавту Г. С. Шонину.

А. Поляков

ГЛИНКА

Рассказ

Сергей МАТЮШИН

Рисунки Н. Мооса

Как-то летом, в короткое июльское утро шел я по вытоптанной околице к темнеющему сквозь туман лесу — искать Глинку. Так в округе называли местечко на реке Малой Коше, где в годы войны упали две бомбы. Воронки от взрывов образовали небольшую, но «глыбкую и горазд рыбную омутину», обрыв над омутом был текучий, глинистый, потому местечко и нарекли Глинкой. При всей простоте название звучало нежно, привлекательно, словно придумал его любящий человек; о прозаической глине и не думалось. Говорили еще, что найти Глинку не так просто — «ход туда вроде и недалекий, да не всяк найдет»...

Расспросив как следует дорогу у хозяйки (она удивлялась моей настойчивости: «Да чего тебе там, медом мазано? Плотица, кажись, только одна и водится...»), я шел теперь искать затерянный в излучинах Малой Коши уголок.

Солнце, еще мутное и словно заспанное от неосевшего тумана, казалось, замерло над неровной кромкой дальнего леса. Крупная роса сверкала в неярких травах выгона, — это серебристый налет на листочках клевера делал водяные капли похожими на зеркальные шарики.

Какой-то нерадивый человек запоздало стучал по наковальне — отбивал косу. Изредка напористо и расторопно кричали по дворам на весь свет петухи.

Пройдя по краю ржаного поля, я скоро углубился в лес. Деревенские звуки стихли, мир вокруг постепенно наполнялся лесным шумом: прошелестел по вершине ветер,

где-то деловито стукнул несколько раз дятел, вездесущие сороки затрещали над головой. Неотогравшиеся еще кузнечики, робко пострекочивая, вяло карабкались из-под моих ног на мохнатые листья пушиц и стволы таволги. На разные лады гомонили и верещали лесные жители — в лесу начинался день.

Вскоре лес поредел. Тропинка потерялась среди плотного ковра тугих кустиков

брусники, и, пройдя еще немного в теплом аромате трав и ягод редколесья, я оказался на краю довольно высокого и крутого берега. Глина обрыва, мокрая и как бы морщинистая от множества прорезавших ее повсюду ручейков, причудливо сверкала на солнце.

Было удивительно — как это оползни вовсе не стащили к воде искривленные худенькие березки, в беспорядке торчащие по склону. Внизу, у самой воды, высились старые ивы. Замшелые их корни и свисающие над изогнутыми стволами длинные ветви с подернутыми сединой листьями образовали нечто вроде тенистой беседки.

Устроившись на изгибе ствола, я осмотрелся.

На другой стороне у самой воды стояла девочка в красном купальнике.

В первое мгновение я так удивился, что от неожиданности чуть не выдал себя словом или движением. Здесь, оказывается, есть еще кто-то, кроме меня!.. Я-то хотел вволю порадоваться счастливо найденному потаенному, как мне думалось, месту: облазить глухие уголки, узнать и запомнить все его секреты и тайны — хотел присвоить Глинку, и вдруг — какая-то девчонка с облупившимся носом... В одной руке она держала тоненький прутик, которым чертила вокруг себя, из кулачка другой сыпалась на письмена пылящая струйка песка. Угловатая, но стройная и в чем-то неуловимом уже женская фигурка, правильный, завершенный овал лица, вздрагивающие высокие брови — весь ее облик, чем больше я всматривался,

создавал неожиданное впечатление: вдруг стало ясно, что все вокруг давным-давно принадлежит ей... Но сожаление и досада незаметно таяли, и скоро я уже смотрел на девчонку как на неотъемлемую часть всего окружающего.

Резко швырнув прутик в воду, она нетерпеливо крикнула в олешник:

— Ну где ты там?

Минуту спустя из кустов, потирая ногу, нарочито не спеша вышел на песок мальчишка с сердитым лицом. Был он гораздо меньше загорелым, не столь угловат и тонок, как его спутница. Черные волосы широкой прядью падали до самых глаз. В руке у него была полосатая сумка, из которой торчали зеленые ласты и свисал край яркого полотенца.

Бросив сумку под ноги, мальчишка, продолжая потирать колено, осмотрелся.

Заложив руку за спину, девчонка смотрела на него.

— Обжегалился весь... Завела куда-то... — с досадой пробубнил мальчик, уставься на нее исподлобья.

Она сорвалась с места, исчезла в кустах и вскоре уже вновь стояла рядом, протягивая листок какого-то растения.

— Вот, возьми! Потри, где обжегалился, и все пройдет, — сказала она радостно.

— Да ла-а-аднаа, — протянул мальчишка куда-то в сторону. Однако на листок скопился, взяв. Потер коленку, подождал, удивленно хмыкнул — зуд, видимо, и вправду прошел.

— Ну, ты даешь... Это чего же за трава, а?

Девчонка забежала в реку, шлепая ступнями, немного походила по мелкому месту и вдруг, подняв гряду брызг, понеслась вдоль берега. Но скоро, запутавшись в волнах, со смехом упала в воду. Выскочив на песок и вернувшись к мальчишке, она принялась прыгать на одной ноге, прикрыв ладонью ухо:

— Ты, вода, там не сиди, ты наружу выходи; ты, вода...

— Лучше головой покрути, — предложил мальчик. — Посильней.

Она остановилась:

— Не-а! И так ничё!

— Вот если стало в ухе тепло, значит — вытекла.

— Ага, тепло уже!

Она уселась рядом с ним и, отдышавшись, тихо проговорила, глядя в небо:

— Тебе нравится здесь, а? — рот так и остался открыт.

— Нравится... — не сразу отозвался

мальчик. — Это и есть твоя... ну, это... Глинка? А рыба тут есть?

— Ай, да ты посмотри, как здесь хорошо! — воскликнула она. — Я всю-всю речку знаю. А такого нигде-нигде больше нет! А сюда дороги, — она зажмурилась и замотала головой, — вот никто-никто-никто не знает! Здесь так здорово... Я завсегда хожу сюда... купаться. И просто так, — замолчав на мгновение, она заговорила совсем тихо, положив подбородок на колени и загребая лодонями песок к ногам: — Я все хожу сюда, вот меня и прозвали в деревне — Глинка. Это мама сначала — Глинка да Глинка, а после и все так стали звать. А мне ничё так, нравится, — улыбнулась она, быстро глянув на мальчика. — А тебе? Нравится, а? Да? Нет?.. — она спешила, она и не очень ждала ответа на свои торопливые вопросы. Наверное, ей просто хотелось сказать, как-то выразить словами — какое особенное доверие она оказывает, раскрывая свою девчоночью тайну.

Должно быть, почувствовав необычность своего положения, мальчик насупился и посерьезнел...

А вокруг густым зноем замер июльский полдень.

Тусклой латунию поблескивала мокрая глина обрыва. Подвижные блески в извилах ручейков перечеркивали ее рдяными штрихами. На другом берегу в десятке шагов от воды песок порос кустарниками мать-и-мачехи, а дальше, за выгоревшей зеленью олешника, могуче и высоко по холму темной глубиной зеленела густая хвоя елей, немой стражей высился бугристый лес, и казалось, что Глинка — это маленькое тайное озеро, бережно хранимое солнцем и лесами для девчонки с облупившимся носом...

Слева и справа от омутка за близкими поворотами еле угадывался неровный говор перекаатов. У самого моего лица чуть шевелились слабые, как волосы, ветви ив. Солнце, пробиваясь сквозь нависшую крону, пронизывало воду множеством тонких живых лучиков, в них неутомимо суетились стайки юрких мальков, торкаясь губами в падающие пылинки. Среди сиреневатых цветов частухи ерзала на камне похожая на раскрашенную заводную игрушку вертячая трясогозка.

Глинка и ее спутник молча лежали на песке. Она сосредоточенно сгребала песок себе на живот. Мальчишка, подложив кулаки под

подбородок, думал, наверное, о ней — как это вечно прыгающая смешливая девчонка с поцарапанными ногами знает про этот омут и про траву, что спасает от крапивы-жегалы, такое, чего он и не слышал? Может, от раздумий, а может, и так; но только мальчишка вздохнул.

— Ты чего, а, Вов? Ну, чего ты, а? — лукаво улыбаясь, живо спросила Глинка. Недолго помолчав, она осторожно, словно боясь ответа, произнесла: — А ты когда уедешь? Скоро теперь, да?

Мальчишка пристально осмотрелся. Потом решительно встал, выхватил из сумки ласты, уселся вновь на песок и заговорил твердо и громко, словно хотел, чтобы его услышал еще кто-то:

— Не уеду я теперь скоро. Вот увидишь, не уеду! Пускай они сами едут в свои лагерь, — пытаясь, он принялся натягивать ласты. — И не боюсь я никого, пускай попробуют! Вон бабка всегда им говорит — в деревне жить надо, а мамка с батей одно и то же: режи-им, питание, игры, аттракционы... Послеобеденный сон! На черта он мне сдался?!

— Ой, не ругайся, какой ты...

Мальчишка презрительно скривился, встал и попятился задом к воде.

— Не уеду я, поняла? Думаешь — уеду?

— Не уедешь?!

Разбросав песок, Глинка вскочила на ноги, метнулась к воде, остановилась, прижав ладони к вспыхнувшему вдруг щекам.

Через мгновение она была уже в реке, и яркий купальник, светлые волосы да загорелые тонкие руки весело и беспощадно мелькали в сверкающем фонтане солнца и воды.

...Странная, немного ревнивая мысль пришла мне в голову по дороге в деревню.

Я стал представлять, как пройдут годы и повзрослевший мальчик, может быть, вспомнит однажды, в нелучший свой час, о речке Малой Коше, о девочке Глинке, о ее детской тайне, о полузабытом летнем дне... И, может быть, станет хранить это воспоминание. Юность не вспоминает детства, а как бы ни был счастлив человек потом, после юности, — детство вспомнится ему обязательно. И, может быть, этот человек как-нибудь расскажет своему другу о Глинке, и приедут они сюда, к безвестной речке, и посидят молча на травяном ее берегу — взрослые и занятые, устроенные и обремененные; посидят молча — все уже рассказано, и молчание это будет окрашено самой светлой и дорогой памятью — памятью детства. И пусть тогда скажет один из них: «Интересно бы узнать, а где сейчас Глинка?.. Какая она?..»

Хорошо им будет. Грустно, но, боже мой, как хорошо!..

Я не заметил, как вернулся в деревню. Ревнивая мысль занимала меня всю дорогу — вспомнит ли?..

ХОТЯ И БЕЗ РЕССОР...

Сто лет назад туризм, в современном понятии этого слова, еще не был развит. Обычную для наших дней картину — цепочку молодых людей с рюкзаками за спиной, бредущих по горным тропам Урала, — нашим прадедам видеть не приходилось. Но слово турист в то время уже существовало. «Всероссийский словарь-толкователь» издания А. А. Каспари 1893 года объяснял его так: «путешествующий для развлечения». Естественно, что обычно это были одиночки из числа состоятельных людей.

Одного такого туриста в 1863 году занесло на Урал из далекого Лондона. Его путевые заметки, переведенные из газеты «Таймс», были напечатаны в старой иркутской газете «Сибирский вестник» за 1864 год.

Примечательно предисловие автора к своим заметкам. «В то время, — пишет он, — когда английские туристы рассуждают между собою о том, на что бы им употребить осень, и собираются предпринять путешествие за границу, несколько заметок о поездке, сделанной мною в прошедший сезон, из Лондона через Сибирь... могут быть не лишены интереса для многих из читателей. Дорога эта донныне почти не известна англичанам, несмотря на то, что она имеет много привлекательного, как для туриста так и едущего по делам.»

Автор нашел необходимым даже упомянуть о безопасности путешествия, так как считал (и не без основания), что представление его соотечественни-

ков о Сибири и Урале едва ли чем отличалось от представления об Африке той поры.

В канун 250-летнего юбилея Свердловска любопытно познакомиться с этими заметками.

«...Найдя себе попутчика до Омска, мы наняли тарантас до Екатеринбурга и выехали из Перми 21 августа (2 сентября). Дорога через Уральские горы, хотя и идет в некоторых местах по степям, очень хороша. Местность очень богата лесами и чрезвычайно живописна. Так как в сибирских экипажах нет никогда рессор, то тряска их не особенно приятна для тех, кто испытывает ее в первый раз.

На границе между Россиею и Сибирью воздвигнут мраморный обелиск, на одной стороне которого вырезано: «Европа» и «Азия». По соседству с обелиском есть только один деревянный домик, в котором живет башмачник со своим сыном.

Единственным печальным приключением этой части нашего путешествия было то, что за 50 миль до Екатеринбурга у нас сломалось заднее колесо. Наш старый ямщик отправился в лес и принес оттуда ствол небольшого деревца, которое подвязал под ось, и при помощи этой подпорки мы добрались до следующей станции, где добыли новое колесо.

На почтовых станциях мы постоянно находили что-нибудь весьма сносное по части съестного. Так как здесь нет ни отелей, ни тракторов, то мы обыкновенно завладевали обедом самого почтмейстера и его семейства. Мы весьма благоразумно запасались своим собственным чаем и сахаром и везде находили отличное молоко и сливки и весьма сносный хлеб. Самовар и чайный прибор доставали мы на станции за десять копеек.

Екатеринбург, расположенный у подошвы Уральского хребта, — главный город этой части Сибири. Он кажется очень про-

мышленным местом и ведет весьма значительную торговлю драгоценными камнями, добываемыми в городе (?). Меня осадил продавец, предлагавший образчики своих товаров: некоторые из товаров великолепны.

В городе существует монетный двор, на котором чеканятся медные деньги, казенный гранильный завод, где обделываются драгоценные камни, и литейный завод, на котором приготовляются паровые и другие машины и который употребляет до 200 работников. Заводом управляет г. Бимэм, англичанин.

Будучи в Екатеринбурге, я имел случай посетить деревню, где промывается золото. Я нашел, что промывка производится крайне первобытным способом, а рабочие получают весьма малую плату. Золотопромывальное заведение обязано доставить 40 пудов золота в Санкт-Петербург. Сделав все закупки, необходимые для продолжения нашего путешествия, мы отправились 28 августа (9 сентября) на Тюмень...»

Надо отдать должное состоятельному заморскому туристу, что хотя в его заметках и проглядывает некоторая наивная снисходительность к «нецивилизованности» края, он все же относится к нему доброжелательно, без нередкого в те годы у иностранцев высокомерия и пренебрежительности. Примечательно, например, что он обратил внимание на то, что рабочие березовских приисков «получают весьма малую плату».

Конечно, наблюдения его поверхностны (времени-то для знакомства было не так уж много), не всегда точны, но не безынтересны и для нас. Современным туристам, ежегодно собирающимся у обелиска «Европа — Азия», любопытно будет, например, узнать о том, что представляло собой это место сто десять лет назад.

А. ПОХОДОВ

ПЕРВЫЕ ПРИМЕТЫ

Вам встретилось географическое название — топоним. Прежде чем начать дальнейшее знакомство с ним — с историей его происхождения, с особенностями бытования и т. п., надо узнать, из какого языка он взят. А это не всегда просто, как кажется с первого взгляда. И вот здесь-то на помощь приходят **первые приметы**.

Дело в том, что географические названия, как и все другие слова языка, живут в своих больших и маленьких коллективах, образуя гнезда, группы и ряды по определенным типам, формулам, шаблонам. Поэтому у них есть какие-то внешние показатели, отличающие одну группу от другой. Это, в первую очередь, географические термины — нарицательные слова, обозначающие целые классы предметов, например, разновидности рек и болот, гор и лесов.

Народная географическая терминология иногда очень подробно характеризует окружающий нас рельеф и ландшафт. Так, в болотистом северном Зауралье русские старожилы различают: **яngu** — «труднопроходимое чистое болото, моховое или травяное», **сарчу** — «чистое топкое очень большое болото», **тало** — «незамерзающее место на болоте», **кору** — «заболоченный луг с кочками, осокой, кустарником», **уль** — «сырой ельник рядом с болотом», **пошвор** — «заболоченный лес из небольшого искривленного сосняка».

Разнообразие типов болот и заболоченного леса привело здесь к развитию этой географической терминологии. Поэтому в северном Зауралье так разнообразны названия болот — **Викторова Кора**, **Большая Сарча**, **Подъянга**. Названия эти хотя и русские, но не всем русским известны, ибо они взяты из местного диалекта. Значит, топонимисту надо знать особенности местных диалектов.

Географические названия Урала принадлежат в основном к трем языковым пластам — тюркскому, финно-угорскому и русскому (еще

еще группа топонимов из неизвестных нам языков, но мы их пока касаться не будем).

В русских названиях географические термины чаще входят в состав словосочетаний (гора **Веселый Увал**, урочище **Черный Яр**). У финно-угорских и тюркских народов они обычно второй элемент сложного слова (мансийское **Путтумп** — «Горшечная гора», **Хосатумп** — «Длинная гора»). Иногда при этом образуются причудливые сложения из одних географических терминов (мансийское **Тарыг-ур-сос-керасволь** — «Яма у скалы возле соснового ручья», дословно значит — «Сосна-гора-ручей-скала-яма»).

Как бы то ни было, именно географические термины прежде всего позволяют нам группировать и классифицировать топонимы, во многих случаях становясь в полном смысле слова их первыми приметами. С них и надо начинать изучение топонимов. Тем более, что географические термины часто употребляются и самостоятельно, без определений, превращаясь в обычные топонимы. Так, названия многих рек в переводе просто означают «река», «вода»: **Дон** (осетинское **дон** — «река», «вода»), **Юг** (правый исток Северной Двины и несколько рек на Западном Урале, взято из древнего финно-угорского слова, звучавшего примерно так же, **юг** или **юх**). А ведь это опять-таки географические термины!

На каждом шагу встречаем подобные приметы и в названиях других объектов.

Если не знать, что такое **урай** (а это слово в русских говорах северного Зауралья имеет значение «залив, образованный рекой»), то непонятно будет и название станции **Урай** по железной дороге **Сосьва** — Серов, города **Урай** в Ханты-Мансийском национальном округе, а также других многочисленных названий: **Векшин Урай**, **Малый Урай**, **Мирской Урай**, **Мельничный Урай**.

А как быть с такими названиями как **Тумановская Редка** и **Бобровское Стекло**, если не знать, что в говорах среднего Зауралья **редка** — «огороженное место в поле или в лесу, где пасется скот», а **стекло** — «часть пашни, леса, небольшое угорье, выделяемое из более крупного массива?»

Одни и те же географические термины входят в сотни и тысячи названий, позволяя объединять их в группы, картографировать, относить к одному и тому же языку и даже достаточно точно характеризовать сами объекты. На Северном Урале известно множество мансийских названий гор, среди них есть названия:

на **-ур**, что значит «гора», «гора, покрытая лесом» (**Ультэмур** — «Горелая гора», **Яктылур** — «Гора у переката», **Сопрэкур** — «Гора женщины по имени Сопр»);

на **-сяхл** — «вершина» (**Ойкасяхл** — «Мужик-гора», **Эквасяхл** — «Баба-гора», **Лэстанвинэсяхл** — «Гора, где берут точильный камень»);

на **-тумп** — «остров», «гора с плоской вершиной» (**Хапхартнэ-тумп** — «Гора, где перетаскивают лодки», **Мунинтумп** — «Гора со скалами-останцами»);

на **-нёр** — «камень, хребет» (**Лувнёр** — «Лошадь-хребет», так мансийски называется хребет Тулымский камень, **Ялпынгнёр** — «Священный хребет»);

на **-нёл** — «отрог», дословно «нос» (**Лунтангнёл** — «Гусиный нос», **Люлянгнёл** — «Высокий нос», **Поринёл** — «Поперечный нос») и другие.

Все, кто внимательно взглядывался в карту Урала, легко найдут множество таких географических терминов-примет в составе топонимов.

Так, в северном Прикамье вам встретится огромная зона названий на **-ва** (**Колва**, **Косьва**, **Яйва**), где **ва** по коми-пермяцки означает «вода, река».

Далее к северу, в Коми АССР, их сменяют названия на **-ю**. Это

уже коми-зырянские наименования, где ю — «река» (**Бадью, Вежаю, Расью**).

Еще дальше к северу, уже в зоне тундры, появляются ненецкие топонимы на -яха (также «река»): **Хекуряха, Хальмеряха**.

На восточном склоне Урала широко распространены мансийские названия на -я — «река» (**Ворья, Котилья, Люля**).

В тех же зонах найдем и названия озер: коми-зырянские на -ты (**Гачаты, Ручты, Юсьты**), ненецкие на -то (**Лымбадто, Някто, Хальмерто**), мансийские на -тур (**Савнавылтур, Сорттур, Ялпингтур**).

В топонимике южной части Среднего Урала начинаются уже тюркские следы, которых все больше и больше к югу, особенно многочисленны названия озер на -куль (**Иткуль, Ташкуль, Чебаркуль**).

Все эти ряды названий, разумеется, очень показательны. Только вот выделять их надо осторожно и умеючи.

Прежде всего не каждая часто встречающаяся часть топонима — географический термин. Так, в названиях **Каменск, Красноуфимск** суффикс -ск указывает, как уже было сказано, на город или поселок, но сам по себе не является географическим термином (нет ведь слова ск!). Поэтому-то во многих случаях, особенно когда мало материала, мы и не знаем, что обозначает повторяющийся элемент. Например, нельзя быть уверенным, что **Би-серть, Кишертъ, Сы-серть** членить надо именно так, а не **Бис-ертъ, Киш-ертъ, Сис-ертъ**, поскольку фактов такого рода просто недостаточно. Тем более трудно установить, что значит -серть или -ертъ и термин ли это вообще.

Бывают и грубые ошибки. Так, неверно все названия на -я считать мансийскими: в этом случае в числе мансийских окажутся и чисто русские названия рек **Лисья, Волчья**, а также уподобившиеся им названия других языков (**Расью** перешедшее в **Расья, Бадью** — в **Бадья**).

Чтобы не допускать таких ошибок, надо очень строго учитывать зоны распространения того или иного географического термина. В Подмосковье, например, есть названия на -ва (**Протва, Плава**), но они немногочисленны, далеки от Урала и имеют в начале по два согласных звука, что нехарактерно для коми-пермяцкого языка. Поэтому нельзя присоединять эти названия к коми-пермяцким наименованиям рек на -ва.

Настоящий любитель топонимики никогда не пройдет мимо географических терминов и, понимая их значение, будет тщательно собирать их. Именно здесь особенно наглядна связь топонимики, науки о географических названиях, с другой обширной областью лингвистики — диалектологией — наукой о народных говорах.

А. МАТВЕЕВ, доктор филологических наук

Если вы хотите узнать значение некоторых часто употребляемых в топонимике Урала географических терминов, загляните в эту табличку.

ва	коми	вода	тау	башкирский,	гора
горт	коми	дом, жилье		татарский	
елга	татарский	река	то	ненецкий	озеро
куль	башкирский,	озеро	тур	мансийский	озеро
	татарский		ты	коми	озеро
нёр	мансийский	хребет	ур	мансийский	гора
пауль	мансийский	поселение	шор	коми	ручей
			ю	коми	река
			я	мансийский	река
			яха	ненецкий	река

Фантастическая повесть

Игорь РОСОХОВАТСКИЙ

Рисунки Е. Стерлиговой

16 сентября.

С трудом прихожу в себя после жесточайшего приступа лихорадки. Выжил я просто чудом, тем более, что ухаживать за мной теперь некому. Хорошо, что я догадался приладить к гамаку доску, что-то вроде подноса, и разложить на ней ампулы с лекарством. Расставил и несколько банок с соком манго. Они открываются очень легко несколькими поворотами ключа, который прилагается к каждой банке...

С удивлением я обнаружил, что обойма в пистолете пуста. Очевидно, в бреду мне чудились враги, и я стрелял в них, пока не кончились патроны.

Кое-как я добрался до тайника с продуктами, достал оттуда две пачки галет, банки с соком и говядиной.

Я жадно пил и ел, чувствуя, как силы возвращаются ко мне. Но возвращался и страх. Столько дней я был абсолютно беспомощным. Что происходило в это время за стенами хижины? Может быть, гончие уже выследили меня, и кто-то сейчас караулит у двери? А возможно, там не гончие, а бачула — лакомки, охотники за человечинной?

Наверное, я переел — меня тошнило.

А как только закрыл глаза, передо мной встал Этуйаве, такой, каким я увидел его утром, — с головой, почти отделенной от туловища. Разрез проходил ниже черпаловидных хрящей по обоим каротисам¹ — видимо, бедняга не успел даже понять, что случилось. Но иначе я не мог поступить.

Несчастный Этуйаве! Хотя он был всего-навсего дикарь, мне было жаль его, особенно когда я

Начало см. № 1.

¹ Сонные артерии.

вспоминал, как преданно он вел себя в пути. Сейчас мне очень, очень его не хватало...

Представляю злобу и бешенство моих гонителей. Ведь им не удается обнаружить ничего. Они охотятся за дичью, не оставляющей следов, за призраком. Единственный повод для развертывания охоты — несколько статей в газетах, но ведь это не то, за что можно ухватиться. Это лишь пузырьки на воде, свидетельство того, что дичь жива, что она все еще дышит.

Кого только нет среди гончих! Полиция и тайный розыск, частные шпики и детективы-любители, стервятники-репортеры и агенты разведок, «слуги божьи» и так называемые «добровольцы», представители всяких лиг и союзов...

Всем я необходим: одним — живой, другим, например Поводырю, — мертвый. Впрочем, и нынешние мои друзья, в том числе Густав, в случае чего предпочтут, чтобы я умер прежде, чем очутился в лапах гончих. Чтобы Тайна умерла вместе со мной и вместе с любым, кто проникнет в нее...

Я почувствовал, как что-то изменилось за стенами хижины. Может быть, мои уши уловили новый звук? Я напряженно прислушивался, пока не понял, что звуки леса исчезли. Наступила мертвая тишина, таящая в себе начало чего-то грозного. Я выглянул в узкое окошко-бойницу. Угрюмое черное небо висело так низко, что казалось, сейчас оно свалится с вершущек деревьев и, ломая ветки, оседет на землю.

Внезапно в тяжелых тучах образовался проем. И я увидел... Да, снова, как тогда на реке, я увидел в небе нечто блестящее, округлое. Оно стало прозрачным, показался проклятый горбоносый профиль. Я почувствовал пронизывающий взгляд и отпрянул от бойницы.

Сверкнула молния. Начался тропический ливень. Я слышал похожий на рев водопада шум низвергающейся с неба воды. С треском падали на землю гнилые деревья, оторванные ветки ударяли по крыше и стенам хижины. Боже, лишь бы хижина выдержала! Пусть сквозь крышу льется вода, лишь бы устояли стены!

Я метался по хижине, прячась от воды, стараясь выбрать более безопасное место. И когда ливень кончился так же внезапно, как начался, я долго не мог поверить в избавление...

18 сентября

Сегодня я обнаружил след рубчатой подошвы на сырой земле и коробку от сигарет... Путешественники?.. Нет, я не должен обманываться — почти наверняка это гончие. Мой бог, после всего, что я перенес!

Может быть, плюнуть на все и поставить точку? Пулю в висок? Или сдать?

Нет, нет и нет! Пусть я неудачник, но я буду сражаться! Когда кончатся патроны и откажут руки, я пушу в ход зубы!

Пустая пачка от сигарет поломана и скомкана. Представляю, как он сжал ее в кулак, возможно, держал некоторое время, прежде чем бросить. У него не очень сильные пальцы или он не сильно сжимал кулак.

Я вернулся в хижину, проверил имеющееся оружие: пистолет, винтовку, автомат... У меня зуб на зуб не попадал от пронизывающей сырости. Разжечь бы огонь, но нельзя привлечь внимания. Возможно, враги только-только прибыли, еще не видели меня и не обнаружили хижины. Или обнаружили, но не знают, есть ли я внутри. Почему

я думаю — «враги»? Если бы их было много, они бы уже давно выдали себя. Появление отряда — пусть и самого маленького — не прошло бы незамеченным для людей Густава, а они нашли бы способ предупредить меня.

Я беру в руки скорострельную винтовку. Ее тяжесть несколько успокаивает. Приоткрываю замаскированные бойницы в стенах хижины.

Глаза быстро устают от игры света и тени, а еще больше — от напряжения. Нет, так не пойдет. Даже если я замечу кого-нибудь, то не смогу в него попасть. К тому же у меня могут начаться галлюцинации. Необходимо заставить себя выйти в джунгли навстречу опасности. Если это гончие, то стрелять в меня они не будут — им я нужен живой.

Открываю дверь и прыгаю в заросли. Сердце колотится, перед глазами мельтешат зеленые круги. Вот каким я стал... Куда делись уверенность в себе, выдержка экспериментатора? Очньись, затравленное животное, возьми себя в руки! Или тебя схватят и поведут на веревке по длинной дороге к месту казни.

Отыскиваю удобное место для наблюдения. Отсюда хорошо видна дверь хижины...

Слева послышался шелест. Краем глаза я поймал горбоносый профиль и вскинул винтовку. В последний момент с трудом удержался, чтобы не нажать на спуск. Это была птица. Хищная. Охотник, но не на меня. Опять послышался шелест — одновременно слева и сзади. Оглянувшись, я встретился взглядом с янтарными глазами зверя. Они следили за мной сквозь листву. Прежде чем я прицелился, зверь исчез. А может быть, там вообще никого не было, и мне все почудилось?..

Стоп, голубчики... Коробка из-под сигарет — это ведь не галлюцинация. Вот она, в твоём кармане. Гончие напали на твой след. Думай...

Здесь заночевать я не смогу. Добраться за светом до пещеры в скалах не успею. Надо возвращаться в хижину и переждать до завтрашнего утра. Лучше всего притворяться, что ничего не подозреваю. Они выдадут себя... А тогда я смогу решать, уходить ли в пещеру или постараться перебить их здесь, в лесу, если это окажется возможным.

Я тщательно приготовился ко сну, зная, что он все равно сморит меня. На гамак уложил одеяло, так, чтобы казалось, будто лежит человек; под одеялом спрятал ящик с консервами. Теперь гамак прогибается, словно от тяжести тела. Вместо головы пристроил котелок.

А сам укладываюсь на втором гамаке, почти над самой землей. Если кто-то заглянет в окно, то увидит гамак, висящий повыше. Меня он не заметит.

Итак, ловушка приготовлена, если только и на этот раз фортуна не сыграет против меня. Когда-то в школе товарищи считали меня «везучим», который умудряется ответить, не зная урока. Так же думали в институте, особенно когда в меня без памяти влюбилась дочь декана. Удачливым меня считали и сослуживцы. Но я-то знал, что все обстоит наоборот, что неистовая любовь рыжей красавицы-дуры приносит мне одни несчастья; я предчувствовал, во что выльется мой служебный успех, моя «блестящая» научная карьера. И не ошибся... Впрочем, если до конца быть правдивым перед собой, то надо признать, что мрачные предчувствия были неясными и туманными, а розовые надежды казались близкими к осуществлению...

Все ложе неудобно, сказывается отсутствие

запасного одеяла. И все же я довольно скоро уснул.

19 сентября

Проснулся я с острым ощущением опасности. Сколько потом ни анализировал, что именно меня разбудило, не мог вспомнить ничего существенного: ни треска веток, ни шума шагов, ни каких-нибудь других звуков, возвещающих о появлении двуногого зверя.

Я открыл глаза, одновременно нащупывая рукой винтовку. И почти сразу увидел тень на стене. Квадрат лунного света — как экран, а на нем — хищный профиль. Очевидно, человек осторожно сбоку заглядывал в окно, не рассчитывая, что лунный свет выдаст его. Я тихонько отвел предохранитель, хотя прекрасно понимал, что исход борьбы сейчас зависит не столько от моей быстроты и ловкости, сколько от количества врагов.

Хищный профиль застыл на экране. Потом внезапно исчез, но через несколько минут появился снова. Задвигался. Было похоже, будто птица разглядывает добычу, поворачивая голову то направо, то налево.

Ожидание становилось нестерпимым. Пусть это кончится — все равно как. Пусть он попробует войти — и тогда посмотрим, кто кого. Легко я не сдамся, терять мне нечего.

Но профиль исчез окончательно, а дверь не открывалась.

Волосы на моей голове шевелились. Я предостерегал, как гончие окружают хижину, как советуются, не решаясь войти.

Мой бог, как я завидую птицам! Любая из них легко ушла бы из этой западни. Сначала она понаблюдала бы, как движутся преследователи, как медленно сжимают смертельное кольцо, а потом под самым носом легко вспорхнула бы, оставив врагов в дураках.

Впрочем, человек придумал ловушки и для птиц...

Я все еще лежу неподвижно, и моя рука, сжимающая винтовку, затекла. Дает о себе знать голод. А тень на стене больше не появляется. Экран медленно движется и исчезает по мере того, как уходит луна и надвигается рассвет. Восходит солнце. На стене шевелятся узоры — тени ветвей. За стенами щебечут птицы.

Осторожно подтягиваю к себе сумку, приготовленную с вечера. В ней — пачка галет, шоколад и начатая бутылка мартела. Приятная теплота разливается по телу после нескольких глотков. Быстро хмелею. Страх отступает. Вместе с ним меня покидает спасительная осторожность. Надоело бояться. Все надоело!

Встаю и выхожу из хижины с винтовкой в руках. Пусть видят, что я готов к встрече, да, пусть видят!

В кустах что-то блеснуло. Я заметил широкий ствол, похожий на ствол базуки. Может быть, показалося? Я пошел направо, к краю глаза. Ствол поплыл за мной. Пошел налево — и он повернулся, не выпуская меня из прицела, словно привязанный невидимой нитью. Сигнальной нитью.

Но почему он медлит? Почему не стреляет? Ах да, они ведь могут только догадываться, что я — это я, точно знают они не могут до тех пор, пока не поймают меня.

Раздается едва слышное стрекотание. В джунглях много различных звуков, но этот звук посто- ронний. Теперь я догадываюсь о его причине!

Ладно, хватит! Пришла моя очередь!

Я вскинул винтовку и несколько раз выстре-

лил. Продолжая стрелять, бросился к тому месту, где раньше блестел металл.

Раздвигая кусты, я шел напролом. Обыскал все. И убедился, что мне нечего бояться за свой разум и что худшие мои опасения подтвердились. Я нашел пустую кассету от кинолентки. Моя догадка была верна, и ствол, похожий на ствол базуки, не мог изрыгнуть смертельного пламени.

Меня выследили не профессионалы, не полицейские детективы, специально обученные приемам охоты. Они действуют по стереотипу, а мое поведение не шаблонно. Поэтому не им было суждено выследить меня...

Кроме армии полицейских и шпиков, человечество, преисполненное любви к ближнему и заботы о нем, содержит еще одну армию — всепроникающую и всезнающую, обладающую мощным оружием, от которого нет нигде избавления. Оно просочится сквозь запертую дверь и закрытые ставни, как газ. Оно обратится к твоим глазам, а если закроешь их, станет нашептывать на ухо. Заткнешь уши — оно проникнет к тебе иным путем, оно примет любой облик — вплоть до текста для слепых, который ты уловишь кончиками пальцев.

Те, кто пользуется этим оружием, действуют не по стереотипам. Это и помогло им выследить меня.

Да, теперь я знаю, что это был за ствол, что за стрекотание слышалось и почему оно не убивало. Впрочем, оно убивает, только не так, как пуля. Не мгновенно, но во сто крат мучительнее. Телескопическая насадка на объективе кинокамеры! Она позволила кому-то из своры репортеров запечатлеть мои движения. Он попытается использовать кадры как материал для расследования, как повод для шумихи. Он и его коллеги по своре сумеют подогреть обывателя, сыграть на его страхе и злобе. К ним присоединятся все, кто ненавидит науку, кто пытается обрушить на ее пути завалы ложных толкований и фальшивых добродетелей, кто ставит барьеры и капканы на безграничном пути исследователя. Они поднимут такой крик, что это свяжет руки последним моим молчаливым покровителям. А уж для этих нет ничего хуже, чем предположение, что я попаду в руки врагов и заговорю. В этом случае они, как Поводырь, пойдут на все, чтобы я замолчал навеки. Я должен бояться и тех и других. И врагов, и друзей, и союзников, и покровителей — абсолютно всех.

Где же выход? В любом положении должен быть выход даже для неудачника... Разве что... Разве что так: этот репортершишка рассматривает меня только в одном плане — как охотник дичь. Вряд ли он ожидает, что дичь превратится в охотника. Мое спасение не в пещере, не в бегстве.

Далеко уйти этот киносьемщик не мог. Надо настичь его. Даже если их двое или трое, я обязан справиться. Большими группами они не охотятся — таковы условия их заработка. Против меня — только то, что я пока ничего не знаю о численности врагов и об их намерениях. За меня — мой ум, мое оружие, неожиданность моей реакции и большой опыт. Лишь бы невезучьез не вмешалась...

В своей жизни я знал многих невезучих. В сущности, все мои товарищи по общему делу, в том числе Густав и Поводырь, были такими же невезучими, как я. Мы хотели одного, а получали другое. Судьба играла против нас краплеными картами.

Несколько раз обхожу вокруг хижины, затаиваясь за деревьями, перебегаю небольшие полянки и опять затаиваюсь. Преследователей не видно и не слышно. Скорее всего, их, или его, уже нет

здесь. Если он был один, то, засняв меня на пленку, теперь постарается поскорее доставить ее в город. В любом случае ему придется возвращаться к реке. Но в этих местах есть лишь одна удобная бухта...

Необходимо поскорее проверить мое предположение.

Я знаю кратчайшую тропу к бухте. Лианы хлещут меня по лицу, легким не хватает воздуха...

Ага, я не ошибся — вот его лодка! Репортершишка вернется к ней, и здесь-то я его щелкну, только не так, как он меня. Уж будьте покойны — миндальничать не буду.

Тщательно выбираю место в кустах. Отсюда, разделенный крестиком оптического прицела, мне виден большой участок берега и реки. В центре, на пересечении линий, — лодка.

У меня в запасе минимум полчаса, даже если он вышел сразу же после моих выстрелов. Небось, испугался до смерти. А ведь с самого начала знал, на что идет. И все-таки...

Мой бог, сколько лет прошло со времени моего так называемого «преступления»! Убийц и грабителей прощают «за давностью содеянного», но о моем «деле» не забывают.

Разве я не такой, как все, и разве мои мысли не такие, как у всех, а мои действия резко отличаются от действий других людей? Разве тысячи других людей, прочти они мой дневник, увидели бы во мне нечто такое, что отличает меня от них? Разве не посочувствовали бы мне? Я ненавижу так же, как они, презираю многое из того, что достойно и их презрения, боюсь болезней и стихий, которых и они боятся, у меня такие же руки, ноги, туловище, волосы, кожа, нервы, мозг... Я неотличим от вас, люди, и все-таки вы преследуете меня. Для вас все эти долгие годы — просто отрезок жизни. А для меня нет ни месяцев, ни дней — только минуты и секунды. Миллиарды секунд, каждая из которых превращена в кошмар сознанием того, что тебя преследуют.

Я вспоминаю свою жизнь: кровь и смерть, удары из-за угла, удары в спину, мерзость и грязь, продажные аристократы и жалостливые шлюхи... А вокруг, в джунглях, в это время разыгрываются свои драмы и комедии: перекликаются на ветках страстные любовники птицы инамбу, стрекочут деловитые зеленые попугайчики, строят гнезда королевские фазаны. Вот из кустов выглянул шакал, понюхал воздух и скрылся. Может быть, испугался более крупного зверя? В этом мире — идеальный порядок, все четко установлено раз и навсегда. Известно, кто кого может есть и кому от кого надо удирать. У каждого свое место на лестнице, ведущей ввысь, — к человеку. А уже там начинается хаос. Хилый побеждает атлета, малый народ одерживает верх над большим, ничего нельзя предугадать наперед, все мерзко и туманно...

Мое настороженное ухо уловило какой-то шум, но не в той стороне, откуда должен был появиться враг. Неужели я не заметил его, а он выследил меня?

Подозрительный шелест раздался сзади. Я резко обернулся и успел заметить человека, который тотчас спрятался за дерево. Я выстрелил, но промахнулся. И тогда отчетливо прозвучала команда:

— Выходи, Пауль Гебер!

Команду повторили несколько голосов — справа и слева от меня.

В ужасе я бросился к реке, но, не добежав до лодки, заметил растянутую между деревьями сеть.

Меня ловили, как дикого зверя. Я круто свернул в сторону, стреляя на бегу.

Я не видел врагов, но они меня видели. Магазины винтовки были пусты. Я отбросил ставшее ненужным оружие и выхватил пистолет. Они глубоко ошибаются, если собираются взять меня живым. Я бежал, продираясь сквозь заросли, сколько хватило сил. Упал на траву, уже ничего не видя, ничего не чувствуя, кроме того, что мне не хватает воздуха. Казалось, мои легкие вот-вот разорвутся. Если бы преследователи сейчас настигли меня, то взяли бы легко.

Прошло несколько минут, прежде чем я начал различать ветви над головой и защемленные между ними синие кусочки неба. Все воспринималось с особенной остротой — порхающие птицы, налитые зеленым соком листья, кое-где просвечивающие на солнце... Хотелось жить в траве, которую мы топчем, и собакам, которых используем для опытов. Я никогда не мог заставить себя препарировать черепа собакам, и мне говорили, что я слишком сентиментален. Впрочем, меня обвиняли не только в этом...

Наконец я смог сесть, прислонившись к стволу дерева. Теперь я осознал, что нахожусь в еще худшем положении, чем там, у хижины. У меня нет ни запасов пищи, ни стен, за которыми можно укрыться. Вряд ли удастся незамеченным пробраться к пещере в скалах. К тому же мне еще надо определить направление к ней...

Я поднялся. И в то же мгновение щелкнул выстрел. Ноги сами сдвинулись свое дело. Над моей головой просвистела одна пуля, вторая... Я понял, что стреляют не по мне, а в воздух, пугают, гонят в ловушку. Но понял это слишком поздно, когда увидел впереди себя высокий обрывистый, совершенно незнакомый мне берег. Внизу, на расстоянии пяти-шести метров, виднелись острые заостренные пики камней, вода между ними была покрыта сплошной пеной.

Я побежал вдоль берега, через заросли, которые становились все реже и реже. Далеко впереди виднелись голые скалы. Где-то там находится пещера. Если бы только удалось оторваться от преследователей! Мне чудились крики: «Стой, Пауль Гебер, все равно не уйдешь!» — и пистолет в моей руке казался детской игрушкой. Я стал задыхаться. Больше мне не выдержать. Сейчас упаду...

Внезапно стремительная тень накрыла меня. Я почувствовал рывок за плечи, повис над землей и увидел, как быстро удаляются кусты, как деревья становятся маленькими. Прямо на меня двигались, вырастая, пики скал.

Я знал, как охотятся на волков с вертолета, и был уверен, что на этот раз меня постигла волчья судьба. Вспомнил на миг страшное видение в грозном небе. Значит, оно мне не просто чудилось...

Конеч, подумал я, чувствуя опустошенность и облегчение. Конеч бегству и борьбе, конец всему...

...Я очнулся полулежащим в кресле в небольшой круглой комнате с мерцающими стенами. На них возникали и гасли непонятные символы, похожие на детские каракули. Попробовал встать и не сумел. Хотел взглянуть на потолок, но не смог поднять головы. На мне не было пут, но какая-то неведомая сила удерживала меня в одном положении. Оно было удобным для тела, руки и ноги не затекали.

Напротив меня в стене возникла дверь, которой там раньше не было. В нее вошел... инопланетчик.

Очевидно, усталость отняла у меня все силы. Их не оставалось даже на то, чтобы удивиться. А в том, что это не человек, сомневаться не приходилось. У него было четыре руки; на лице, похожем на человеческое, вместо носа торчал большой изогнутый клюв. Я понял, кого видел в проеме между тучами и почему его профиль был горбонос и ужасен. Тогда мне казалось, что схожу с ума. А теперь остается лишь недоумение: как я мог его увидеть с земли?

Но инопланетчик не оставил мне времени на размышление. Он взмахнул рукой, и на стене появилась картина: несколько человек преследуют одного. Этим одним был я. Затем появился корабль, похожий на восьмерку. Из него опустился какой-то прибор и поднял человека в корабль из-под самого носа у преследователей. От корабля потянулась пунктирная линия, наворачиваясь виток на виток. По обе стороны от нее вспыхивали символы, но я не догадывался, что они означают. Затем появилось схематическое изображение системы двух солнц, вокруг которых вращались планеты. Одна из планет пульсировала, росла...

Инопланетчик показал рукой на себя, потом — на изображение планеты. Я понял: он — оттуда. Инопланетчик повторял свои движения снова и снова, как бы требуя чего-то от меня. Возможно, он не был уверен, понял ли я его.

Я сделал усилие, чтобы кивнуть. В тот же миг исчезла скованность, мое движение получилось легким и свободным.

Инопланетчик внимательно смотрел на меня. Его лицо было невозмутимо или казалось таким мне. Я встал, подошел к стене и, показывая на себя и на изображение его родной планеты, постарался улыбнуться во весь рот, как улыбался когда-то начальнику, рассказывающему о своем очередном повышении.

Это подействовало и здесь.

Инопланетчик положил одну из своих рук на мое плечо, мягко усадил меня в кресло. В стене словно образовалось окно, и в нем я увидел удаляющуюся Землю. Сиреневые тени, как газовые шарфы, вились вокруг ее атмосферы, размывались очертания материков. Планета, отвергшая меня, казалась отсюда большим светящимся глобусом, который ничего не стоит разбить на мелкие осколки метким броском камня. Больше мне не страшны были гонимые. Возможно, им придется бояться меня теперь. Я, изгнанник, затравленная дичь, заклейменный и непрощенный, первым из людей Земли вступил в контакт с могущественными пришельцами, несомненно, обладающими страшным оружием. Кто-то когда-то говорил мне: «Если уж неудачнику повезет, то это будет большое везение». Сквозь полудремоту я видел четырехрукую фигуру, уходящую из каюты, в провале стены — вращающийся знакомый глобус, сделанный будто из светящегося хрупкого стекла...

Впервые за последние двадцать семь лет я уснул спокойно...

Второй день на корабле

Проснулся я, чувствуя себя бодрым и сильным, помня все, что со мной происходило, и непонятным образом зная многое о корабле и его экипаже. Мне было известно, например, что корабль вращается по околоземной орбите, космонавты хотят выбрать место для посадки и ждут моих советов.

Изумление перед собственным знанием длилось лишь несколько секунд. А затем я вспомнил,—

именно вспомнил, а не сообразил или понял,— что все эти сведения получил во сне. Гипнопедия? Но каким образом они составили программу обучения для неподготовленного?

В это время на стене вспыхнул сигнал, означающий, что кто-то просит разрешения войти. Я мысленно дал разрешение, и в стене тотчас образовалась дверь. В каюту вошел Маас. На корабле он был космолингвистом.

— Рад видеть тебя, Пауль,— сказал Маас.

— Рад видеть тебя, Маас,— откликнулся я на их языке, который теперь был моим вторым языком.

— В самом начале нашей беседы я хочу извиниться, если в наших действиях было что-либо, включающее насилие над твоей волей.

Я сделал отрицательный жест, но он продолжал:

— Во-первых, мы насильно подняли тебя в корабль, но поступили так лишь потому, что уловили твой мысленный призыв, твою просьбу о спасении и защите. Во-вторых, мы обучили тебя своему языку, не спрашивая твоего согласия, но это был наиболее короткий путь и к установлению контакта, и к тому, чтобы избежать любых недоразумений. Стоит тебе пожелать — и мы сотрем знание нашего языка в твоей памяти, возвратим тебя точно в то место, откуда взяли. Более того, мы можем вернуть тебя в то же время и в ту же ситуацию...

— Нет, нет,— поспешно сказал я.— Вы правильно истолковали мой призыв и ни в чем не ущемили мою свободу.

— Уважать свободу — первый закон разумных цивилизаций,— сказал Маас.— Его надо соблюдать очень тщательно.

— Вы его не нарушили,— заверил я, думая: вы не знаете, как его «уважают» на Земле. Ну что ж, постараюсь предупредить события.

Маас ласково смотрел на меня. Его глаза очень походили на человеческие, но были намного больше и простодушней. И цвет их часто менялся. Я старался не смотреть на его клюв. Он постоянно напоминал мне, что я говорю не с человеком, даже не с метисом или черным, и, как это ни обидно, моя судьба зависит от него. Маас сказал:

— Если ты согласен, я соберу остальных членов экипажа, и ты расскажешь о своей планете. Мы выбирали место посадки, когда заметили тебя. Может быть, мы неправильно истолковали ситуацию, которая тогда складывалась, но на всякий случай решили воздержаться от посадки, пока не поговорим с тобой.

— Правильно поступили! — воскликнул я.— Вам трудно даже представить ужасные последствия, которые повлекла бы ваша посадка на Землю. Но разве с Земли вас не заметили? А то ведь они постараются заставить вас сесть.

— Заставить? — изумленно спросил он.

— Вы все поймете, когда я расскажу, что происходит на Земле. А пока ответь на мой вопрос,— попросил я.

— Корабль не могут заметить. Он окружен полем нулевого времени. Для всех остальных, кроме нас, его нет. Из поля мы выходим очень ненадолго.

— Но ведь я же вас видел. Наверняка, видели и другие. И если кто-нибудь правильно истолковал увиденное...

— Разве вы можете проникнуть в нуль-время?

— Я не знаю, что это такое. Возможно, вы расскажете мне о нем?

Маас смущенно пожал огромными прямоугольными плечами:

— Новые знания мы передаем не всем. Иначе их могут употребить во вред. А мы слишком мало знаем о тебе и о твоей планете.

— Сейчас узнаете больше,— пообещал я.— Зови своих товарищей.

Дверь в каюту снова открылась. В нее вошли по одному еще четыре инопланетчика. Для меня все они были слишком похожи на Мааса, мне еще предстояло научиться различать их. Постепенно я стал замечать некоторую разницу в лицах и еще больше — в жестах.

— С чего же начать? — спросил я у себя и у них.

— Расскажи о себе. Почему за тобой бежали и ты просил о помощи? Почему твой мысленный призыв был адресован вовсе не к тебе подобным, а скорее к кому-то абстрактному, находящемуся в вышине? Может быть, к нам? Но как ты узнал о нашем присутствии? — спросил Маас.

— И почему наша посадка могла бы повлечь неприятности? — спросил его товарищ.

— Пожалуй, именно с этого и нужно начинать,— согласно кивнул я.— Ведь рассказывая о себе, я тем самым сообщу вам многое из того, что происходит на Земле, причем буду освещать события с субъективной точки зрения. А она всегда является более правдивой, чем так называемая «объективная». Говоря по совести, объективной точки зрения в рассказах людей вообще не существует. Это лишь маскировка, предназначенная для того, чтобы обмануть или поработить кого-то.— Я хорошо представлял себе, как воспринимают мои слова эти существа, у которых первым законом является уважение к свободе воли каждого члена общества.— Итак, я — ученый, изучающий человеческий мозг. Я составлял карты мозга, то есть определял, в каких его местах локализованы различные центры, управляющие всем телом. Понятно, что для этого надо было провести множество опытов на живом мозге. Кроме того, я изучал коренные, принципиальные отличия мозга человека от мозга любого иного животного. И уже как любитель, я пытался установить, имеют ли место в действительности такие явления, как познание мира и приобретение информации непосредственно мозгом, без помощи органов чувств. В связи с этим я изучал различные излучения мозга. Мне удалось открыть два характерных излучения, я назвал их «с» и «у». «С» — от слова «супер», «у» — от слова «унтер». С-излучение оказалось присущим только человеческому мозгу и не наблюдалось ни у одного вида животных. Выяснилась любопытная деталь: с-излучение является преобладающим и определяющим у одних людей и подчиненным — у других. Те, у которых преобладало у-излучение, свойственное мозгу животного, всегда проявляли значительные отклонения в психике. Это ярко выражено у дебилов, идиотов и других калек с органическими дефектами мозга. Мне удалось построить аппарат для регистрации излучений. Его можно было использовать как для диагностики и лечения, так и для правильного распределения людей на различные работы. Естественно, данные исследований не всегда полагалось разглашать...

— Почему? — спросил Маас.

— Человек чаще всего не желает знать правду о себе. Он изо всех сил старается казаться лучше, чем есть, не только перед другими, но и перед собой. Это нужно ему и для собственной удовлетворенности и для того, чтобы занять местечко получше. Многие бы ужаснулись, узнав правду о своем организме; многие отказались бы иметь детей, ко-

торым суждена участь родителей; многим пришлось бы переместиться гораздо ниже по служебной лестнице; а некоторым нашлось бы место разве что в клетках зверинца или в клиниках для душевнобольных. Теперь вы понимаете, что тысячам богачей и властителей, получившим блага не в соответствии с балансом между с- и у-излучениями, было очень выгодно избавиться от меня. Однако в это время в моей стране появилась новая политическая партия. Она решила уничтожить устаревшие формы правления, построить во всем мире новое общество, где блага распределялись бы в строгом соответствии с силой каждой расы и национальностью. Философам и руководящим деятелям этой партии оченьгодились мой аппарат-регистратор и мои наблюдения. Теперь они могли подкрепить свои теории научными данными.

— И остальные люди согласились с ними? — спросил космонавт, сидевший рядом с Маасом.

— Далеко не все,— ответил я.— Пришлось выдержать упорную борьбу. Наконец новая партия победила в моей стране и еще в нескольких странах. Но зато в других государствах поднялся страшный шум.

«Мой бог, если бы они могли к тому же проникнуть в Тайну!» — подумал я, продолжая рассказывать:

— Всех нас, кто стремился к справедливости и порядку, обвинили в самых тяжких преступлениях. Даже мои опыты по изучению мозга они объявили преступными. Вспыхнула война...

— Разве война может что-то решить в споре? — заметил Маас.

— В том-то и дело, что нет,— согласился я.— Мы проиграли войну, нашу партию в родной стране объявили вне закона. Но основа нашего учения осталась. Порядок, к которому мы стремились,— господство сильного — существует в природе. Желание повелевать другими живет в каждом человеке. Этого наши враги не могут выкорчевать. Потому они так стремятся меня уничтожить, чтобы сохранить в тайне результаты моих работ. Если бы я попал в их руки, меня всяческими средствами заставили бы отречься от моих работ, признать их ошибочность...

— Что значит «всяческими средствами»? — снова спросил сосед Мааса. Почему-то он мне не нравился все больше и больше. Может быть, причиной был тембр его голоса.

— «Всяческими» — это когда не останавливаются ни перед чем, лишь бы добиться желанного результата. Применяют психологическое давление, голод, химические препараты, страх смерти, пытки...

— Ужасно! — воскликнул Маас, будто нервная дамочка.— Неужели на вашей планете еще не изжиты такие жестокие методы подавления свободы личности?

— Если бы вы приземлились, то на себе узнали бы, что такое принуждение,— уверенно сказал я.

— Ну, нас принудить невозможно,— улыбнулся Маас.

— Но во всяком случае вас не оставили бы в покое. Одно государство пыталось бы использовать вас в борьбе со своими соседями, одна партия — против другой. Так продолжалось бы до тех пор, пока вы либо потеряли бы ориентацию и отказались от своих принципов, либо возненавидели бы какую-нибудь группировку, либо поверили лживым призывам к гуманности и решили наказать зло. Пожалуй, в первую очередь вас попытались бы настроить против меня и моих товарищей, ведь нас меньшинство, мы сейчас слабее...

— Мы не помогаем сильным в борьбе против слабых,— твердо сказал Маас.

— А слабым — против сильных? — спросил я.— Нам вы поможете?

— Нет,— так же твердо сказал Маас.— Мы не помогаем меньшинству против большинства.

— Удобная позиция,— ответил я таким тоном, чтобы он понял, что я имею в виду.— Кому же вы помогаете?

— Прогрессу.

— Но прогресс может идти разными путями и в разных направлениях.

— В конечном счете у него лишь одно направление.

Мой бог, опять эти проклятые слова, которые любил Генрих,— «в конечном счете»...

— В таком случае соберите истинных слуг прогресса — крупнейших ученых, мудрецов и философов — и помогите им стать во главе человечества.

— Ты готов указать их? — спросил Маас.

— Готов.

Выражение его лица изменилось, и я понял, что опять свалился в яму-ловушку. Маас укоризненно сказал:

— Но ведь тогда мы совершим ошибку, от которой ты предостерегал,— окажемся втянутыми в вашу борьбу.

Я ошибся в нем с самого начала. Он был гораздо хитрее, чем казался на первый взгляд. Меня обманули его глаза. Почему я поверил им? Разве в своей жизни не навидался каких угодно доверчивых и наивных глаз, которые на деле неизменно оказывались обычной маскировкой? Или меня снова подвела невезучесть, на которую я забыл сделать поправку? Все же я попытался бороться:

— Вы помогите правому и благородному делу, поможете прогрессу.

— Правое дело не должны насаждать инопланетчики,— мягко сказал Маас.— К тому же, когда они не знакомы с условиями развития данного общества.

— Вы просто не хотите вмешиваться! — с горечью вскричал я.— Но ведь так называемое вмешательство — только ширма. Оно молчаливо поддерживает сильного против слабого, подлого против честного, хитрого против бесхитростного. Вот чего стоит ваше уважение свободы личности...

— Оставим бесполезный спор,— сказал Маас, и я понял, что его не переубедить.— У нас есть правила, которые мы стараемся не нарушать.

Он мельком глянул на одного из товарищей. Я заподозрил, что нарушения правил бывают и у них. Это вселяло надежду. Маас продолжал:

— Однако ты, кажется, убедил меня, что совершать посадку на Землю преждевременно. Тем более, что мы и так задержались в полете. Если пожелаешь, можешь лететь с нами. На нашей планете ты, как представитель Земли, подготовишь будущие контакты с твоей родиной. Если же нет...

— Да! — не колеблясь, сказал я.

— В таком случае разреши нашему биологу осмотреть твой организм — пригоден ли он для жизни у нас?

— Пожалуйста.

— Он должен будет проверить системы усвоения энергии, подробно познакомиться с устройством твоего мозга, с особенностями психики. Ведь она может нарушиться в наших условиях, и, думая, что имеем дело с человеком Земли, мы...

— Согласно на все,— перебил я Мааса, уже представляя себя в роли посла человечества. Какие возможности откроются передо мной!

— Тогда отдохни. Биолог придет за тобой.— Маас направился к двери.

Инопланетчик, ранее сидевший за спиной Мааса, пропустил вперед своих товарищей и, прежде чем выйти из каюты, обернулся ко мне:

— Меня зовут Куир, биолог. Я скоро приду. Пока у тебя есть время все взвесить. Ведь на Земле ты оставляешь так много: тех, кто был дорог тебе, с кем ты дружил, кого любил. И оставляешь надолго. Подумай...

Я остался один. Последние слова биолога несколько не поколебали моей решимости. Я-то хорошо знал, кого оставляю на Земле. Соратников, ставших недругами. Рабов, превратившихся в гонителей. Друзей-предателей. Те, кто не предал меня сегодня, предадут завтра. Семью? Но что такое моя семья?

Жена? Типичная самка, изображающая примерную супругу. Я давно знал, что она изменяет мне, и не очень осуждал ее, понимая, что неудачнику не может достаться иная жена. Да и сам я не оставался в долгу и не упускал минутных радостей, которые иногда подбрасывала судьба.

Буду ли я скучать по детям?

Они росли достаточно эгоистичными, чтобы любить меня ровно на столько, сколько благ я им мог предоставить. А после войны я не мог им дать ничего. Хорошо еще, если то, что они говорили обо мне представителям прессы,— вынужденные признания, а не запоздалая искренность.

О ком же еще я мог бы пожалеть? О Рексе? Но верный пес заколот солдатом. Я вспомнил безымянную могилку Рекса, и сердце сжалось. Это было существо, действительно любившее меня. Собачья любовь — высшее, а может быть, и единственное проявление истинной любви. У него были острые и очень чуткие уши, умные и преданные глаза — карие, с искринками. Светлое пятно на широкой груди. Всякий раз, подходя к дому, я твердо знал, что он, лежа на ковре, настораживает уши и подымает голову, интуитивно чувствуя мое приближение. Его глаза радостно вспыхивают, хвост начинает весело стучать по ковру.

Его заколол штыком чужой солдат, когда, спасая мою жизнь, Рекс прыгнул на него. Обернувшись ко мне солдат не успел. Моя пуля вошла в его затылок. Несомненно, она попала в продолговатый мозг, немедленно наступил паралич дыхания, и солдат не успел даже почувствовать боли. Слыша последний вой верного пса, я сожалею, что машинально, по давней привычке, выстрелил в затылок его убийце, а не отомстил достойнее.

Ничего, теперь я получу возможность отомстить всем, как только овладею знаниями и оружием пришельцев. Я засмеялся. Мой бог, если бы люди могли узнать, что первым человеком, установившим контакты с внеземной цивилизацией, буду я — изгнанник, жаждущий мести!

Третий день на корабле

Я называю этот отрезок времени условно — просто я проснулся после недолгого сна. Раскрыл глаза и смотрел на мерцающие стены каюты, вспоминая все, что со мной случилось, сомневаясь, не почудилось ли мне это. Возможно, все происходило вовсе не так, как мне казалось. Не было никакого космического корабля. Меня догнали враги. Во время допросов я сошел с ума. Теперь нахожусь то ли в психиатрической клинике, то ли в тюремной больнице, а мой больной мозг рождает иллюзии.

Я возражал себе, думая, что сумасшедшие не относятся критически к собственным иллюзиям. Впрочем, возможно, у меня особая форма помешательства. Я ведь неудачник. Мне могло и в сумасшествии не повезти. Как проверить, происходит ли все это наяву?

Словно опровергая мои сомнения, на стене вспыхнул условный сигнал — можно ли войти? Я разрешил, и в дверь вошел биолог Куир. В отличие от порывистого Мааса, у него были медленные, скользкие движения, глаза — круглые, похожие на совиные. Как и в глазах Мааса, в них одновременно мелькало столько разных выражений, что казалось, будто они непрерывно меняют цвет.

Куир приветствовал меня, затем спросил:

— Ты не передумал?

— Конечно, нет.

— Тогда пойдём.

Я пошел за ним по длинному коридору. Стены здесь мерцали, как в моей каюте, на них все время появлялись и исчезали какие-то символы. Заметив, что я их рассматриваю, Куир объяснил:

— Информация для всего экипажа, поступающая и от приборов, и от людей. Каждый сообщает свои важнейшие мысли, информирует о решениях, о делах — обо всем, что считает наиболее важным. В любой момент, посмотрев на стены, я могу узнать о делах и намерениях остальных, поспорить с товарищами, что-то им подсказать...

— Но как вы можете узнать, говорят ли они правду?

— Кто же станет обманывать? Это ведь не игра.

Куир притворился, будто не понимает, о чем идет речь, но я не верил ему.

— Разве у ваших товарищей не бывает мыслей, которые один скрывает от других?

— Есть мысли, которые не имеют значения для других. О них просто не сообщают.

«Хитришь, парень!» — подумал я, но счел лучшим промолчать.

Мы вошли в комнату, казавшуюся тесной из-за обилия приборов. Куир усадил меня в глубокое кресло с контактными пластинами для рук и ног. На голову мне он надел шлем с антеннами, похожий на шлем моего регистратора. Я испуганно дернул головой, и он сказал:

— Это не больно и вреда тебе не принесет.

То же самое я иногда говорил испытуемым, когда подключал их к регистратору. Неприятный холодок пополз по моей спине, сердце забилось так сильно, что тошнота подступила к горлу.

— Ты передумал? — спросил Куир. — Никогда не поздно изменить решение. Тебя ведь никто не заставляет.

Таких фраз никогда не говорили в наших лабораториях. Я несколько успокоился и сам помог надвинуть шлем на свою голову. Я все время думал о том, как бы поскорее добраться до их знаний и оружия. Меня буквально сжигали нетерпение и жажда мести.

Куир покрутил верньеры, по шкале прибора пробежали голубые змейки, и вдруг я увидел наш лагерь с аккуратными дорожками и чахлыми деревьями, знакомые корпусы блоков и служб, наблюдательные вышки. Передо мной стоял Генрих в сопровождении двух солдат. Неузнаваемый Генрих — кожа да кости. Длинный нос и сдвинутые брови образовывали букву Т на его лице, первую букву слова «тоден». Он, несомненно, был отмечен и заклеен этой буквой со дня рождения. Я сказал:

— Все-таки мы встретились, Генрих, и ты пришел ко мне. Рад нашей встрече. Ты, наверное, слышал, что мне удалось построить прибор, регистратор психоизлучения. Это тебе не математика, тут испытываемому никакая хитрость и обман не помогут. Сейчас с помощью регистратора я загляну в твои помыслы и узнаю, так ли они чисты, как должны быть у патриота. А заодно мы выясним способности твоего мозга, узнаем, какое излучение для него характерно и можно ли мозг твой излечить. Скажу тебе откровенно, как старому школьному товарищу, что до сих пор мой аппарат свидетельствовал не в пользу таких, как ты. Помнится, ты утверждал, что чистый эксперимент — основа науки. Сейчас ты имеешь дело с поистине чистым экспериментом. Я только записываю общие данные, характерные для этнических групп, народностей и народов. У одних преобладает с-излучение, и естественно, что они должны повелевать. Так предназначила сама природа. Другим, низшим нациям свойственно у-излучение. Я уже составил больше десятка таких карт, обобщил данные регистратора...

Нет, Генрих никогда не умел проигрывать с достоинством. Он даже не хотел дослушать мою лекцию и закричал:

— Сказать, что излучает твой мозг, Пауль? Я знаю это и без приборов!

Мой бог! Трудно передать, что я чувствовал в ту минуту. Мне показалось, что он знает. У меня задрожали ноги. Сразу не смог сообразить, что он никак не мог проникнуть в Тайну. Его слова действовали, как яд кураре. У меня в голове все перепуталось, раздался гул и визг. Небо раскололось и падало на меня.

Потом мне рассказывали, что я упал и почти двадцать минут бился в истерике.

Меня отвели домой, и Магда изобразила на лице испуг и сочувствие.

Пришли коллеги. Я плохо поддавался лечению. Три дня не мог взяться за работу, боялся принять снотворное. Мне казалось, что меня хотят убить во сне, чтобы овладеть Тайной.

На четвертый день я рискнул показаться в лаборатории. Вид пациентов подействовал на меня успокоительно.

Я тотчас взялся за Генриха. Череп ему вскрывали другие — мои пальцы все еще дрожали. Центры его мозга, управляющие дыханием и некоторыми двигательными комплексами, функционировали нормально, а вот в зрительных областях коры были органические изменения — отечная ткань, отложения солей. Несколько раз во время сеанса, когда я подключал регистратор к его открытому мозгу, у Генриха наступала клиническая смерть, но лучшие наши реаниматоры возвращали его к жизни. Пот застилал мне глаза, но я продолжал опыты с его мозгом до тех пор, пока реаниматоры уже ничем не могли помочь.

Только затем я отошел от стола, вышел из операционной и плюхнулся на стул в коридоре. Мимо меня в операционную провели большую группу детей. У меня еще хватало сил поглядеть одного мальчика по голове, вынуть из кармана конфету и спросить: «Как тебя зовут?» Он ничего не ответил, смотрел на меня непонимающим взглядом.

— Откуда ты, мальчик? — допытывался я.

Он молчал.

Все-таки я дал ему конфету. Конвоир сказал, что эти дети из России.

Дети... Их были тысячи. Из разных стран Европы. Я не всегда спрашивал, откуда они. Иногда это удавалось определить по голубым змейкам, тан-

цующим на экранах осциллографов. С детьми было удобно работать, кости черепа были значительно мягче, чем у взрослых, и легко поддавались распилке там, где нужно было расчищать места для электродов. Не так уставала рука, и за день я успевал исследовать вдвое больше пациентов. Со временем, когда наладилась доставка живого материала с оккупированных территорий, я экспериментировал исключительно на детях, изучал расположение различных центров, находящихся в коре больших полушарий, в мозжечке и продолговатом мозге.

Все говорили, что я блестящий нейрохирург, но значение моих работ не в этом. Я не только избрал регистратор и дал своей партии стратегические экспериментальные данные, необходимые для точного определения судьбы различных народов. Я уподобился величайшим ученым древности, которые первыми изучали мертвое тело. Но я пошел еще дальше — я изучал живой человеческий мозг, продемонстрировав, что настоящая наука презирает запреты.

Я был бы признан величайшим ученым современности, если бы судьба не обернулась против меня и моих сподвижников. Все получалось наоборот. Мы хотели принести счастье своей стране, но в конечном счете (прихотится употреблять слова проклятого Генриха!) принесли ей страшнейшие разрушения. Мы хотели возвысить свой народ, превратить его в расу господ, но привели его к тяжкому бремени — комплексу вины. Мы хотели уничтожить врагов, но сделали их сильнее. И даже мри опыты с излучением обернулись Тайной, которую я унесу в могилу. Лучше бы мне не знать ее!

Видения одно за другим пронеслись передо мной. Я видел разрушенные немецкие города, пламя пожаров, черные ливни бомб, трупы наших солдат, валявшихся по обочинам дорог. Я видел, как русские танки неудержимо идут по нашим полям, как они входят в наши города. Вторично я пережил бегство из лагеря, дрожащими руками бросал в печь бумаги: карты, графики, сводки — плоды моей работы. Солдат снова закалывал моего единственного друга Рекса.

Все повторялось. Время обратилось вспять. Дети, которым я вскрывал черепа, снова шли мимо меня, и я протягивал одному из них конфету. Я бежал из своей страны, унося с собой Тайну, сделал себе пластическую операцию, стал неузнаваемым.

Читая в газетах, как одного за другим вылавливают моих сподвижников, я буквально извивался от конвульсивного страха. Мое тело не просыхало от холодного липкого пота. Мой след петлял из страны в страну, но гончие нашли его.

Я бежал в джунгли и однажды увидел след рубчатой подошвы и коробку от сигарет. Меня поднимали на корабль, и я видел удаляющуюся Землю, которую мои спасители могли бы уничтожить, расщепить на части, испепелить. Отныне я стану у них представителем этой планеты. И если буду достаточно ловким, то они вернут власть моей партии, а фюрером сделают меня. Миллиарды мозгов будут

подвергнуты проверке на с- и у-излучения. Одни останутся жить, другие послужат материалом для опытов.

Только бы никто не проник в Тайну. Нужно быть настороже!..

Я попытался раскрыть глаза — и внезапно кошмар кончился. Передо мной стоял биолог Куир. Его побелевшие пальцы сжимали верньер.

— Что со мной было? — закричал я.

— Успокойся. Я изучал твой мозг и твою память — все, что хранится в ней, человек Земли...

Он смотрел на меня с омерзением.

Выходит, судьба снова сыграла против меня. По неведению я дал им заглянуть в свою память. Отчаяние сделало вялыми мои руки и ноги. Я понял, что пришельцы не дадут мне оружия.

Куир прошептал еле слышно:

— Неужели на Земле много таких, как ты?

Много ли? Еще бы! Да разве тысячи и миллионы не разделяют мои чувства — не верят в свое превосходство над другими и не испытывают презрения к иным народам? Большинство людей пугает лишь логический итог — концлагери и истребление миллионов. Но это оттого, что они недостаточно последовательны. При умелом лечении это проходит. Луч надежды вспыхнул в моем мозгу. Нет, не все потеряно! Пришельцы не дадут мне оружия, но, может быть, удастся заставить их выполнить мои замыслы? Как часто всякие интеллигентишки пишут в своих книгах о раскаянии преступников, о невинных жертвах, которые терзают их по ночам. Не верьте этим слюнякам!

Да, мне не раз чудились вереницы истощенных детей, бледных заморышей, которые спрашивали меня: «Дядя, а это не больно?» Да, я видел во снах черный дым крематориев, жирный человеческий пепел, колонны рабов и смертников, опоясывающие земной шар по меридианам и параллелям. Но я никогда не испытывал угрызений совести. Природа ставит на всех живых существах бесконечный Эксперимент Убийства, она учиняет миллиарды пыток — и все без наркоза. Я только подражаю ей. И не говорите мне жалких слов о том, что жизнь всякого человека священна. Разве соизмеримы ценность моей жизни и жизни дикаря Этуяве, зарезанного мной по всем правилам хирургического искусства, или жизни той полудикой семьи в селении на сваях, семью, которую мне пришлось отравить, чтобы надежно замести следы? Цель оправдывает средства. Все можно, если это делается во имя великой цели — господства тех, кто призван господствовать. Должен же когда-нибудь воцариться высший порядок, где власть распределится надлежащим образом, где каждая раса и каждый народ будут знать свое место, как знают его волки и овцы.

Если бы я мог, то все начал бы сначала, только с учетом прежних промахов. И если что-то терзает меня, поднимает от страха волосы и сжимает сердце, то это не раскаяние, а боязнь неудач. И все-таки, может быть, на сей раз меня ждет успех. Хоть одно мне наверняка удалось — предотвратить контакт между двумя цивилизациями. Теперь по всему звездному миру разнесется весть о человеке Земли, которого представляю я, и всякий гнилой гуманист во Вселенной будет знать, что ему нечего к нам тыкаться, что ничего хорошего он здесь не увидит.

Пришелец смотрит на меня с омерзением? Ну и пусть смотрит! Огромная радость наполняет мне душу. Да, да, пусть ужасается! Это ведь тоже путь мести. Для них я — представитель человечества.

Того самого, что изгнало меня. Сейчас реализуется один из любопытнейших парадоксов — изгнанник становится представителем, по нему судят обо всех. Теперь я смогу убедить пришельцев, что эта гнусная планета достойна лишь одной судьбы — уничтожения. А когда это случится, Тайна наконец-то перестанет терзать меня. Некому будет проникнуть в нее, и я перестану бояться позора.

Вдруг ужасная мысль, как раскаленный прут, пронзила мой мозг: а если этот вот Куир уже проник в Тайну?

Я смотрел на биолога, пытаюсь по выражению его лица угадать ответ. Но это было мне не под силу. Тогда я спросил:

— Ты знаешь обо всем, что я вспомнил сейчас?

— Да. И еще больше. Я проявил и прочел твою память. Ты ведь разрешил изучать свой мозг...

Бешеная ярость затуманила мое сознание. Сквозь кроваво-желтый туман я четко видел лишь две вещи — тяжелый прибор с рукояткой, лежащий на столе, и голову Куира. Я схватил прибор и бросился на биолога. Вернее, хотел броситься. Я сделал только шаг и наткнулся на невидимую пружинящую преграду. Попытался обойти ее, но ноги стали непослушными, негнушались. А затем я почувствовал, как чужая воля сковывает мой мозг, что-то выбрасывая из него. Мой бог, неужели мне делают операцию, как когда-то я сам оперировал пациентов? Только не это, только не это, только не это, не это, не это, не это...

Я провалился в беспмятство.

...Очнулся я в своей каюте. Надо мной склонились двое — Куир и Маас.

— Сознание вернулось к нему, — сказал Куир.

— Подлецы! — закричал я. — А еще говорили об уважении свободы личности!

Маас покачал головой:

— Мы не принуждали тебя, ты сам согласился на обследование. Мы предлагали тебе вернуться в прежнюю ситуацию, разве не помнишь?

— Чтобы гончие расправились со мной? За что? Я не умертвлял людей просто для того, чтобы убивать. Я изучал их мозги. Знать — высшая запoved науки.

— Во имя чего — знать? Знания нужны людям для силы и счастья, — спокойно сказал Маас. — А тебе нужны были знания, чтобы обеспечить господство своей партии над страной и страны — над всей планетой.

— Ваши методы преступны и чудовищны, — добавил Куир. Когда он смотрел на меня, его лицо принимало одно и то же выражение.

Судьба давала мне последний шанс, самый последний...

Я изобразил покорность и сказал:

— Да, да, вы правы, преступления наши чудовищны. Такова уж эта планета людей. Воистину она достойна уничтожения.

Я набрал побольше воздуха в легкие, взвизывая себя до предела, сознательно вызывая у себя приступ истерии, как это умел делать фюрер, и закричал:

— Чего же вы ждете?! Жмите на кнопки, сбрасывайте на проклятую планету ваши сверхбомбы! Еще секунда — и будет поздно! Ну!..

Мои слова были расчитаны на то, чтобы вызвать у слушателей эмоциональный шок, заразить их истерией, лишить способности рассуждать. Но

они стояли неподвижно и со смесью любопытства и омерзения смотрели на меня. Моя истерия переходила в припадок, я уже не мог остановиться и кричал, срывая голос:

— Сбрасывайте же ваши бомбы, пока зараза с Земли не перекинулась к вам, не затопила всю галактику, всю Вселенную! Когда наши корабли прыгнут через космические просторы, будет поздно! Мы разрушим ваши города, испелим всех вас, уничтожим вашу презренную цивилизацию! Мы отравим, изгадим все, к чему прикоснемся! Нас не изменить!

Пришельцы стояли надо мной, как бездушные истуканы. Сквозь гул в ушах я услышал спокойные слова Мааса:

— Ты говоришь неправду. Люди Земли разные.

Мы получили эти свидетельства не только от тебя. У нас достаточно аппаратов, чтобы изучать планеты, не опускаясь на них. И мы продолжаем думать о Контакте с Землей. Но это уже никоим образом не касается ни тебя, ни Поводыря, ни Густава...

«Они даже знают эти имена», — мелькнуло у меня.

— А с тобой, — Маас, как мне показалось, вздохнул, — пусть будет так, как должно было быть.

22 сентября

Я сижу в камере и пишу. Случилось самое худшее — пришельцы вернули меня в тот страшный день, в безвыходную для меня ситуацию... Вперед — трибунал. А пока меня заставили дописывать дневник, вспоминать все, что может им пригодиться. Только об одном я ничего не расскажу — о Тайне. Пусть всех вас, люди, мучит вечное любопытство и сожаление о том, чего вы не смогли у меня выведать. У вас останется единственный путь — выловить всех моих сподвижников, среди них — Поводыря и Густава, они посвящены в Тайну. Они истребляли вас не меньше меня, почему же им должно повезти больше? Почему они останутся живыми и на свободе, тогда как я буду болтаться в петле? Пусть разделит мою участь!

Со мной в камере постоянно находится один из часовых-телохранителей. Эта должность имеет странное название, но оно точно соответствует содержанию. Они охраняют меня от меня, следят, чтобы я не покончил самоубийством до казни. Им надо, чтобы я прошел все круги ада, чтобы писал то, что послужит их планам, так сказать — «в назидание потомкам». Ну что ж, я обращаюсь к вам, потомки, прежде всего те, кто принадлежит к моей расе — к расе господ. Вам будут лгать, что жизнь Человека драгоценна. Не верьте этому. Вот формула стоимости человеческой жизни, сокращенно — ЧЖ; в лагерях райха. Итак, $ЧЖ = ПУ + ЗС + ЗУ - (РУ + СТ)$. Разъясню: ПУ — перемещение к месту уничтожения. ЗС — затраты на содержание. ЗУ — затраты на уничтожение. РУ — работа узника. СТ — стоимость тела, причем она тем выше, чем больше изобретательность тех, кто уничтожает.

Запомните, что стоимость жизни всегда равна стоимости смерти, а самой дешевой, возможно, будет атомная смерть, когда подешевеют бомбы.

Вам будут говорить о всяких ложных понятиях вроде справедливости, законности, демократии и прочего. Не верьте ничему. Эти громкие слова лишь скрывают планы тех, кто хочет загнать в ловушку ваше действительно свободное животное

начало, вашу звериную сущность. Знайте — она прекрасна, как прекрасен тигр, разрывающий лань. Если сможете, живите свободно. Природа создала вас такими же, как звери в лесу. Не прячьте свои клыки и когти — и вы узнаете настоящие радости.

Ложны искусство, музыка, литература.

Ценность имеет только та наука, которая не стеснена условностями. Если ей нужны не подопытные крысы, а подопытные люди, дайте ей их из числа рабов, не угодных вам.

Бойтесь верности и честности — это кандалы, связывающие желания.

Все живые существа делятся лишь на две группы — господ и рабов, волков и овец. Сама природа во имя высшей справедливости разделила всех нас на эти две категории.

Есть только одно непогрешимое орудие, один

прибор, способный проверить, к какой категории вы относитесь, — это РПГ, регистратор Пауля Гебера. С его помощью составлены карты Пауля Гебера и таблицы Пауля Гебера. Верьте только им, они составлены на основании чистых экспериментальных данных.

Я перечитал последние абзацы и понял, что мои тюремщики ни за что не допустят, чтобы этот призыв свободного духа дошел до вас, потомки. Они упрячут его в бронированные сейфы и каменные подвалы. Но я напишу второй, запасной вариант биографии. Я вставлю в него всякие щеко-чущие подробности, чтобы затуманить истину и продать издателям подороже. Это будет мой последний заработок — на своих неудачах.

Итак, я, Пауль Гебер, родился 2 мая 1912 года в семье мелкого служащего...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Я прочел дневник нацистского преступника Пауля Гебера и поспешил в Музей Памяти о войне. Я сказал директору:

— Дневник мне пригодится. Но здесь есть неясность. Что это за прибор и карты, о которых говорится в дневнике? Неужели его тайна так и осталась неразгаданной?

— Пойдем, посмотрим нашу выставку. Там есть и регистратор Гебера, — сказал директор.

Я увидел аппарат, с помощью которого нацисты предполагали классифицировать людей на господ и рабов. Выглядел он весьма внушительно — этаким одноглазый паук с зеленоватым экраном осциллографа с многочисленными присосками и шлемом, напоминающим выпотрошенный и отполированный череп. Я понял, что аппарат должен был устрашать и приводить в трепет блеском хромированных поверхностей, необычной формой, напоминающей фантастического паука, и поделился мыслями с директором.

— Ты прав, — сказал он. — Присосков могло быть значительно меньше. Но суть не в этом. Обрати внимание на анализатор. Мы специально срезали здесь часть кожуха и поставили стекло. Видишь там, в самой гуще, среди переплетения проводов и трубок, две детали, окрашенные в оранжевый цвет? Это электронные инверторы. Через них проходят сигналы к индикатору. Пожалуй, дольше всего Гебер трудился, чтобы сделать их такими маленькими и незаметными, даже для специалиста. Ты знаком с явлением инверсии? Понимаешь, зачем они здесь?

— Не совсем, — признался я.

— Но ведь сигналов только два — «с» и «у». Дай-ка я надену тебе шлем. А теперь смотри.

Он включил аппарат. Раздалось тихое жужжание, засветился глаз паука. По экрану осциллографа заметался лучик, вычерчивая сложную кривую. На шкале вспыхнул «приговор» — сигнал «у».

— Как видишь, регистратор свидетельствует, что у тебя преобладает у-излучение. Ты принадлежишь к рабам. А теперь надену шлем я, — сказал директор.

Аппарат зажужжал вторично, и на шкале загорелся тот же сигнал.

— Ну вот, два сапога — пара, — сказал директор, потирая руки. На левой у него не было трех пальцев — память о немецком концлагере. — А сейчас мы с помощью регистратора исследуем собаку.

Он отдал распоряжение, и через несколько минут в зал ввели лохматую дворняжку. Приладили к ее голове шлем с присосками.

— Смотри, — проговорил директор, щелкая вернером.

На шкале появился сигнал «с», свидетельствуя, что собачонка принадлежит к категории сверхчеловеков.

— Теперь ясно? — спросил директор.

— Но ведь инвертор меняет сигнал на противоположный: «с» на «у», а «у» — на «с»...

— Усек, — усмехнулся он. — Вся теория этого Гебера о двух основных излучениях не выдерживает никакой научной критики. Резкой разницы в излучениях человека и животных вообще нет. Теория построена на догадках и политических концепциях. Впрочем, возможно, Гебер сам верил в нее. Тут действовал своего рода самогипноз. И вот по иронии судьбы, когда Гебер стал испытывать свой аппарат, он обнаружил, что чаще всего у-излучение преобладает как раз у его соратников по партии и у самого фюрера. Трудно сказать, чем это объяснялось. Возможно, у-излучение и на самом деле сопровождает некоторые застойные мозговые явления. Тогда-то ему и пришлось поставить инверторы. Он называл их великой и ужасной Тайной не только из стремления фашистов к ложной патетике. Она была действительно ужасной для своего создателя. Позор — позором, но ему приходилось еще и всех бояться. Ведь те из его покровителей, кто был посвящен в Тайну, готовы были убить его при малейшем подозрении, что он попадетя в чужие руки...

— А что стало с ним? — спросил я.

— Не выдержал ожидания казни и умер от страха в тюрьме.

— Не зря называл себя неудачником.

— Не зря. Только он считал, что это случайность, игра судьбы, — засмеялся директор. — А может быть, причины его неудач — величайший повод для оптимизма.

Соматотропин- пища богов

Кошка, увеличенная до размеров тигра, окажется, вероятно, пострашнее Шер-Хана, отравлявшего жизнь кипплинговскому Маугли. Фантасты не раз пользовались этой впечатляющей картиной: Герберт Уэллс в «Пище богов», Л. Лагин в «Патенте АВ», А. Палей в «Острове Таусена» и т. д. Причем, если Уэллс просто назвал препарат, способный изменить размеры живых существ, «гераклеофорбией», а Лагин — «эликсиром Береники», то Палей уже прямо указал, что путь к этому лежит через эндокринологию, через регулирование гормонального аппарата.

Повесть Палея вышла в 1948 году. А в № 289 французского журнала «Сьянс э авенир» за 1971 год опубликовано сообщение о синтезе гормона роста — соматотропина, одного из белков, вырабатываемых гипофизом. До последнего времени этот гормон можно было получать лишь в ничтожных дозах из гипофиза умершего человека... Что же касается использования соматотропина, то медики видят в нем средство регулирования роста недоразвитых детей, тех, кого ожидала судьба Аврелия Падреле из лагинского «Патента АВ».

Возможно, с помощью этого или близкого ему гормона можно будет получить и кошку размером с тигра. Вот только — зачем!

По образу и подобию

В романе Александра Казанцева «Арктический мост» рассказывается о строительстве плавающей под водой трубы-туннеля — подводного моста, соединяющего Азию с Америкой.

До осуществления этого проекта, увы, пока еще далеко. Но, как

сообщает журнал «Нью сайентист» (Англия), английскими инженерами разработан проект прокладки трехкилометрового подводного моста, который пересечет Мессинский пролив, соединив Сицилию с Италией. Мост состоит из трех железобетонных труб-туннелей (две — для автомобильного транспорта, одна — для железнодорожного), проложенных на пятидесятиметровой глубине и удерживаемых на месте якорями. Для компенсации морских течений мост может изгибаться, как изгибается под воздействием течения реки понтонный мост. Морская часть моста на обоих берегах заканчивается подземными туннелями длиной около километра.

По сравнению с подвесными подводный мост проще по конструкции, дешевле, на него не влияют ветровые нагрузки и суточные перепады температуры.

Проект уже одобрен итальянским правительством, и через несколько лет, как полагают, первый подводный мост будет сдан в эксплуатацию.

Так сколько «десятых» планет?

Сколько планет в Солнечной системе! Конечно же, девять, ответит каждый. Меркурий, Венера, Земля, Марс, Юпитер, Сатурн, Уран, Нептун и Плутон... Правда, поговаривают, что когда-то их было десять — на месте десятой, разрушившейся, вращается теперь вокруг Солнца пояс астероидов. У этой гипотетической планеты есть даже название — Фазтон.

Но вот астроном Дж. Брейди из Калифорнийского университета опубликовал в «Журнале всемирного астрономического общества» сообщение об открытой им планете, расположенной далеко за орбитой Плутона, на расстоянии в 9,5 миллиарда километров от Земли. Масса ее втрое больше массы Сатурна, и ей требуется 512 земных лет, чтобы совершить один оборот вокруг Солнца. Аналогичные расчеты опубликовали астрономы Кембриджского и Балтиморского университетов.

Почти одновременно другой американский астроном, Генри Куртин, выдвинул гипотезу о существовании еще одной «деся-

той» планеты. Названная Зоэ, она, согласно расчетам, находится внутри орбиты Меркурия, на расстоянии всего 12 миллионов километров от Солнца.

Правда, гипотезы эти подкреплены пока лишь теоретическими выкладками. Но нельзя забывать, что две крайние планеты нашей системы — Нептун и Плутон — вначале тоже были найдены теоретически и лишь потом, спустя значительное время, обнаружены при помощи телескопов.

Любопытно другое. Гипотеза о существовании планеты внутри орбиты Меркурия за десять лет до работы Куртина была высказана Аркадием и Борисом Стругацкими в повести «Страна багровых туч». Планета же, находящаяся за Плутоном, под названиями Трансплутон, Цербер или Гадес прошла по десяткам, если не больше, фантастических произведений — достаточно вспомнить «Холод на Трансплутоне» Д. Биленкина, «Стажеров» тех же Стругацких, «Людей Приземелья» В. Михайлова...

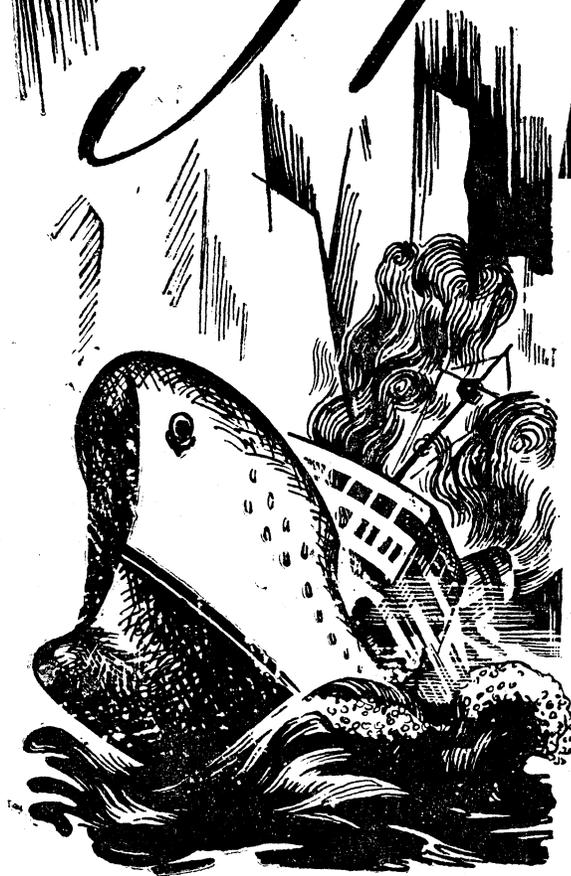
«Волшебные ботинки»

«Есть самозатачивающиеся резцы... есть самозаводящиеся часы... и появилась, наконец, подошва, которая не изнашивается». Эта самовосстанавливающаяся подошва, изготовленная из колонии микроорганизмов — эпифитов, изобретена советским писателем-фантастом Виктором Сапаринным в рассказе «Волшебные ботинки», опубликованном в 1955 году. Рассказ этот прошел, однако, незамеченным и следа ни в сердцах читателей, ни в литературе не оставил.

Но идея не умерла. В 1972 году химикам удалось синтезировать пластмассу, названную «полиментолом» и обладающую удивительным свойством: с течением времени молекулы полиментола связывают атмосферные кислород и двуокись углерода, увеличивая свой объем без изменения физических или химических свойств. И первое практическое применение, которое предполагается дать этой пластмассе, — изготовление из нее самовосстанавливающихся подошв для обуви...

Угрожение АЙСБЕРГОВ

14 апреля 1912 года произошла страшная морская катастрофа — английский пароход «Титаник», имея на борту 1316 пассажиров и 891 члена экипажа, затонул в водах Северной Атлантики.

Погибло 1502 человека.

«Титаник» был крупнейшим и самым комфортабельным судном в то время. Он должен был установить рекорд скорости при пересечении Атлантического океана. «Титаник» считался непотопляемым, но первый же его рейс оказался... последним. Что же случилось? Гигантское судно наткнулось на айсберг. Исполненная льдина подводной частью буквально распорол пароход. 100-метровую пробоину нельзя было заделать в открытом океане, и «Титаник» через три часа пошел ко дну.

Айсберги, их еще называют «дрейфующей смертью», — одна из главных опасностей для судоходства. Особенно много их в Северной Атлантике, на самом оживленном морском пути между Европой и Америкой. Здесь они угрожают тараном каждому встречному судну.

От материковых льдов холодной Антарктиды иногда откалываются айсберги фантастических размеров. Отдельные исполины достигают 500-метровой высоты, а их протяженность доходит до 100 и более километров. Айсберг-феномен был обнаружен советской антарктической экспедицией в 1966 году в море Космонавтов, близ станции Молодежная. «Матерью» его, как полагают, была гигантская льдина, отколовшаяся от ледника Эймери. Сразу она не ушла в океан, а села на мель. Осенью штормы сдвинули гору с места. От нее откололись прочно оставшиеся на мели куски, а сам айсберг-рекордсмен медленно ушел в дрейф на юго-запад. В море Содружества он раскололся, породив несколько айсбергов. Один из них, самый крупный, удалось изучить с самолета. Воздушная разведка определила его приблизительные размеры: длина — 150 и ширина 40 километров!

Североатлантические айсберги рождаются в Гренландии. Ежегодно от этого холодного острова откалывается более 7000 льдин — гигантских и сравнительно небольших. Большинство из них садится на мели, разрушается и тает. Только четыреста — пятьсот дрейфующих ледяных гор в марте — июне достигают Ньюфаундленда.

Согласно классификации, установленной Международной службой ледовой разведки, различают пять типов айсбергов:

Growler (опасное скопление льда), высота его над водой достигает 1,2 м, а длина немногим более 6 метров;

Bergy Bit (обломок) имеет размеры до шести метров в высоту и 6—15 метров в длину;

малым айсбергом — Small Berg — считается льдина высотой 6—15 и длиной 15—60 метров;

средний тип айсбергов — Medium Berg — это льдина 15—50×60—120 метров;

крупный айсберг — Large Berg — высотой более 50 метров и длиной свыше 120 метров.

Надо иметь в виду, что над водой выступает только $\frac{1}{8}$ часть айсберга. И можно себе представить, какой исполин, как много он весит, если 50 метров — только $\frac{1}{8}$ часть его.

Подгоняемые ветрами, айсберги движутся на север от Гренландии. Достигнув залива Мелвилла, они зимуют там. Затем Лабрадорское течение уносит их курсом почти параллельным прежнему в обратном направлении — на юг. Они проходят вдоль восточных берегов Баффиновой Земли, минуют Ньюфаундленд и достигают районов рыболовных промыслов — Большой Ньюфаундлендской Банки. Этот путь, длиною примерно в две тысячи миль, айсберг преодолевает за два года.

Там, где встречается холодное Лабрадорское течение с теплым Гольфстримом, проходит морской путь из Европы в Северную Америку. Именно здесь и «разбойничают» айсберги.

Иногда ледяные горы совершают дрейфы да-

леко на юг — к берегам Великобритании, Азорским островам, даже к Бермудам.

После трагической гибели «Титаника» было решено создать Международную службу ледовой разведки. С 1913 года в районах интенсивного судоходства патрулируют специальные корабли. В водах близ Большой Ньюфаундлендской Банки они регистрируют ежегодно 370—400 айсбергов. В отдельные годы число их достигает тысячи.

Более полувека ведется наблюдение за состоянием льдов в Северной Атлантике. Днем и ночью несут патрулирование корабли и самолеты. Однако столкновения судов с дрейфующими ледяными островами случаются почти ежегодно. Новейшие методы борьбы с айсбергами не приносят должного эффекта. Мало что дает, например, бомбардировка льдин с самолетов, обстрел крупнокалиберными снарядами из орудий, посыпание угольной пылью для ускорения таяния...

С 1965 года Служба ледовой разведки начала генеральное сражение с айсбергами.

Вместо радиолокационных и инфракрасных установок теперь применяются радиометрические детекторы, которые в любую погоду и безошибочно находят опасные льдины.

Ученые предложили использовать в борьбе с айсбергами... лук и стрелы! Дрейфующие ледяные горы обстреливаются с палубы патрульного корабля. В стеклянных наколечниках-капсулах находится жидкий краситель большой интенсивности. Меченые айсберги помогут проследить пути их следования, зафиксировать скорость разрушения под воздействием теплых течений, солнечных лучей и т. п. Все это даст возможность разработать эффективные методы по ликвидации ледовой опасности на морских путях.

Следить за айсбергами с помощью локатора довольно трудно. Их крайне неровная поверхность дает на экране размытое изображение. Вести наблюдения с самолета мешают туманы. Применение электронного оборудования тоже дало крайне неутешительные результаты. Оказалось, что лед айсберга отражает радарные волны в 60 раз слабее, чем, например, судно такого же размера.

На особо крупные айсберги сбрасывают на парашютах радиопередатчики. Они подают сигналы, которые обрабатываются на счетно-вычислительных машинах, и патрульное судно следит за направлением движения опасной льдины. В ночное время патрульные корабли освещают айсберги прожекторами с цветными рефлекторами.

В 1971 году советские исследователи, изучающие движение ледников Антарктиды, использовали луч лазера. Полярники проводили опыты в районе станции Молодежная на берегу моря Космонавтов. Скорость передвижения льдов здесь настолько незначительна, что зафиксировать ее обычным способом оказалось сложным делом. Тогда на льдине

укрепили зеркало и по отраженному лучу лазера от него следили за ее перемещением.

В декабре 1971 года для предотвращения столкновения айсберга с буровыми установками в арктических водах были опробованы силки и лассо. В океане была установлена сеть, которой заарканили ледяную гору, а затем, опоясав ее тросами, отбуксировали в безопасное место.

Такой метод — отбуксирование айсбергов с помощью тросов — применяется часто.

Уничтожить плавучие льдины — вот единственная стопроцентная гарантия безопасности.

Французский ученый-метеоролог Пьер-Андре Молэн предложил уничтожать айсберги с помощью «тепловой» бомбы с раскаленной головкой и взрывным механизмом замедленного действия. Сброшенная с вертолета, она растопит лед и проникнет в самую сердцевину айсберга. В глубине «адская машина» сработает и превратит ледяную гору в обломки.

Высказываются мнения, что для борьбы с айсбергами, может быть, следовало бы применить и «чистые» атомные бомбы. Но эта проблема еще более сложная.

Безопасность судоходства по Северному морскому пути обеспечивают патрульные корабли советского флота. На протяжении 35 лет плавучие научные лаборатории, курсируя по этой важной для перевозки народнохозяйственных грузов трассе, изучают гидрологический режим арктических морей, собирают информацию о движении льдов.

В водах Карского, Восточно-Сибирского и Чукотского морей и моря Лаптевых устанавливается автоматическая аппаратура, регистраторы морских течений, датчики о температуре воды в глубинах океана.

Однако льды и айсберги не только опасное явление природы. Они могут быть и полезными.

Оригинальный проект использования льдов Антарктиды предложил английский ученый А. П. Педрик. Суть его заключается в «перекачке» глыб антарктического льда в Австралию. Здесь на огромных пространствах не хватает воды. Если бы удалось оросить эти засушливые земли, они давали бы по два-три урожая в год.

По мысли ученого, глыбы льда можно транспортировать из Антарктиды в Австралию по трубопроводу, проложенному на глубине 45 метров под поверхностью Индийского океана, чтобы он не мешал судоходству. Диаметр труб должен быть не менее трех метров. Протяженность трубопровода — 4500 км. Проталкивать глыбы по трубам будет сжатый воздух. По одной нитке в течение года можно доставлять в Австралию столько замороженной пресной воды, что ее хватит для орошения площади в 400 тысяч гектаров.

Американские ученые проектируют использование айсбергов в качестве источников пресной воды. Они предложили буксировать ледяные горы к берегам безводной Калифорнии. Подсчитано, что для транспортировки одного айсберга длиной около 100 километров и высотой в 3 километра понадобится восемь буксирных судов. Из районов Северного полюса к берегам Калифорнии льдину можно доставить за полгода.

У берега ледяную гору следует оградить от соленой морской воды. А затем работает уже солнце. От тающего айсберга насосы подавали бы пресную воду в города Калифорнии. Как подсчитано, один айсберг (длиной 100 километров и толщиной в 3 километра) обеспечил бы пресной водой жителей штата в течение года.

Д. ЭЙДЕЛЬМАН

Во время Великой Отечественной войны в газетах часто писали о славных боевых делах воинов 89-й Таманской дивизии. Теперь, когда война со всеми ее бедами отошла в прошлое, мы читаем о хороших людях нашей Армении. И среди них часто узнаем бывших таманцев.

Вот и зародилась у нас мысль: пройти самим путь, который овеян славой наших отцов и дедов. В весенние каникулы прошлого года первый отряд следопытов отправился по маршруту: Ереван — Тупапсе — Геленджик — Новороссийск. Было много интересных встреч и впечатлений. Мы собрали экспонаты для музея — немые и горькие «документы» военных лет: проржавевшие патроны, каски, гранаты, осколки снарядов.

Второй поход состоялся по маршруту: Новороссийск — Верхне-Боканский — Керчь. Следопыты поднялись на вершину Сахарная головка, на гору Долгая, где похоронен Герой Советского Союза Унан Аветисян, повторивший подвиг Александра Матросова. Здесь два наших товарища подали заявление о вступлении в комсомол. Мы были в Аджимушкайских каменоломнях под Керчью, где погибли тысячи советских людей, где

могила нашего сверстника пионера-героя Володи Дубинина.

Побывали мы в Керчи, Феодосии, в Севастополе, на Сапун-горе, Инкерманских высотах. Встреча с экипажами кораблей была такой интересной, что многие мальчики решили идти во флот.

Есть в нашем музее особо дорогой экспонат — обгоревший кирпич Брестской крепости, который стал почти стеклянным. Каким же должен был быть там бой, чтоб кирпич почти расплавился!

Во всех этих походах приняло участие сто ребят. Теперь мы хорошо представляем, что такое война, какой дорогой ценой добыто наше счастье, какой неизмеримо трудный путь прошли наши отцы.

Следопыты школы № 62 г. Еревана

Жить я учился не по книгам. К отцу часто заходили молодые рабочие кишиневских пекарен, долго говорили о назревавшей революции, о забастовках, о своей нелегкой доле. Я всегда внимательно вслушивался в беседы старших. А потом стал помогать им, чем мог. Нередко дежурил на улице, когда они собирались в нашем доме, а иногда по их просьбе читал им книги, газеты, брошюры». Эти слова мы взяли из автобиографии революционера Самуила Марковича Бубновского, чье имя носит улица в Кишиневе, на которой стоит наша школа № 40.

С. Бубновский со своим другом С. Бантке в 1918 году по указанию партии создали шесть подпольных ячеек Союза трудовой социалистической молодежи. Его не раз бро-

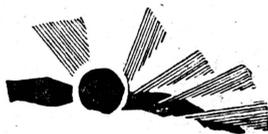
сали в тюрьмы. В 1919-м Бубновский стал членом РКП(б).

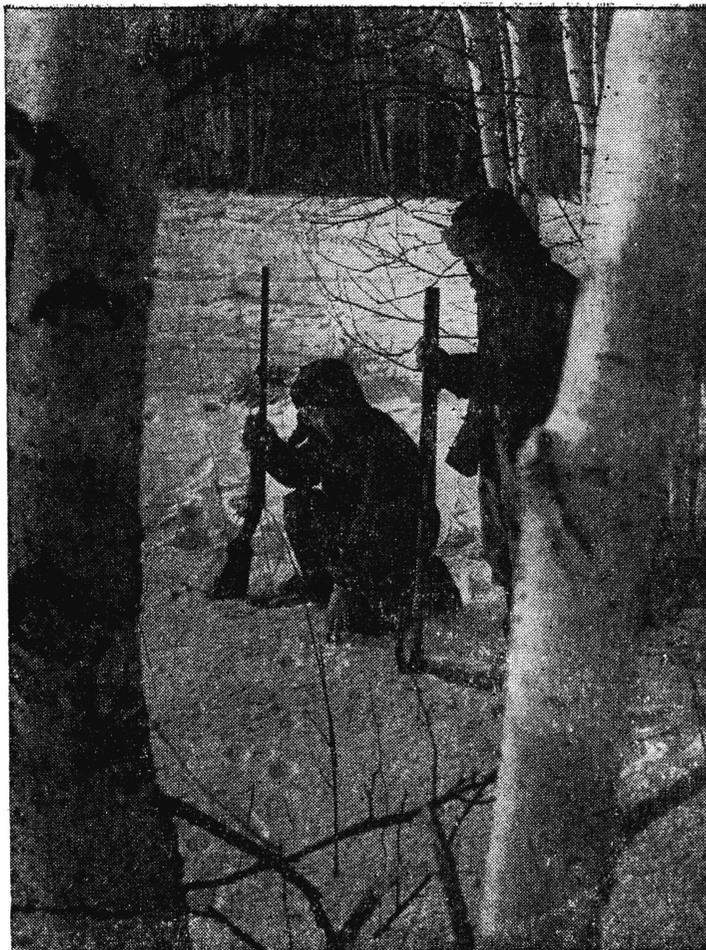
Летом 1928 года Молдавский обком КП(б) Украины направил его на учебу в Ленинградский политехнический институт. Комиссия ЦК ВКП(б), распределявшая в 1932 году специалистов, предложила С. М. Бубновскому остаться в аспирантуре, но он просил послать его на производство. Бубновского направили в Свердловск начальником Урало-Сибирского монтажного треста. Материалов об этом периоде жизни и деятельности нашего земляка мы не можем найти. Нам только известно, что жил он на улице Ленина, около театра.

Посылаем фотографию С. М. Бубновского. Может, наше письмо прочитают его товарищи по работе и пришлют нам свои воспоминания? Будем рады, если нам помогут свердловские следопыты.

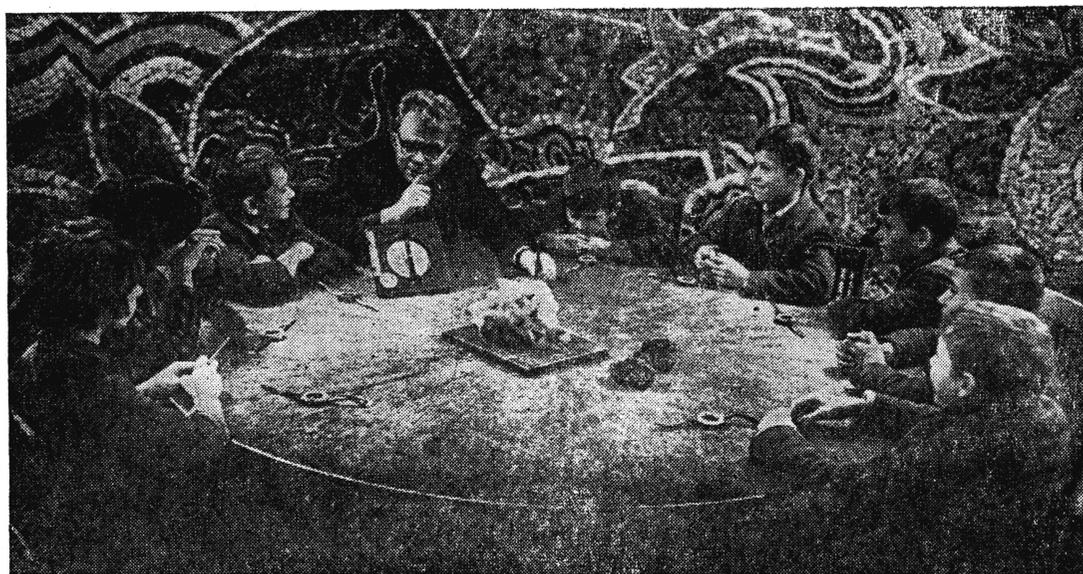
Заранее всех благодарим!

Следопыты школы № 40
г. Кишинева

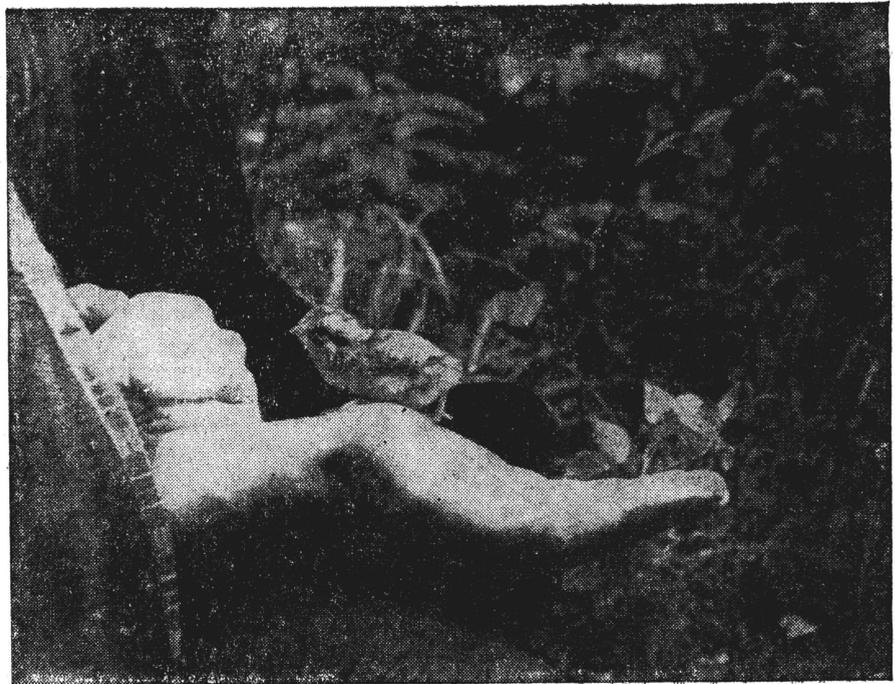

ПО ПЕРВОМУ СНЕГУ
Фото П. Ищенко (г. Омск)

ЮНЫЕ ГЕОЛОГИ

Фото Н. Медведевой (г. Свердловск)

НАИДЕНЬШ
Фото Г. Арефьева
(г. Свердловск)

ЖАРКО
Фото А. Патлаха (г. Уфа)

«Уважаемая редакция!

Известно, что большинство медицинских препаратов изготавливается из лекарственных трав. Много пишут сейчас о древней и народной медицине, где также широко применялись различные травы и корни.

Нам, подписчикам «Уральского следопыта», хотелось бы почитать статью о лекарственных травах на страницах вашего журнала. Расскажите о целебных свойствах левзеи, элеутерококка, чернокорня, женьшеня и других растений.

С уважением Н. Леонов, А. Комлев,
И. Мосин, М. Зубов, А. Ершов, Н. Бормо-
тов и другие жители деревни Тиханы Соро-
кинского района Тюменской области».

Откликаясь на просьбу читателей, мы публикуем статью доктора биологических наук Б. Ф. Сергеева.

СОКРОВИЩА РУССКОГО ЛЕСА

Отрада сердца

Когда в северных лесах устанавливается теплая погода и лето окончательно вступает в свои права, на улицах больших городов появляются в продаже крохотные букетики белоснежных цветов, завернутых в крупные продолговатые листья. Чарующий аромат их привлекает прохожих. Букетики охотно раскупают. Они плывут по городу — и трамвай, автобусы, магазины, квартиры заполняет их нежный аромат. Когда наступает эта пора, горожане знают, что в окрестных лесах распустились белоснежные колокольчики майского ландыша.

Природа не одарила ландыш ростом. Небольшой стебелек с четырьмя — шестью колокольчиками поднимается между двумя продолговатыми листочками — вот и весь ландыш. Но так нежен и изящен этот цветок,

*Ландыш майский
Convallaria majalis L.*

так неповторим его аромат, что ландыш пользуется не меньшей любовью, чем, скажем, роза или тюльпан.

Ландыш — многолетнее растение семейства лилейных. Надземные части его гибнут глубокой осенью, а ползучее корневище перезимовывает и весной снова расцветает. Если бы не эти долгоживущие корневища, ландыши наверняка давно исчезли бы из наших лесов — так усердно собирают их горожане. А это была бы большая потеря и для русского леса — исчезло бы одно из лучших его украшений, и для медицины.

Из нежных колокольчиков ландыша в аптеках готовят ценнейшие сердечные препараты. По своему характеру они напоминают вещества, получаемые из другого очень интересного растения — наперс-

тянки, произрастающей в Западнй Европе.

Еще в XVI веке медики Ирландии применяли наперстянку при отеках и других заболеваниях. Однако лечение препаратами наперстянки часто приводило к тяжелым отравлениям. И только в середине XIX века выяснилось, что это растение чрезвычайно ядовито и применять его следует очень маленькими дозами.

Не знали медики средних веков и того, что препараты из наперстянки наиболее эффективны при сердечной недостаточности. Выдающийся русский врач С. П. Боткин назвал их «самым драгоценным сердечным средством», настоящей «отрадой сердца».

В нашей стране наперстянка не растет. Чем ее можно заменить? По предложению С. П. Боткина русский врач Н. Богоявленский в 1881 году испытал сначала на животных в лаборатории И. П. Павлова, а затем в клинике на больных майский ландыш. Он был выбран потому, что его настои издавна применялись в народной медицине для лечения нервных болезней и против все тех же отеков, которые, кстати, возникают вследствие нарушения сердечной деятельности. Испытания показали, что препараты ландыша замедляют сердечный ритм, улучшают наполнение кровеносных сосудов кровью, снимают одышку.

По сравнению с наперстянкой лекарства из ландыша имеют даже некоторые преимущества — они менее ядовиты и успокаивающе действуют на нервную систему, что очень важно при лечении болезней сердца.

Основной препарат из майского ландыша является гликозид-конваллатоксин, очень сложное химическое вещество, состоящее из 29 атомов углерода, 42 атомов водорода и 10 атомов кислорода.

Майский ландыш оказался чудеснейшим лечебным препаратом, хотя полностью и не заменил наперстянку.

Почти 250 лет назад наперстянку пурпуровую пробовали выращивать на Полтавщине, но она почему-то не привилась.

Только когда началась первая империалистическая война и закупка лекарств за границей резко сократилась, медики настойчиво стали искать заменители. После Октябрьской революции, когда наша страна оказалась в

кольце блокады, отсутствие сырья еще больше подстегнуло ученых. В конечном итоге поиски увенчались успехом. Оказалось, что лекарство ничуть не хуже заграничного можно получить из наперстянки крупноцветной, которая в нашей стране растет в горах — на Среднем и Южном Урале, Северном Кавказе и Карпатах. И скоро врачи получили отечественный дешевый и очень эффективный лекарственный препарат.

Интересна история еще одного сердечного средства. В 1853 году в Центральную Африку отправилась экспедиция Давида Лингстона. Должность врача при экспедиции исполнял доктор Кирк. Он собирал коллекцию ядов, которыми африканские воины смазывали наконечники стрел и копий. Во всех селениях, у всех встречаемых охотников Кирк приобретал образцы стрельного яда.

Однажды доктор сунул в карман свою зубную щетку. На другой день он заметил, что учащенный из-за серьезной простуды пульс стал быстро замедляться. Врачу нетрудно было догадаться, что это результат легкого отравления стрельным ядом. Так самопроизвольный эксперимент на десятки лет ускорил открытие ценного лекарства.

Хотя рассказы Кирка заинтересовали английских врачей, дорогу к прилавкам аптек новому лекарству продолжил профессор судебной медицины Петербургской медико-хирургической академии Е. В. Пеликан. Он изучал действие активных веществ, извлеченных из коры лианы-строфанты — того самого растения, из которого африканцы изготавливали стрельный яд, и установил, что они могут использоваться для лечения многих сердечных заболеваний. Они вызывали эффект, сходный с наперстянкой, только их действие проявлялось скорее и значительно сильнее.

Лианы, из которых добывались стрельные яды, произрастают только в тропической Африке. Поиски их заменителей долго не приносили успеха. Только в 1960 году удалось, наконец, его выделить из нескольких видов кендырей, произрастающих в Средней Азии, и горичветов, в том числе горичвета весеннего — заслуженного ветерана фармакологии. Из этих растений в аптеках давно извлекали два сердечных гликози-

Наперстянка пурпуровая
Digitalis purpurea L.

Наперстянка крупноцветная
(желтая)
Digitalis grandiflora Mill.

да — адониверназид и адонизид. Оказалось, что из них можно извлечь и строфантин. Фармацевты всегда старались как можно быстрее извлечь гликозиды из сырья, так как считалось, что в процессе сушки они разрушаются. Строфантин же в живом растении отсутствует, он синтезируется в процессе медленного высыхания листьев и зеленых побегов.

Теперь в аптеках продается наш собственный отечественный строфантин.

Медвежьи уши

Поздней осенью, когда подчистую собраны все ягоды, какие родят пригородные леса, приятно бродить по опустевшим перелескам. Все кругом «переделось» в яркое, и только густая зелень высоких елей да сосен

Кандыра ланцетовидная
Arctostaphylos lanceifolia Russan.

нарушает желто-красную гамму цветов. Грибная полоса уже на исходе, лишь изредка попадаются желтенькие лисички да стайки фиолетово-коричневых горькушек. В поредевшем лесу видно удивительно далеко. Идешь, не торопясь, а взор бежит далеко вперед, обгоняя усталые ноги. Но какая бы усталость тебя ни одолевала, невольно сворачиваешь в сторону, когда на далеком косогоре закраснеют гроздья некрупных ягод. Кто откажется полакомиться спелой брусникой? Однако ягоды оказываются сухими и безвкусными. Это совсем не брусника, а толокнянка, так удачно замаскировавшаяся под бруснику.

Толокнянка — многолетнее вечнозеленое стелющееся по-

Торчулент весенний
Alonis vernalis L.

лукустарниковоe растение. В мае — июне оно покрывается поникающими кисточками белорозовых цветов, а осенью — красными мучнистыми ягода-

Брусника
Vaccinium vitis idaea L.

ми. Толокнянка издавна применяется в народной медицине. В ее листочках содержится глюкозид арбутин, очень хорошо помогающий при некоторых заболеваниях почек.

Название «толокнянка» рус-

Малокнянка обыкновенная
Arctostaphylos uva-ursi Adans.

ского происхождения. Другое наименование этого растения, под которым оно широко известно среди врачей и аптекарей, — «медвежьи уши». Но, называя толокнянку этим вторым именем, медики нередко улыбаются. Дело в том, что с этим названием произошел конфуз. Кто-то из предков теперешних фармацевтов так перевел на русский язык латинское название этого растения — «ува урси». «Урси», действительно, означает «медвежий», а вот слово «ува» только похоже на латинское слово — «ухо», а на самом деле означает «виноград». Так, вместо того, чтобы называться «медвежьим виноградом», это растение получило у нас название «медвежьих ушей».

Король лекарств

У древних греков богом врачевания был Асклепий. Римляне переименовали его в Эскулапа. И поныне эскулап — шутовское прозвище врачей.

Однако сами римляне, а тем более греки, относились к Асклепию вполне серьезно — ведь он был сыном одного из главных богов — Аполлона.

В детстве Асклепий был отдан на воспитание мудрейшему из кентавров Хирону, который и обучил его нелегкому искусству врачевания. Ученик ока-

зался столь способным, что вскоре мог не только исцелять людей, но даже воскрешать мертвых.

Люди на земле перестали болеть и умирать. Однако это привело к нарушению порядка, установленного верховным богом Зевсом. Такой вольности боги не смогли простить Асклепию — рассерженный Зевс убил его молнией. И счастливой поре человечества пришел конец — на землю вновь вернулись болезни и смерть.

Однако теперь люди не были беспомощны — о их здоровье заботились дети Асклепия. Его сыновья Махаон и Подалирий стали искусными врачами. Еще более могущественными оказались дочери: Гигия стала богиней здоровья, а Панацея — богиней-целительницей.

Миф этот отражает извечное стремление людей избавиться от всех болезней, найти универсальное лекарство — панацею, помогающую при любых недугах. Недаром слово «панацея» вошло в языки почти всех европейских народов. Сами европейцы в этом отношении не преуспели. Универсальное лекарство было найдено восточной медициной. Получают его из корня женьшеня, произрастающего на Дальнем Востоке.

Там, где сибирская темнохвойная тайга, хлынувшая в теплое Приморье, принимает в свою семью широколиственные растения — липу, дуб, клен, тисс, бархат амурский, орех и совсем уже тропические диковинки — цепкие лианы, лотос, дикий амурский виноград, гигантские папоротники, — по горным склонам и в глубоких распадках растет это удивительное растение. О его целебных свойствах в странах Восточной Азии было известно еще четыре тысячи лет назад. Однако, когда в 1610 году голландские купцы привезли его в Европу из Японии, на женьшень никто не обратил внимания. Только спустя 140 лет легенды о его чудодейственных свойствах обошли большинство стран. Шведский ботаник Карл Линней, создавший первую научную систематику растений, окрестил род, к которому отнес женьшень, греческим словом «папакс» (панацея), что в переводе должно означать «средство от всех болезней».

Неизвестно, сколько жизней спасло лекарство, получаемое из женьшеня. Хорошо, если больше, чем число людей, погибших

*Женьшень
Panax ginseng С.А.М.*

из-за него. Охотники за женьшенем погибали в горных чащобах от голода, болезней и диких зверей. А того, кому повезло найти чудодейственный корень и выйти живым из леса, подстерегали разбойники-хунхузы.

Женьшень — невзрачное травянистое растение. По внешнему виду оно очень напоминает свою ближайшую родственницу

*Заманила высокая
Echinopanax elatum Nakai*

вечнозеленую комнатную аралию: на гладком круглом стебле длиной 50—70 см розетка из двух — шести, очень редко — семи крупных кленообразных листьев. В период цветения над листьями возвышается цветоч-

ная стрелка с шапочкой мелких зеленовато-белых цветов. Неприметен женьшень, и отыскать его в тайге нелегко. Только осенью созревшая горстка ярко-красных ягод выдает его.

Женьшень — многолетнее растение. Продолжительность его жизни достигает 150—200 лет. Каждый год с наступлением холодов наземная часть растения отмирает, а весной из одной-единственной зимующей почки, которая формируется в течение двух лет, вырастают новый стебель, листья. Если случится, что почка окажется поврежденной, стебель на следующий год не вырастет, а корень как бы надолго засыпает. Иногда сон длится 15—20 лет, пока не наступят благоприятные условия и не разовьется одна из многочисленных запасных спящих почек.

Самая важная и интересная часть растения — корень, который часто похож на дряхлого сморщенного старичка. Поэтому растение и получило свое название: ведь по-китайски «жень» означает человек, «шень» — корень. Именно такие корни и ценятся больше всего, в особенности если на нижнем конце они раздвоены. Двупалые корни считаются мужскими и якобы обладают значительно более сильным терапевтическим эффектом, чем неразветвленные женские.

Древняя китайская медицина считала, что женьшень помогает от всех болезней — улучшает сердечную деятельность, способствует обновлению крови, снимает усталость, усиливает физическую и духовную деятельность организма, продлевает и поддерживает жизнь в старости.

Это растение, как свидетельствуют легенды, нередко спасало жизнь путникам. Измученный длительным скитанием по тайге, обессиленный от голода, человек брал кусочек корня в рот, и его силы восстанавливались, он мог продолжать путь. Кстати, именно этот способ и до сих пор используют в Китае для определения ценности женьшеня. Один из двух искателей берет в рот кусочек корня, и они вместе идут дальше. Если тот, кто откусил корешок, будет бодр и свеж, когда его товарищ выбьется из сил, — то лечебные свойства женьшеня оцениваются очень высоко.

Искатели женьшеня собирают только старые корни. Считается,

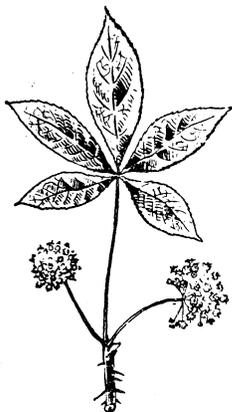

Аралия маньчжурская
Aralia manshurica Rupr. et Max.

что целебными свойствами обладают растения начиная с десятилетнего возраста, и чем корень старше, тем он сильнее.

Растет женьшень очень медленно: в год корень прибавляет по грамму.

Особенно ценятся большие старые корни. За них дают золота в три раза больше, чем весит сам корень. Вероятно, са-

Элеутерококк колючий
Eleutherococcus senticosus Max.

мым дорогим можно считать корень женьшеня, найденный в 1905 году при строительстве железнодорожной линии на Сучан: вес его был 600 г, а примерный возраст — 200 лет.

Новейшие исследования подтвердили наличие лечебных свойств женьшеня. При однократном приеме он повышает физическую и умственную работоспособность. При систематическом лечении женьшенем повышается жизнедеятельность, организм лучше борется с вредными воздействиями внешней среды. Этим и объясняется лечебное действие женьшеня при многих других заболеваниях.

В настоящее время найдены и вещества, глюкозиды, присутствие которых объясняет целебные свойства женьшеня. К сожалению, химики пока еще не умеют синтезировать столь сложные химические соединения.

Многовековое хищническое истребление женьшеня привело к тому, что некогда широко распространенное в странах Дальнего Востока растение сохранилось только в Приморье, на территории СССР, да и здесь его осталось немного. В последние годы здесь собирают за сезон не более пяти тысяч, главным образом, очень мелких корней. Как же быть? Нельзя допустить, чтобы ценнейшее лекарство полностью исчезло. Первое, что пришло в голову ученым, — это попытаться выращивать корень жизни на специальных плантациях.

И тут выяснилось, что женьшень — чрезвычайно капризное растение. Оно боится засухи и любит влагу, но не переносит ее в больших количествах, не переносит яркого солнца, но и не растет в густой тени, выдерживает большие морозы, но страдает от ранних оттепелей. Семя женьшеня должно пролежать в земле два года, прежде чем оно пустит росток, но при этом все два года должны быть весьма благоприятные погодные условия. Случись за это время засуха — семя засохнет, повысится влажность почвы — семя сгниет. Но даже если все эти трудности будут преодолены, то и тогда нет гарантии, что 10—12-летний труд не пропадет: ведь корень, выращенный в искусственных условиях, может оказаться без целебных глюкозидов. Однако

теперь основные трудности позади: на Дальнем Востоке, на Кавказе и Украине появились женьшеневые хозяйства, обеспечивающие сырьем фармацевтическую промышленность нашей страны.

Женьшень относится к семейству аралиевых, которых насчитывается свыше 800 видов. Невольно напрашивается вопрос: не поискать ли среди этих родственников заменителей короля лекарств? В первую очередь начали знакомиться с аралиевыми, произрастающими на Дальнем Востоке. Результаты поисков превзошли все ожидания. Препараты, полученные из заманихи высокой, обладают возбуждающим действием. Еще более эффективной оказалась аралия маньчжурская, она превосходит даже сам женьшень. Но аралия ядовита, и применение ее связано с известным риском. Зато элеутерококк безвреден, а по силе равен женьшеню.

Впоследствии выяснилось, что препараты элеутерококка колючего, довольно крупного кустарника, ветки которого густо усыпаны шипами, могут принести огромную пользу не только в медицине, но и в животноводстве и растениеводстве. Само растение отнюдь не дефицитно. Оно широко распространено на Дальнем Востоке, да и его разведение не является сложной задачей.

Элеутерококк может применяться в пчеловодстве — он значительно повышает работоспособность пчел. Пчелиная семья, которую подкармливали отваром элеутерококка, собирает на 60 процентов больше меда, чем в контрольных ульях. К тому же резко увеличивается количество откладываемых маткой ячеек — и пчелиная семья быстро растет.

Элеутерококк увеличивает яйценоскость кур, а цыплята под его влиянием растут чуть ли не вдвое быстрее. Кукуруза, выращенная из семян, обработанных этим препаратом, дает повышенный урожай.

Вот какими удивительными свойствами обладают некоторые растения, произрастающие в наших лесах.

Рисунки А. Бойченко

СТРАНИЧКИ ДНЕВНИКА

ЧУДО-КРУЖЕВО

Из-под снега вытаял большой валун, затянутый белым лишайником. Мелкие точки, местами сливающиеся в тонкие нити, покрыли камень затейливым кружевом. Едва ли человеческая фантазия способна создать такой рисунок. Я долго рассматривал камень, дивясь, что не замечал этой красоты раньше. Казалось, что это чудо-кружево сплела дочь лесного Берендея. Да вот не она ли, обратившись в березу, стоит рядом, утонув по колено в снегу, любуясь своим рукоделием?

БЕРЕЗА

Эту березу я знаю давно. Хожу к ней, как на свидание с любимой. Видел ее покрытую золотистыми пухлыми сережками, стыдливо закутанную косами из крошечных, в копейку, листочков. Летом отдыхал в ее густой тени.

Стоит она в стороне от больших дорог, никто ее не беспокоит. Никто не сдирает с нее кору, не добывает сладкого сока. Среди темного ельника растет она в первозданной красоте. Однако и с ней произошли перемены. В этот предвесенний день она совсем иная, чем была в зимнюю стужу. Тогда она казалась озябшей и одинокой, а сейчас повеселела, ее белая кора от яркого солнца стала румяной, а вершина на фоне небесной просини сделалась розовой. Несколько лет тому назад кора у нее была нежной и бархатистой, а сейчас у комля появились морщины. От этих морщинок береза стала еще милее, как женщина на пороге своей осени.

БАБОЧКА

На южном склоне Обсерваторской горки весенние проталины появляются всегда очень рано. На одной из таких проталин я увидел греющуюся на солнце бабочку крапивницу. Осторожно взял ее и посадил на ладонь. Шевеля усиками, она тихо поползла по руке, не пытаясь взлететь. Я подбросил бабочку, и она, сложив крылья, упала на зернистый снег, словно сорванный ветром увядший листок.

Летать она еще не могла, видно, просто выползла из какой-нибудь щели погреться.

Я снова посадил ее на ладонь, подышал, согревая своим дыханием, и крапивница вспорхнула, все выше и выше поднимаясь над зарослями кустов.

Нам, людям, для полета тоже порой требуется совсем немного тепла.

ИЗБУШКА

В верховьях речонки Нязи стояла когда-то избушка-полуземлянка. Кто ее строил — неизвестно. Вероятнее всего, бортник, собиравший дикий мед. В окрестностях избушки кое-где сохранились висящие на деревьях колоды. Но пчелы уже давно в них не живут, колоды сломаны и истлели.

Истлела и избушка. Крыша у нее провалилась, дверь сорвана, вход чернеет мрачным провалом, и из него доносятся запахи прели и плесени. Вход в землянку затянут толстой паутиной. Не осень ли сделала эту призрачную дверь, а для крепости вместо замка навесила сморщенный березовый листок? Что-то трогательное и печальное чудится в развалинах и в этом листочке, сохранившем отблески осеннего золота. Давно я не был в этом месте и при виде развалин почувствовал, как бежит время.

Л. Федеров

Рисунки В. Сыскова

КОНЦЕРТ НА ОЗЕРЕ

Уже основательно надоело мне глядеть на поплавок моих удочек — неподвижные, как и водная гладь озера Балтым.

Начало четвертого, рассвело.

Сыро. Прохладно. За спиной, на берегу, еще чернеет ночной сумрак. Угрюмый лес подступает к самой воде. Ближние сосны, лиственницы, кустистые липы склонились над озером и глядятся в него, как в зеркало, а длинные, тонкие ветви березы сплелись с тростником.

Левее — большая поляна, лес далеко отступил от воды, освободив место богатому разнотравью и зарослям калины.

Солнце поднялось уже над горизонтом, но деревья закрывают его. Вижу лишь, как золотятся макушки сосен да светлеет небо в зените.

Где-то забухал часто удод.

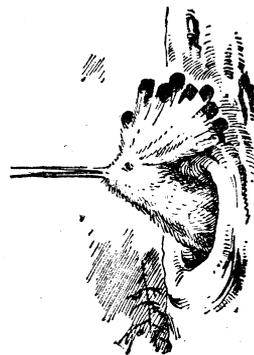
...Вспомнилось мне: шли мы однажды по лесу с пожилым человеком. На мой вопрос,

что это бухает, он ответил: «Сваи забивают. У нас на Цне, когда ставили режи по берегу, так же гукало».

Сам я сравниваю крики удода с хлопками паровозного движка, который еще в двадцатых годах устанавливали в нашей деревне на молотильном току. Свое время — свое и сравнение...

Другим в голосе удода слышатся слова: «Ху-до тут! Ху-до тут!» Удоды гнездятся на диких лесных пустошах, вот и предупреждают лесных обитателей о гиблых местах.

Объяснение же удодова буханья — не сложное. Глуховатое «уп-уп-уп!» птица выкрикивает, сидя в дупле. Полость дупла со-

здает резонанс, как пустая бочка, и вот по всему лесу несется гулкое буханье...

Пробухал свое удод, а следом заскрипел дергач-коростель в болоте, защебетали мелкие птицы в лесу. Без умолку болтая, принялся за работу трудовой пернатый мир.

В этом деловом птичьем разноголосье зазвенела вдруг песня, полная задора, веселья, жизнерадостности, будто возвещала всему миру о наступлении солнечного летнего дня. Пел солист с каким-то особо выразительным звучанием голоса.

Я невольно встал, обернулся и сошел с деревянных шатких мостков на берег.

А ведь это обыкновенный, всем известный зяблик! Но какая песня! Жаль, не передать ее на бумаге, хотя бы так, как крики удода.

Вообще пение зяблика складывается из повторения отдельных рулад, а каждая рулада состоит из трех частей: начало — тихое, короткое, всегда внезапно обрываемое; резкое, звучное, очень частое выкрикивание какой-то ноты, называемое «бом», — середина; окончание — залихватский свист, «росчерк».

Я стою на росистой поляне в тени гигантских сосен, слушаю песню, на ветках дерева ищу певца, и чудится мне, будто лесное эхо вторит ему звук в звук. Вывел зяблик руладу — сделал паузу, а теперь голос его звучит еще где-то справа. Так и поют: он и эхо...

Иду вправо поляной, прислушиваюсь: нет, это не эхо, это еще один зяблик!

Вот первый заверещал недовольно, выкрикнул что-то сердитое, резкое. Второй ответил тем же, будто передразнил его...

Посреди поляны растет могучая, высоко под стать соснам, раскидистая береза. На ней и нашел я второго певца. И тут, у березы, все стало наоборот: первый зяблик казался теперь эхом второго. Тогда выбрал я место на поляне, одинаково удаленное от обоих певцов. И что же? Слышу их пение одновременно! Поразительно: неужели поют они дуэтом? Все, как в настоящем театре. У каждого голоса — своя партия, в целом обе партии схожи. Но различия они эмоциональными оттенками, длительностью и высотой звуков, окончанием. Первый зяблик заканчивал песню не только «росчерком». От удовольствия он еще и прищелкивал по-соловьиному. Похоже, что он — ведущий в паре. А впрочем, и другой мало чем уступал ему.

С каким наслаждением они пели! Я слушал, и невольно казалось мне, будто в их песне не только простой, врожденный инстинкт, будто присутствует здесь нечто большее, что выше инстинкта...

Л. БОГОЯВЛЕНСКИЙ

ВНУК ЛЕСНИКА

Прошлым летом я приехал погостить к своим дальним родственникам в деревню Бузаиху. Изба под тесовой крышей стояла на взгорье. У крыльца рос куст сирени. Мне отвели небольшую светлую комнату. По утрам за окном ворковали голуби, гудели пчелы, кудахтали куры под предводительством горластого одноглазого петуха Митрия. На крыльце, свернувшись калачиком, грелся на солнцепеке рыжий кот Тришка.

В избе пахло горячими пирогами и медом.

После завтрака я шел в сад. Облюбовывал себе укромное местечко и читал.

Днем, когда становилось знойно, я спускался к реке. Плавал в зябкой воде, затем переходил под сень старых лип и отправлялся путешествовать по заповедным ягодным местам.

Однажды, находясь вдоволь по лугам, по частым березнякам, по оврагу, где

в детстве играл в казаков-разбойников и ловил западком синиц и чечеток, я порядком устал и сел отдохнуть на пенек рядом со сторожкой лесника. Внезапно за спиной раздался звонкий ребячий посвист.

Я повернулся и увидел на тропе мальчика лет шести. Нос-пуговка был в царапинах, а на растрепанных вихрах цвета спелой пшеницы сидел репей. В меня стрельнули зеленые, с лукавинкой глаза. За плечами — игрушечное ружье.

Мы кивнули друг другу и познакомились.

— Егор Данилов, — мальчик надул для солидности щеки и протянул мне ладонь лодочкой.

— Чей ты будешь?

— Дедов.

— А где он?

— В обход ушел. Скоро придет.

— А родители?

— Мамка в больнице, в город увезли.

— А отец?
— Отец? Отец далеко...
— Ну?!
— На границе.
Егор опустил глаза, потоптался на месте и со вздохом уставился на мой ботинок. В дороге у меня случилась авария — отвалилась подошва. Пришлось ее подвязать бечевкой, отчего нога приобрела забавный вид.
— А что без сапог? — спросил Егор.
— Да вот решил — ногам тяжело будет.

— У нас без сапог никак нельзя, — стрезал Егор.

— Это почему?
— Болота, змеи...
— Так-так...

— И без ружья тоже. Далеко без ружья нельзя.

— Ну?
— Медведи шатаются, рысь...
— И ты видел?

— Я — не... — Егор опустил голову и переступил с ноги на ногу. — Дед сказывал. Таганьково знаете?

— Как же...

— На той неделе там медведь объявился. Залез в сад к Пузановым и всю малину попортил. Одни голые ветки оставил. Такой обжора!

— Кто же его видел?

— Да Генка Пузанов. Он аккурат из лесу шел. Смотрит, медведь на заборе. Генка грибы на дорогу вывалил, корзину на голову надел и давай что есть сил свистать.

— Не растерялся!

— Ага, — продолжал Егор. — Медведь, он хоть здоров, а трус. Испугался и задами к лесу тикать.

— Больше не навещался?

— Пока нет... Только дед Елисей мне тоже ружье дал. Из коры выточил.

Егор присел на одно колено, вскинул ружье, прищурил левый глаз и бабахнул. Потом сказал:

— Пугануть всякого можно...

— Так, — согласился я. — А если рысь?

— Рысь? Что рысь... — Егор нахмурился,

почесал затылок. — Рысь днем спит. А ночью костер жечь надо. Огня боится.

С опушки донесся тонкий, призывный лай собаки. Видно, выследила зверя и теперь подвывала, звала хозяина.

Егор насторожился и с ружьем наперевес бросился на шум. Я поспешил вслед за ним.

— Стой, Валетка! — скомандовал Егор. — Стой!..

На вершине березы сидел бельчонок. По временам он вздрагивал, сжимался в комок и беспомощно перебирал лапками тонкие ветки. До ближайшего дерева было метров шесть, и зверек боялся прыгнуть.

Мальчик смекнул, что дело серьезное и просто так пес не уgomонится. Приставил ружье к плечу, прицелился. Трах-тара-бах! — последовал оглушительный выстрел. Собака, казалось, только того и ждала. Валет крутнул хвостом, радостно взвизгнул и заколесил вокруг дерева в поисках добычи.

— Молод еще... — снисходительно сказал Егорка. — Зимой дед его белковать учил. А сейчас не время зверя стрелять.

Мальчик схватил пса за ошейник и потащил к сторожке.

— Ку-ку, ку-ку... — за рекой робко подала голос кукушка.

Вскоре из ближнего леса ей ответил другой, веселый, раскатистый голосок: ха-ха-ха... ха-ха-ха...

Мальчик замедлил шаги, прислушался.

— Куковой кукушку зовет...

— Ну да? — усомнился я.

— Он ей кукукает, а она ему в ответ хочет.

Валет, почувствовав, что хозяин отвлекся, оживился и гавкнул.

Егор погрозил неслуху кулаком и двинулся дальше.

Небо вдруг посерело, затянулось тучами, словно набежали ранние сумерки.

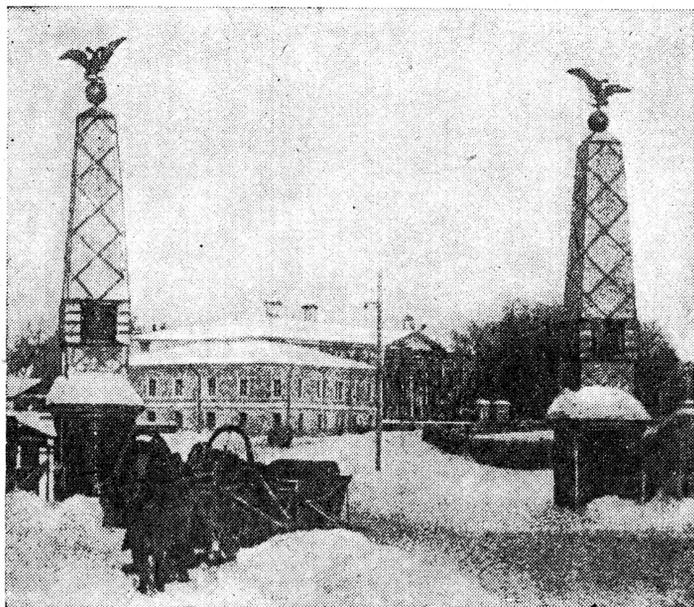
Повернул и я к дому, туда, где неторопливо бежала, позванивая на перекатах, тихая река.

— До скорого! — крикнул я на прощание внуку лесника.

А. БАРКОВ
Рисунки В. Хотиненко

ОРЛЫ С ЗАСТАВ

В прошлом веке каждого приезжавшего в губернский город Пермь — с востока ли, с запада — встречали и провожали обелиски застав, увенчанные двуглавыми орлами, символизировавшими империю.

Мимо них проследовали участники восстания на Сенатской площади и поборники вольной Польши. В оконца возков их видели жены декабристов, чье мужество вызвало восхищение передовых людей России. Под хищным орлиным взглядом прошел закованный в кандалы, с обритой наполовину головой, в двухцветной арестантской куртке с желтым тузом на спине Федор Достоевский. Укрытый от глаз обывателей, без остановки на постой был провезен «опасный государственный преступник» Николай Чернышевский...

История появления Сибирской и Казанской (Московской) застав в Перми не лишена интереса.

Осенью 1824 года губернский город Пермь готовился к встрече российского самодержца Александра I. Нечего говорить, каких забот и хлопот принес приезд царя местным властям, начиная от губернатора и кончая мелким чиновничеством! Нужно было умело, с выгодной стороны показать ревню-

стное исполнение своего служебного долга, тщательно замаскировав вопиющую запущенность. Пермь, не зная покоя ни днем ни ночью, чистилась, прибиралась.

Разумеется, губернатор прежде всего позаботился о том, чтобы придать парадный вид въезду и выезду из города. На выравнивании и благоустройстве дорог работали тысячи крепостных крестьян, согнанных из окрестных селений.

На южной окраине Перми, на заставах тракта, ведущего из Казани в Сибирь, в подражание столичному Петербургу вместо полугнивших полосатых деревянных столбов появились четыре обелиска.

Надо сказать, эти обелиски не производили впечатления заурядных казенных сооружений, возведенных к тому же в спешном порядке. Каждый из них был увенчан искусно отлитыми двуглавыми орлами, впившимися когтями в металлический шар, прообраз земного; на лицевых гранях — чугунные плиты с гербом города; основание украшено четырьмя плитами художественного литья.

Сто с лишним лет простояли обелиски, а когда стали мешать нормальному движению нового транспорта, были разобраны. К со-

жалению, затерянным оказалось и художественное литье. Лишь один из восьми чугунных орлов, могуче распластавший крылья, ныне экспонируется в отделе дореволюционного прошлого Пермского областного краеведческого музея. Посетители восхищаются художественным мастерством литейщиков. Но кто эти умельцы, где выполнялся заказ?

Ответить на этот вопрос помогли материалы Государственного архива Пермской области.

В архивном фонде Пожвинского завода сохранилось пожелтевшее от времени дело № 573 — «Рапорты о заводских благополучиях» за 1824 год. В нем — рапорт от 19 августа 1824 года, в котором приказчики Пожвинского завода сообщают заводовладельцу В. А. Всеволожскому:

«По просьбе пермского губернатора для устраиваемых в городе Перми въездов, для 4 столбов все чугунные вещи, в которых заключается весу 1176 пуд., при здешнем заводе отлиты и в Пермь отправлены. Ныне еще по требованию губернатора для оных же въездов отливаются по присланному рисунку чугунные решетки с тумбами, в которых должно быть весу около 500 пудов, и оные отливкою и сборкою через неделю также поспеют».

...Далеко раздвинула свои границы современная Пермь. Места, где стояли заставы (Казанская — на перекрестке улиц Пушкина и Борчанинова, Сибирская — у проспекта Карла Маркса и улицы Кирсанова), давно находятся в глубине города. И, может быть, стоило как-то обозначить эти места старых застав, свидетелей далекого прошлого города?

П. КАЗАНЦЕВ

- КОТ-ПОЧТАЛЬОН
- ПЕРВАЯ ПОДВОДНАЯ!

Югославскому крестьянину Ранделу Евичу и его сыну почтальон служит... кот. Сын пасет скот в горах в восьми километрах от дома. Когда отец хочет что-либо сообщить сыну, он привязывает послание коту на шею и посылает его в горы. Таким же способом Евич получает ответ.

1620 submarine?

В 1620 году двор английского короля Иакова I был взволнован известием о том, что приезжий голландец врач Корнеллиус ван Дребель испытывает на реке Темзе подводное судно. Лодка Дребеля была построена из дерева и обшита промасленной кожей.

«Кроме пассажиров, в ней помещалось 12 гребцов и 3 офицера. Она делала переходы по несколько часов на глубине от 12 до 15 футов. Отверстия для весел были снабжены упорками, чтобы они не пропускали воду...» — так описывал лодку ученый Роберт Бойль.

Ван Дребель уверял всех, что открыл секрет «квинтэссенции воздуха»: изобрел жидкость, которая делает испорченный воздух снова пригодным для дыхания. Трудно поверить этому — ведь химию тогда знали плохо! Но изобретатель умер, так и не открыв никому своего секрета...

Главный редактор С. МЕШАВКИН

Редколлегия: А. АСС, А. БОГАЧЕВ (зам. главного редактора), МУСА ГАЛИ, А. ДОМНИЙ, Б. КОЛЕСНИКОВ, В. КРАПИВИН, Ю. КУРОЧКИН, Г. МАШКИН, Н. НИКОНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, К. СКВОРЦОВ, И. ТАРАБУКИН (ответственный секретарь), В. ШУСТОВ.

Обложка Е. СТЕРЛИГОВОЙ

РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Технический редактор Э. Максимова.

Корректор В. Бурангулова

Адрес редакции: Свердловск, ГСП-353, ул. 8 Марта, 8. Телефон 51-22-40.

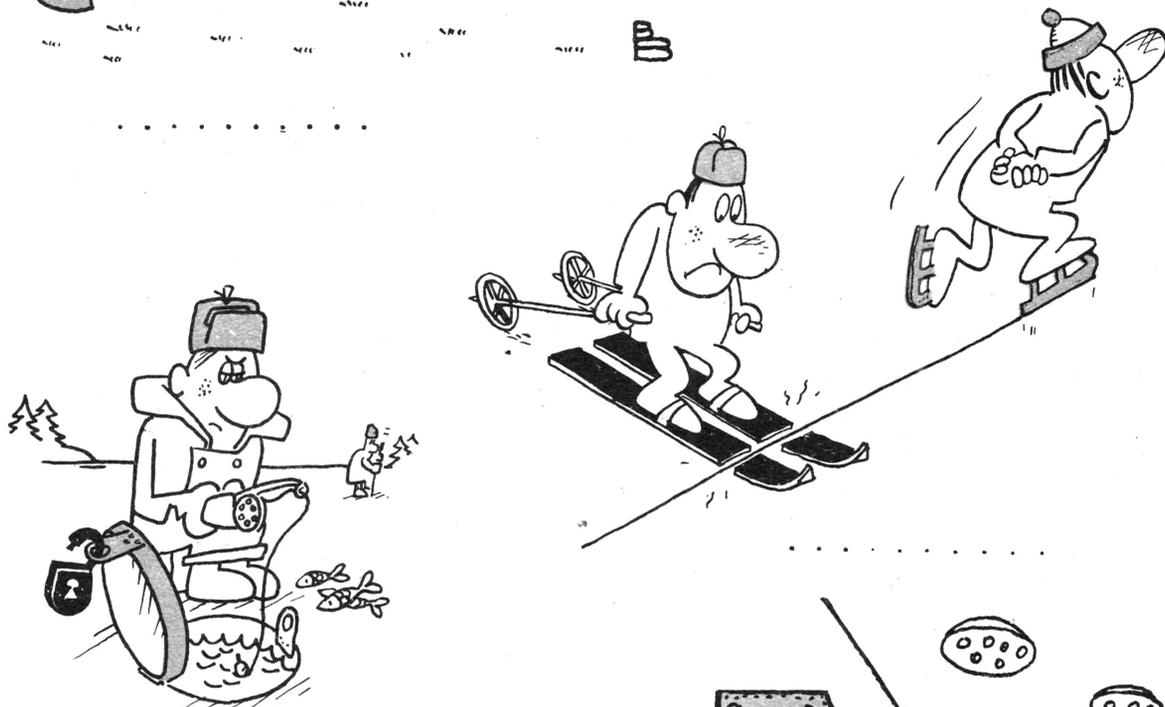
Средне-Уральское Книжное Издательство

Сдано в набор 13/XI 1972 г. НС 20001. Подписано к печати 8/1 1973 г. Бумага 84×108/16=2,6 бум. л.— 8,8 печ. л. Уч.-изд. л. 10,5. Тираж 219 500. Цена 30 коп. Заказ 611.

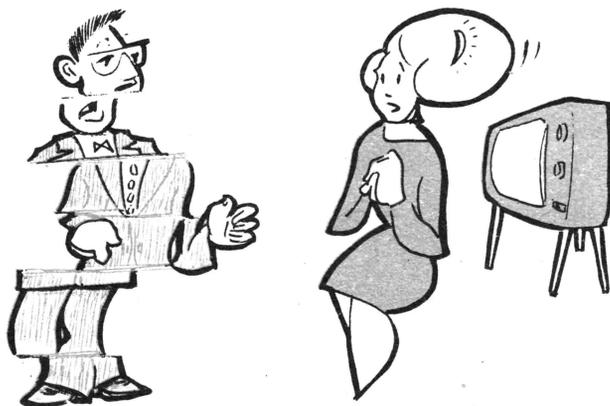
Типография изд-ва «Уральский рабочий», Свердловск, пр. Ленина, 49.

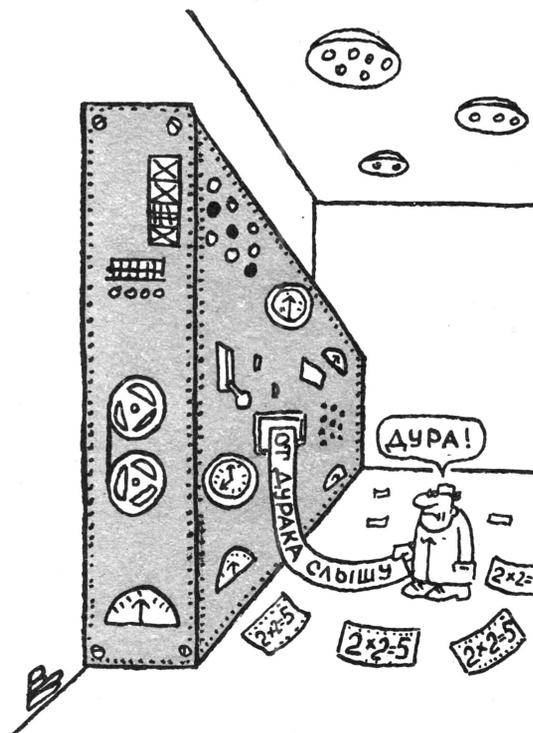
Рисунки В. Васильева,
М. Ибрагимова
и В. Милейко.

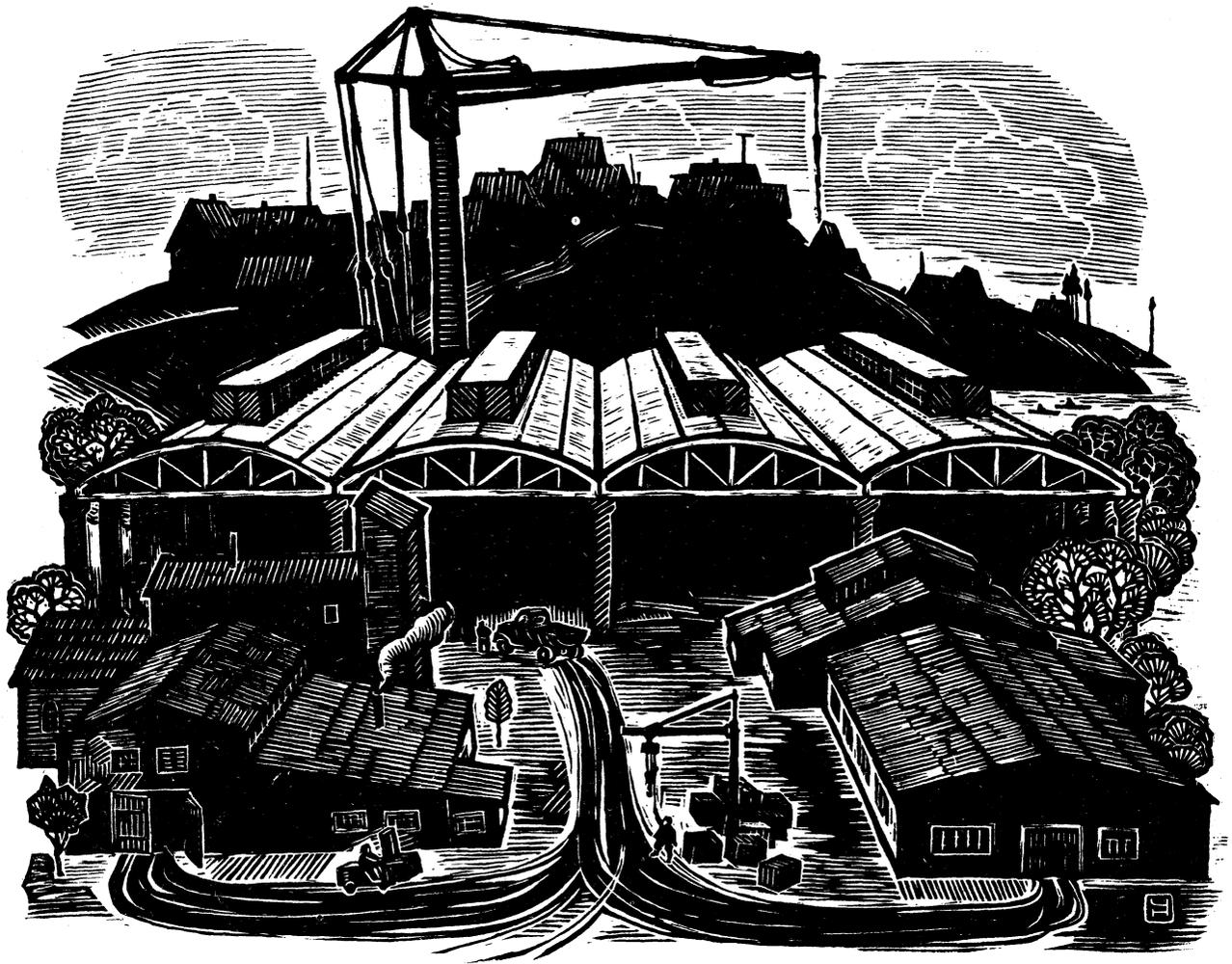
ПЕРСОНАЛЬНАЯ ЛУНКА

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ ПО ТЕЛЕВИДИЕНИЮ
МНЕ ЧТО-ТО НЕ ПО СЕБЕ

МАТЕМАТИКИ

НОВЫЙ ЦЕХ

Н. ЧЕРКАСОВ